
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322839 2

·Н·БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ·
Дикая дивизія
ОМАН

Великій Князь МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(в началѣ великой войны)

Второй брат государя родился 22 ноября 1878 г. В 1898 г. произведен в корнеты лейб-гвардіи кирасирскаго Ея Вел. полка, гдѣ нес строевую службу и командовал эскадроном.

Послѣ морганическаго брака с женой сослуживца, г-ой Вульферт, урожденной Шереметьевской и получившей титул графини Брасовой, принял в командованіе 17 гусарскій Черниговскій полк, в г. Орлѣ. Назначенный через три года командиром кавалергадскаго полка, за освященный церквью мезельянс, подвергнут опалѣ, лишенію нѣкоторых прав и высылкѣ из предѣлов Россіи.

С началом велик. войны возвращен и получил в командованіе „Дикую дивизію". За личное мужество пожалован орд. Св. Георгія 4 степени.

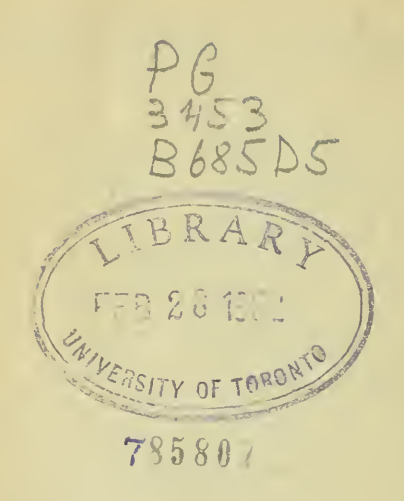
Н. Н. Брешко-Брешковскій

ДИКАЯ ДИВИЗІЯ

РОМАН В 2-х ЧАСТЯХ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МІР“

Рига, Antonijas ielā 12, dz. 5.

Типографія А.-О. „Э. Левинъ“
- Рига, Мельничная ул. 33. -

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Под тремя золотыми львами

Каждый маленькій, глухой городишка австрійской Галиціи желал походить, если даже и не на Вѣну, эту нарядную столицу свою, то, по крайней мѣрѣ, хотя-бы на Львов. Подражательность эта выявлялась, главным образом, в двух-трех кафе, или по мѣстному, по польски—в цукернях.

Пусть на этих цукернях выпивался за весь день какой-нибудь жалкій десяток стаканов кофе с молоком, съѣдалось нѣсколько пирожных и мѣстные чиновники играли двѣ-три партіи на билліардѣ. Пусть, но и кофе, и пирожное и сухое щелканье шаров в дыму дешевых сигар и папирос, все это вмѣстѣ давало блѣдный отзвук той жизни, которая бурлит и клокочет в блестящей, прекрасной и недосягаемой Вѣнѣ.

Когда началась война, и русская армія заняла Галицію, дѣла мѣстных каверень не только поправились, а побѣжали в гору. Кофе и пирожное отошли в исторію. Щедро платившіе русскіе офицеры пили старое венгерское, вина, ликеры и шампанское, а сухое щелканье билліардных шаров не смолкало с утра и до поздней ночи.

Так было вездѣ, так было и в мѣстечкѣ Тлусте-Място, гдѣ стоял штаб туземной кавказской конной дивизіи. Болѣе интимно и болѣе сокращенно ее называли „Дикой дивизіей“.

В цукернѣ „Под тремя золотыми львами“ перемѣнился хозяин. Прежній старый, сѣдоусый поляк с пріятными манерами, продав свое дѣло уѣхал куда-то,

а вмѣсто него появился господин, хорошо одѣтый, с военной выправкой, с ястребиным профилем помятаго лица и с тонкими губами. Он был вѣжлив, но у него не было мягких, профессіональных манер сѣдоусаго пана.

По русски он говорил почти свободно, хотя и с акцентом. Но когда офицеры „Дикой дивизіи" эти бароны, князья и графы в черкесках говорили при нем по французски и по англійски, никто из них не подозрѣвал, что хозяин владѣет не только этими языками, но еще и чешским, сербским, румынским и даже турецким.

Ему не сидѣлось на мѣстѣ. Он часто ѣздил в Тарнополь и в Станиславов. В этих городах у него тоже были свои цукерни, конечно, болѣе шикарныя, чѣм „Под тремя золотыми львами". Но с тѣх пор, как фронт утратил свою подвижность, затих, и штаб Дикой дивизіи надолго обосновался в Тусте-Място, обладатель ястребинаго профиля основательно засѣл „Под тремя золотыми львами".

Цукерня помѣщалась в бель-этажѣ небольшого кирпичнаго особняка. Надо было подняться по деревянной лѣстницѣ, расшатанной и скрипящей с тѣх пор, как ступеньки ея неустанно попирались тысячами, десятками тысяч ног в кавказских чувяках и в сапогах со шпорами.

В первой комнатѣ—столики и буфет, а за буфетом дебелая блондинка. Во второй комнатѣ—два билліарда. В остальных комнатах квартира хозяина.

И вот в эту лѣтнюю ночь, когда послѣ одиннадцати цукерня была закрыта и над стеклянной дверью уже не звенѣл колокольчик на желѣзной пружинѣ, хозяин принял в своем кабинетѣ поздняго гостя.

Этот посѣтитель,—фельдшер Дикой дивизіи, в сѣрой суконной черкескѣ и с большим кинжалом на животѣ. От черкески и кинжала воинственный вид фельдшера Карикозова мало выигрывал. Черкеска сидѣла на его несуразной фигурѣ отчаянно, а кинжал был ему только помѣхою. Карикозов был человѣк путанной и сбивчивой національности, называл себя то армянином, то кабардинцем, то осетинцем, в дѣйствительности же

не будучи ни тѣм, ни другим, ни третьим. Череп его имѣл форму дыни с большим плоским лбом. Лицо с носом картофелиною, рѣзко ассиметричное. Одна половина не сходилась с другой. Лѣвый глаз ниже праваго, и в таком же соотвѣтствiи и брови,и линiя рта. — В общем—восточная внѣшность, но сказалась в фельдшерѣ Карикозовѣ менѣе всего в смыслѣ породы и болѣе всего вырожденчески. Такiе типы в Константинополѣ приставали к европейским туристам, таинственно обѣщали ввести их в гарем какого нибудь паши и, вмѣсто гарема, вели в публичные дома Галаты, гдѣ они получали извѣстный процент с каждаго „гостя".

Хозяин цукерни „Под тремя золотыми львами" сѣл, закурил сигару и только потом неохотно предложил сѣсть человѣку с большим кинжалом.

Обладатель ястребинаго профиля опытным, холодным, прищуренным взглядом всматривался в посѣтителя.

„Глуп, туп и лукав" — рѣшил он. А посѣтитель напряженно молчал, и от этого напряженiя и еще от сильной охоты угодить, его лоб-дыня вспотѣл.

— Ваша фамилiя Каракозов?

Хозяин цукерни коснулся больного мѣста: фельдшер злился, когда искажали его фамилiю, и все лицо вмѣстѣ с бровями и ртом пришло в движенiе, и он заговорил хрипло и рѣзко, с акцентом актеров, выступающих с армянскими анекдотами:

— Па-слюшайте, господин, очень вас прошу — я не Каракозов, и не Киракозов... я, Карикозов, панимаете Карикизов!

Подобiе улыбки тронуло тонкiя губы, но холодными оставались глаза.

— Хорошо, я буду помнить: вас зовут Каракизовым. Так вот, Каракизов, если вы будете доставлять интересныя свѣдѣнiя, я буду вам хорошо платить:

— Почему не интересно? Всегда будет интересно!— пообѣщал фельдшер.

— У вас есть какое-нибудь отношенiе к штабу дивизiи?

— Очен бальшой атношенiе. Старшiй писарь на

оперативные отдѣленіи мой первый друг.

— Да, это очень хорошо... Но только соблюдайте осторожность, чтобы не влопаться. А эта ваша дружба, на чем же основана?

— Я его лечу от один непріятный балѣзнь... Даже очень нехорошій болѣзнь...

Вновь сухія губы дрогнули улыбкой.

— Лечите же его подольше. Паціент всегда заискивает перед своим врачом и поэтому — болтлив. А скажите, Каракозов. виноват Карикозов, как поставлена охрана великаго князя?

— Извѣстно! Канвой охраняет, а начальник конвоя ротмистр Бичерахов, осетин. Великій князь очень храбрый: все вперед, все вперед! А только Юзефович полковник, начальник штаба, не пускает. „Ваше высочества — говорит, — я вашай маменька императрица слова дал, буду беречь ваша священни особа"...—Как слѣдует охраняет!

— Кромѣ конвоя, есть еще и тайная охрана?

— Есть! Четире политических сыщик. Только он об этом ничего не знает, „Михайло".

— Как вы сказали?

— Михайло говорю! Наши туземни всадник так называют великій князь: „наш Михайло".

Карикозов хотѣл еще что-то прибавить, но осѣкся, увидѣв, что собесѣдник его не слушает, думая о чем то другом. Карикозов понял инстинктом: — они хотят убить великаго князя, уже потому хотя бы, что он брат государя. — И фельдшер поблѣднѣл и во рту у него пересохло, но не от каких либо добрых человѣческих побужденій, нѣт а просто Карикозов струсил. Он был отчаянный трус.

Хозяин открыл ящик письменнаго стола и вынул двѣ новенькія сторублевки.

— Вот вам аванс на расходы. Помимо директив, которыя будут от меня получаться, доносите обо всем, что увидите и услышите. Не все, конечно, а то, что будет имѣть военное значеніе. Возьмите же это...

Фельдшер рукою, походившей на птичью лапу, с

узловатыми, короткими пальцами взял со стола деньги и зажал их под длинным рукавом черкески. Его лицо, отвратительное и без того, исказилось жадностью, и эта жадность подсказала ему:

— Господин, еще спирт магу, каньяк магу...

— Не надо.

— По дешевой цѣнѣ...

— Не надо!

— Кокаин?

Что то блеснуло в холодных глазах человѣка с ястребиным профилем:

— Кокаин принесите!

Он встал.

— Вас проведут черным ходом. И всегда приходите с чернаго хода. Переулок темный, узенькій... там никогда никого не бывает...

Фельдшер, очутившись в переулкѣ и надвинув на глаза папаху, увѣренный, что так его никто не узнает, подняв полы черкески, засунул в карман двѣ скомканныя сторублевки.

— Для начала не плохо, — подумал он. А вторая мысль была:—Этот австріец прав, шельма, надо затянуть болѣзнь старшему писарю оперативнаго отдѣленія...

II

Всадники из глубины Азіи

Русская, так называемая регулярная, конница всегда стояла на большой высотѣ. Но в то же время необъятная Имперія обладала еще и прирожденной конницей, единственной в мірѣ по числу всадников, по боевым качествам своим.

Это — двѣнадцать казачьих войск, горскіе народы Сѣвернаго Кавказа и степные наѣздники Туркестана.

Ни горцы, ни средне-азіатскіе народы не отбывали воинской повинности, но при любви тѣх и других к оружію и к лошади, любви пламенной, привитой с самаго ранняго дѣтства, при восточном тяготѣніи к чинам, отличіям, повышеніям и наградам, путем добровольческаго комплектованія можно было создать нѣсколько чудесных кавалерійских дивизій из мусульман Кавказа и Туркестана. Можно было бы, но к этому не прибѣгали.

Почему? Если из опасенія вооружить и научить военному дѣлу нѣсколько тысяч инородческих всадников, — напрасно! На мусульман всегда можно было вѣрнѣе положиться, чѣм на христіанскіе народы, влившіеся в состав Россійскаго Царства. Именно они, мусульмане, были бы надежной опорой власти и трона.

Революціонное лихолѣтье дало много ярких доказательств, что горцы Кавказа были до конца вѣрны присягѣ, чувству долга и воинской чести и доблести.

Мы на этом в свое время остановимся подробно, а посему не будем забѣгать вперед.

Только когда вспыхнула великая война, рѣшено было создать туземную конную Кавказскую дивизію.

С горячим, полным воинственнаго пыла энтузіаз-

мом отозвались народы Кавказа на зов своего Царя. Цвѣт горской молодежи поспѣшил в ряды шести полков дивизіи — Ингушскаго, Черкесскаго, Татарскаго, Кабардинскаго, Дагестанскаго, Чеченскаго. Джигитам не надо было казенных коней, — они пришли со своими; не надо было обмундированія,—они были одѣты в свои живописныя черкески. Оставалось только нашить погоны. У каждаго всадника висѣл на поясѣ свой кинжал, а с боку своя шашка. Только и было у них казеннаго, что винтовки. Жалованья полагалось всаднику двадцать рублей в мѣсяц. Чтобы поднять и без того приподнятый дух горцев, во главѣ дивизіи поставлен был брат Государя, великій князь Михаил Александрович, высокій, стройный, сам лихой спортсмен и конник. Такой кавалерійской дивизіи никогда еще не было и никогда, вѣроятно, не будет.

Спѣшно понадобился офицерскій состав, и в дивизію хлынули всѣ тѣ, кто еще перед войной вышел в запас, или даже в полную отставку. Главное ядро, конечно, кавалеристы, но, прельщаемые экзотикой, красивой кавказской формою, а также и обаятельной личностью царственнаго командира, в эту конную дивизію пошли артиллеристы, пѣхотинцы и даже моряки, пришедшіе с пулеметной командой матросов Балтійскаго флота.

И впервые с тѣх пор, как существует русская военная форма, можно было видѣть на кавказских черкесках „морскіе“ погоны.

Вообще, Дикая дивизія совмѣщала несовмѣстимое. Офицеры ея переливались, как цвѣтами радуги, по крайней мѣрѣ, двумя десятками національностей. Были французы — принц Наполеон Мюрат и полковник Бертрен; были двое итальянских маркизов — братья Альбици. Был поляк — князь Станислав Радзивилл и был персидскій принц Фазула Мирза. А сколько еще было представителей русской знати, грузинских, армянских и горских князей, а также финских, шведских и прибалтійских баронов? По блеску громких имен дикая дивизія могла соперничать с любой гвардейской частью, и

многіе офицеры в черкесках могли увидѣть имена свои на страницах Готскаго альманаха.

Дивизія сформирована была на Сѣверном Кавказѣ и там же в четыре мѣсяца обучили ее и бросили на австрійскій фронт. Еще только двигалась она на запад эшелон за эшелоном, а уже далеко впереди этих эшелонов неслась легенда. Неслась через проволочныя загражденія и окопы. Неслась по венгерской равнинѣ к Будапешту и к Вѣнѣ. В нарядных кофейнях этих обѣих столиц говорили, что на русском фронтѣ появилась страшная конница откуда-то из глубины Азіи. Чудовищные всадники в длинных восточных одеждах и в громадных мѣховых шапках не знают пощады, вырѣзывают мирное населеніе и питаются человѣчиной, требуя нѣжное мясо годовалых младенцев.

И сначала не только досужіе болтуны в кофейнях, но и штабные австрійскіе офицеры, имѣвшіе о Россіи болѣе, чѣм смутное понятіе, готовы были вѣрить, что страшные всадники дѣйствительно вырѣзывают все мирное населеніе и лакомятся дѣтским мясом.

Легенда о кровожадности всадников не только поддерживалась, а и муссировалась австрійским командованіем, чтобы внушить волю к сопротивляемости мозаичным, разноплеменным войскам его апостольскаго величества императора Франца Іосифа.

И когда эта „человѣческая мозаика“ начала сдаваться в плѣн, высшее командованіе наводнило армію воззваніями:

„Эти азіатскіе дикари вырѣзывают поголовно всѣх плѣнных“.

Воззваніе успѣха не имѣло. Ему никто не вѣрил. Австрійскіе чехи, румыны, итальянцы, русины, далматинцы, сербы, хорваты батальонами, полками, дивизіями, под звуки полковых маршей, с развернутыми знаменами переходили к русским.

Наше повѣствованіе относится к моменту, когда

послѣ успѣхов и неудач русская армія, освободив часть Галиціи, задержалась на линіи рѣки Днѣстра. Дикая дивизія занимала ряд участков на одном берегу, болѣе пологом, а к другому, болѣе возвышенному, подошли и закрѣпились австрійцы.

III

Великій князь Михаил

Фельдшер Карикозов не солгал человѣку с ястребиным профилем: полковник Юзефович, крѣпкій, приземистый, большеголовый и широкоплечій татарин, слѣдил, чтобы во время боев великій князь Михаил не зарывался вперед и не рисковал собой.

Как только Юзефович был назначен начальником штаба Дикой дивизіи, его потребовал к себѣ в ставку верховный главнокомандующій великій князь Николай Николаевич.

— Немедленно отправляйтесь в Кіев. Вас желает видѣть императрица Марія Федоровна.

В Кіевѣ императрица, обласкав, Юзефовича сказала ему:

— Полковник, прошу вас, как мать, берегите Мишу. Вы можете дать мнѣ слово?

— Мое слово солдата вашему величеству, я буду охранять великаго князя по мѣрѣ сил моих...

Юзефович был вѣрен своему слову. А держать слово было не легко. Нужны были неустанная зоркость и вниманіе, настойчивость, надо было, кромѣ того, быть дипломатом, дѣйствовать так, чтобы, во первых, сам великій князь не замѣчал опеки над собой, а, во вторых, чтобы ея — этой самой опеки — не замѣчали всѣ тѣ, перед кѣм можно было поставить великаго князя в неловкое положеніе. А он, как нарочно, всегда хотѣл быть там, гдѣ опасно и гдѣ противник развил губительный огонь. Толкала Михаила в этот огонь личная отвага сильнаго физически, полнаго жизни спортсмена и кавалериста, затѣм еще толкала мысль, чтобы кто-нибудь из подчиненных не заподозрил, что своим высо-

ким положеніем он желает прикрывать свою собственную трусость. А, между тѣм, если подчиненные и упрекали его, то именно в том, что он часто без нужды для дѣла и для общей обстановки стремился в самое пекло.

Хотя польза была уже в том, что полки, видя великаго князя на передовых позиціях своих, воспламенялись, готовые итти за ним на вѣрную смерть. Он одним появленіем своим наэлектризовывал горцев. И они полюбили его, полюбили за многое: прежде всего за то, что он, брат государя и храбрый джигит, а потом уже за стройность фигуры, тонкость таліи, за умѣнье носить черкеску, за великолѣпную посадку, за привѣтливость и за то, наконец, что у него была такая же ясная, безхитростная душа, как и у них, этих наивных всадников.

И так же просто и ясно, на виду, как под стеклянным колпаком, жил великій князь на войнѣ. Обыкновенно генералы куда большим комфортом и блеском окружали себя.

Вся свита Михаила не превышала двух-трех адъютантов. На походах он ютился в тѣсных мужицких халупах вмѣстѣ с офицерами, а в дни трудных зимних боев в Карпатах спал в землянках и, питаясь консервами, заболѣл желудочными язвами.

На длительных стоянках в городах и мѣстечках, как то было в Тлусте-Място, он занимал двѣ комнаты. Одна служила ему кабинетом и спальнею, другая — столовой.

Сам он, кромѣ минеральной воды, ничего не пил, и вино подавалось для свиты и для гостей, — иногда приглашались к завтраку или к обѣду командиры бригад и полков, а то и офицеры помоложе, из тѣх, кого Михаил Александрович знал лично и по совмѣстной службѣ в гвардіи и по Черниговским гусарам, коими он командовал около двух лѣт в провинціальном глухом Орлѣ, куда был сослан за свой роман с женой ротмистра Вульферта, однополчанина своего по синим кирасирам.

Теперь он был женат на бывшей мадам Вульферт

морганатическим браком помимо воли своего брата — государя и царицы-матери.

Супругѣ Михаила Высочайше дана была фамилія Бросовой, даже без титула — знак исключительнаго неблаговоленія.

В этом домикѣ под черепичной крышей, одноэтажном, наполовину выходившем во фруктовый сад, жил раньше австрійскій чиновник; может быть, судья, может быть, нотаріус, может быть, полицейскій комиссар. С наступленіем русских, чиновник эвакуировался вглубь страны, дом опустѣл и теперь занят великим князем.

Сегодня, кромѣ адъютантов и дивизіоннаго священника, приглашен к завтраку еще и Юзефович...

Скромныя закуски вытянулись на тарелках и блюдах от края до края между приборами: масло, сыр, ветчина, редиска, холодное мясо. Старый придворный лакей, бритый и важный, в сѣрой тужуркѣ с металлическими пуговицами, больше идущій к дворцовым амфиладам, чѣм к этой низенькой комнатѣ, вмѣстѣ с другим лакеем, помоложе, покрыл весь стол громадным куском кисеи. Так было уже заведено в лѣтнее время: перед тѣм, как садиться, когда кисея из бѣлой превращалась в черную, густо облѣпленную мухами, великій князь с одной стороны, а с другой кто-нибудь из адъютантов — ротмистр Абаканович, или полковник барон Врангель — быстро и ловко свертывали кисею, и всѣ мухи попадали в мягкую прозрачную западню. Лакей уносил жужжащую кисею. Священник, обернувшись к иконе, читал молитву. Михаил Александрович занимал предсѣдательское кресло и всѣ разсаживались вдоль стола.

Так было и на этот раз.

И на этот раз, как и всегда, великій князь, по врожденной застѣнчивости своей, не овладѣвал разговором, как старшій по чину и по положенію, а, вопреки этикету, к нему обращались и его занимали.

Священник с длинными, свѣтлыми волосами и свѣтлой бородой, выжав на сардинку пять-шесть лимон-

ных капель, повернул иконописную голову свою к Михаилу.

— Ваше императорское высочество, приходилось вам когда нибудь встрѣчать германскаго кайзера Вильгельма?

Блѣдное, нѣжное лицо Михаила вспыхнуло. Он всегда вспыхивал, с кѣм бы ни говорил, будь это даже простой всадник. Непонятная застѣнчивость в этом болѣе чѣм свѣтском человѣкѣ, атлетически сложенном, стальными пальцами своими рвавшим нераспечатанную колоду карт и гнувшим монеты. Необычайную силу свою он унаслѣдовал от отца, Александра III. Но, увы, не унаслѣдовал отцовской силы воли и умѣнья властвовать. Наоборот, у Михаила было отвращеніе к власти, а царственным происхожденіем своим он тяготился.

Священник, все еще держа горбушку лимона, ждал отвѣта на интересовавшій его вопрос. Он случайно во время войны попал в высокія сферы и хотѣл узнать то, чего в обычных условіях никогда не узнал бы.

Михаил поднял глаза и как бы освѣтил всѣх мягким взглядом.

— В обществѣ императора Вильгельма я однажды провел около трех часов, это было лѣтом, кажется в 1909 году. Я тогда путешествовал по Германіи.

— Какое же впечатлѣніе он оставил о себѣ у вашего высочества? — спросил священник, весь обратившійся в слух.

Михаил не сразу отвѣтил. Ему не хотѣлось говорить дурно даже о том, кто сейчас воевал против Россіи и был всегда врагом маленькой Даніи, а, слѣдовательно, и царицы-матери, как датчанки.

— Мое впечатлѣніе?.. Как вам сказать, батюшка, за эти три часа, это было на германском броненосцѣ в Килѣ, — император Вильгельм успѣл нѣсколько раз переодѣться. Я его видѣл в штатском, видѣл в мундирѣ нѣмецкаго адмирала и, наконец, в русской формѣ. Он, вѣдь, был шефом Выборгскаго пѣхотнаго армейскаго полка.

— Фигляр, — тихо уронил мрачный Врангель.

— Позер, — поддержал его ротмистрь Абаканович, с моложавым, почти юношеским лицом.

— Хм... да... Очень даже легкомысленно для такой высокой особы, — молвил священник.

Вошел Юзефович.

— А вот и Яков Давыдович! — сейчас только вспомнил великій князь, что прибор начальника штаба оставался пустым. Юзефович, уже видѣвшій утром Михаила, сказав, как полагается: „Ваше высочество, разрѣшите сѣсть", — занял свое мѣсто.

С его появленіем как то подтянулись и адъютанты, и священник. Всѣ они побаивались рѣзкаго и самостоятельнаго Юзефовича. А тут он был еще не в духѣ, и торопливо ѣл, посматривая на часы.

Видя его нетерпѣніе и угадывая, что он желает скорѣе остаться с ним с глазу на глаз, Михаил, как только был подан кофе, вставая, обратился к свитѣ:

— Господа, не безпокойтесь... Я пойду с Яковом Давыдовичем в кабинет.

И высокій, стройный, легкой и в то же время упругой походкой он исчез в сосѣдней комнатѣ и вслѣд за ним вошел и закрыл дверь Юзефович.

В домашней, не в боевой обстановкѣ, и начальник дивизіи, и начальник штаба не носили кавказской формы. Юзефович был в англійском френчѣ, а великій князь в тонком парусинном кителѣ с матерчатыми генеральскими погонами, в таких же парусинных бриджах и в мягких желтых сапогах.

— Садитесь, Яков Давыдович. Вы чѣм то озабочены? Дурныя вѣсти? — И ясные глаза Михаила встрѣтились с татарскими глазами Юзефовича.

Начальник штаба отвѣтил не вдруг. Да и не легко было вдруг отвѣтить. Из штаба арміи его извѣстили: по свѣдѣніям армейской контр-развѣдки, австрійцы готовят покушеніе великаго князя. По тѣм же свѣдѣніям, австрійским жандармам-добровольцам поручено убійство Михаила. Они должны с фальшивыми паспортами, переодѣтые в штатское, просочиться в Тлусте-Място.

Юзефович уже приказал всѣх маломальски подозрительных мужчин арестовать и выслать из располо-

Вел. Кн. Михаил Александрович с супругой в 1917 г.
(Рѣдчайшая фотографія есаула С. Карачевцева)

женія дивизіи. Но этого мало, надо сдѣлать ряд обысков, облав и принять особыя мѣры к охранѣ великаго князя.

Он колебался, с чего начать — вопрос непріятный и щекотливый. И как это всегда бывает у рѣшительных людей, начал с первой, пришедшей в голову мысли.

— Ваше высочество, вы гуляете вечерами по мѣстечку. Я очень просил бы сократить, даже совершенно отмѣнить эти прогулки

— Это почему? — удивился Михаил.

— По моим свѣдѣніям это далеко не безопасно. Могут и не только могут, а и... ну, словом, я очен рекомендовал бы вашему высочеству беречься! Это мы честно воюем, не прибѣгая к террористическим актам, а у непріятеля всѣ средства хороши.

— Что-же, убьют меня, на мое мѣсто назначат другого...

— Но в данном случаѣ идеть рѣчь не о начальникѣ туземной дивизіи, а о высочайшей особѣ, братѣ государя, — пояснил Юзефович, — надѣюсь, ваше высочество обѣщает?

— Я ничего не обѣщаю! — возразил великій князь с твердостью, удивившей Юзефовича.

Как слабохарактерный человѣк, Михаил уступал ему во многом, но до тѣх пор, пока эти уступки не задѣвали повышеннаго чувства самолюбія и воинско-рыцарской чести, отвлеченной, не желающей считаться с дѣйствительностью. Михаил почел бы для себя за самое унизительное и постыдное прятаться от „каких—то убійц". И, кромѣ того еще, глубоко религіозный, он был увѣрен, что без воли Божіей с ним ничего не случится — особенный христіанскій фатализм, сходный с мусульманским. Юзефович увидѣл, что здѣсь ему не поставить на своем, не переспорить, не переубѣдить. Он только прибавил, сдерживаясь и боясь сказать лишнее:

— Должен поставить в извѣстность ваше высочество, что и днем, и ночью, весь город и особенно мѣстность, прилегающая к штабу и квартирѣ вашего

высочества будут охраняться пѣшими и конными патрулями из туземцев.

— Лично был бы против, но это уж ваше право, Яков Давыдович, и в этом я вам не помѣха.

IV

Лара заинтересована. Лара ѣдет.

— Нѣт, Юрочка, милый, вы какой-то не настоящій!

— Почему-же я не настоящій, Лариса Павловна?— обидѣлся Юрочка.

— Да потому! Сколько времени я вас не видѣла? Около двух лѣт? Больше! Вы тогда послѣ своего лицея высиживали в какой то канцеляріи и у вас был глубоко штатскій вид. Вы сутулились... Правда же, Юрочка! И у вас торчали вихры. А теперь эта кавказская форма... к вам подступиться страшно! Нѣт, все это ужасно, ужасно воинственно. Сил нѣт! Кинжал, револьвер, сабля!..

— Шашка, — поправил Юрочка.

— Пусть будет шашка! Я вѣдь женщина и этих ваших тонкостей не знаю. Наконец, эти непокорные вихры, гдѣ они? Их нѣт и в поминѣ. Вы стали брить голову, как татарин. Какой же вы настоящій?

— А, может быть тогда я и был не настоящій?— не сдавал своих позицій Юрочка. — Мой дѣд, генерал Федосѣев—один из героев кавказских войн.

— А, вы хотите сказать, что у вас проснулся атавизм?

— А почему бы и нѣт? Право, обидно...

— Ну, ну, не обижайтесь, Юрочка! Нѣт, не шутя, я вѣрю вам, да да! В этой красивой формѣ, с бритой головой, вооруженный до зубов вы и есть настоящій Юрочка Федосѣев.

Мы в Петербургѣ, у Ларисы Павловны Алаевой. В свѣтѣ сокращенно звали ее Ларой. Это шло к ея нерусскому типу, типу высокой, гибкой брюнетки с

своенравным, но притягивающим лицом, — чуть-чуть косая линія губ, чуть выдающіяся скулы, двѣ продолговатыя миндалины темно кофейных глаз. Алаева — это по мужу, нынѣ покойному. Дѣвичья же ея фамилія была Фручера. В итальянскую кровь давно обрусѣвших тріентинцев Фручера из поколѣнія в поколѣніе вливалась еще и греческая, и армянская, и русская и еще какая то восточная. И путем такого подбора создалась экзотически-азіатская Лара, затмевавшая писаных классических красавиц. Ей очень к лицу было бы множество браслетов с цѣпочками и разными висюльками. Она знала это, но не носила, считая бьющим на дешёвый эффект мовэ жанром. В обществѣ у Лары была репутація легкомысленной женщины, грѣшившей и при мужѣ, и послѣ мужа, но настолько искусно и с таким чувством мѣры, чтобы оставаться в этом обществѣ, быть всюду принятой и принимать у себя.

Она курила, забрасывала ногу на ногу и, не злоупотребляя, баловалась кокаином. Но все это было в ея стилѣ — и папиросы, и нога на ногу, и кокаин. Куренье не лишало ея женственности, ножки у нея были прелестныя, а кокаин с „военной" распущенностью и поисками сильных ощущеній пріобрѣтал все больше и больше права гражданства в петербургских салонах, и в тылу, и на фронтѣ.

Лара не узнала Юрочку. Два года назад Юрочка не подавал никаких надежд. Вѣрнѣе, подавал надежды кончить дни свои безцвѣтным и тусклым чиновником, нажившим вмѣстѣ с геморроем еще и чин тайнаго совѣтника.

И, дымя папиросой, наблюдая, как Юрочка откидывает широкіе, длинные рукава черкески, отчетливый в движеніях и с обвѣтренным лицом — оно темнѣе свѣтловолосой бритой головы — Лара спросила:

— Но как же, Юрочка? Вас не позвали? Вы сами? Добровольцем?

— Добровольцем, — согласился Юрочка.

— Отчего это? Повоевать захотѣлось?

— Да, повоевать. И еще... — он как то замялся, — еще любовь к родинѣ.

— Любовь к родинѣ? — сощурила восточныя миндалины свои Лара, — нас этому в институтѣ не учили...

— И это очень плохо! — подхватил Юрочка, — и нас в лицеѣ тоже не учили. Над патріотизмом смѣялись не только лѣвые, но и правые. И вот понадобилась война, и какая война, чтобы всколыхнуть это чувство! У одних спавшее, а у других... — И, не кончив, махнул рукою: вмѣстѣ с широким книзу рукавом она походила на крыло птицы.

Лару нельзя было назвать недалекой женщиной, но она не жаловала отвлеченных бесѣд.

— Какой на вас чин, Юрочка?

— Я, я, видите-ли прапорщик, — сконфузился он за свою одинокую звѣздочку на погонах, — но через два-три мѣсяца, если, конечно, ничего особеннаго не случится, я буду произведен в корнеты.

— Корнет звучит гордо, — улыбнулась Лара. — Но, кстати: в какой части вы служите? Что-то вродѣ казаков?

— Лариса Павловна, да вы откуда? С луны? — всплеснул руками негодующій Юрочка. — Неужели вы не слышали про славную туземную кавказскую конную дивизію?

— Ах это! — спохватилась Лара, — так бы и сказали! Конечно, слышала: Дикая дивизія? Там у вас Напо Мюрат?

— И Мюрат... И, вообще, ничего подобнаго вы не найдете во всей арміи. У нас и рыцари долга, и чести, и кондотьеры и авантюристы, и всѣ тѣ, кого, как хищников, привлекает запах крови. А наши всадники? Эти горцы, идущіе на войну, как на пир, на праздник! А наша молодежь с дѣвичьими таліями и с громадными, влажными черными глазами газелей? А сухіе старики, увѣшанные Георгіями еще за Турецкую войну и служившіе в конвоѣ Императора Александра II? Им уже за семьдесят, но какіе бойцы, как рубят, какіе наѣздники! У нас есть один пожилой всадник. Он командовал чуть ли не всей персидской

армiей. Ингуш Бек-Боров. Он красит бороду в огненный цвѣт...

— Как это интересно! Что-то Нероновское. А ногти красит?

— Ногти?—опѣшил Юрочка,—этого я не замѣтил. Но не разболтался ли я? Вам не скучно

— Нисколько! Все это так ново! И нравы, должно быть, тоже особенные?

— О, еще бы! Совсѣм другой мiр! В каждом полку свой мулла Священник,—пояснил Юрочка.—Мулла весь в черном, а его папаха обернута зеленым. Цвѣт знамени Пророка. Вот в черкесском полку мулла ученый, побывавшiй в Меккѣ. Его папаха обернута бѣлым. Каждый мулла на позицiях со своим полком и, как у всѣх, у него винтовка, кинжал и шашка. Хоронят убитых они не обмывая, как у нас, христiан, а как застала его смерть, со слѣдами крови, в полном вооруженiи и в боевой черкескѣ, чтобы на том свѣтѣ видѣли всѣ, какой это был доблестный джигит и какой славной смертью он погиб. У наших мусульман считается великим безчестьем покинуть павшаго товарища на полѣ сраженiя. Он должен быть похоронен своими же и по своему обряду. Бывали случаи, горцы под адским огнем, теряя людей, вытаскивали и уносили труп всадника своей сотни...

— О, да это совсѣм романтично! — вырвалось у Лары.

— Еще бы! Это сплошная романтика! Это нельзя разсказать, это надо видѣть! Знаете что, Лариса Павловна, прiѣзжайте к нам погостить. Только скорѣе, пока у нас затишье и нѣт боев. Я послѣзавтра возвращаюсь в полк. Хотите, вмѣстѣ поѣдем? Здѣсь, в Петербургѣ, вы всѣ живете сплетнями, скучаете, томитесь, а там — настоящая жизнь. И как будут вам рады! Какiя перспективы интереснаго флирта! Мы по мѣсяцам не видим интересных женщин...

— Юрочка, ѣду! Вы меня зажгли!.. Но только в качествѣ кого-же? Ѣхать так, просто,—неудобно. Неудобно, хотя у меня кромѣ вас и Напо Мюрата найдется очень много знакомых. Выдумайте что-нибудь!

— Есть! Выдумал! Привезите подарки нашим всадникам. Их никто не балует. Они за малѣйшее вниманіе будут так признательны! Кликните клич между своими благотворительницами. Среди этих дам есть жены генералов и офицеров Дикой дивизіи. Накупите нѣсколько тысяч папирос, два-три ящика шоколаду, бисквит, мыло, иголки, нитки. Вот вам и подарки!

— Идея, Юрочка, идея! Сейчас же открываю огонь по всей телефонной линіи!

V

Политическій авантюрист.

Карикозов вышел вмѣстѣ с дивизіей с Кавказа. Там, когда он просился в дивизію, он клялся, что он такой фельдшер, каких не много во всей русской арміи. На самом дѣлѣ всѣ его медицинскія познанія сводились к умѣнію кое-как дѣлать перевязки, да еще кое-как примитивно лечить одну весьма распространенную солдатскую болѣзнь.

Карикозов прибыл на фронт с громадным кинжалом. Его спрашивали:

— Ты же фельдшер, зачѣм тебѣ такой большущій кинжал?

— Ваше сіятельство, — Карикозов величал всѣх офицеров „вашим сіятельством", знал, что в дивизіи много князей и графов,—ваше сіятельство, фельдшер, не фельдшер, а нѣмцев этим кинжалом буду рѣзать!— И при этом он корчил звѣрскую гримасу, скалил зубы, а его хриплый голос переходил в низкое рычаніе.

Но Карикозов, столь храбрый на словах, оказался отчаянным трусом. Как сотенный фельдшер, верхом на конѣ, должен был он слѣдовать за своей сотней до передовых позицій включительно. Но при пулеметном и ружейном огнѣ, даже отдаленном, у фельдшера отнимался язык и его насквозь прошибало холодным потом, обалдѣлый, безпомощный, с трясущимися руками, трясущійся весь, мог ли он исполнять свои обязанности? Ингуши—он попал в ингушскій полк—презирали его, как иолько может презирать кавказскій горец отчаяннаго безнадежнаго труса. В глазах горца даже средняя доблесть не имѣет особенной цѣны, именно потому, что она — „средняя".

Эти же самые ингуши, да и не только ингуши, а и чеченцы, кабардинцы, когда их сажали в окопы, свое окопное сидѣнье считали великим безчестьем:

— Это баба прячется в землю. Джигит не должен прятаться. Джигита дѣло в атаку ходить, и не пѣшим, а конным!

И дѣйствительно, в короткой боевой исторіи дикой дивизіи был цѣлый ряд конных атак, изумительных по своей красотѣ и лихости.

Карикозов устроился в дивизіонном лазаретѣ. Это уже в тылу, и там уже не вгоняли его в озноб и онѣмѣніе трескотня винтовок и захлебывающееся „таканье" пулеметов.

Кому он завидовал—это санитарам. Они первые подбирали убитых и тяжело раненых, а потом, глядишь — у одного санитара золотой портсигар, у другого туго набитый бумажник, у третьяго дорогой хронометр. Но даже и для того, чтобы сдѣлаться двуногой гіеной, мородерски грабящей трупы и полутрупы, даже для этого у Карикозова не хватало нервов, ибо санитары обязаны работать не только послѣ боя, но и во время самого боя, а в таких условіях от шальной пули далеко не всегда убережешься.

Но Карикозов утѣшился. И здѣсь, в безопасном тылу, он умудрился торговать спиртом, коньяком и, как мы уже знаем из его бесѣды с обладателем ястребинаго профиля,—кокаином. Этот бѣлый порошок лазаретный фельдшер тайком поставлял нѣкоторым офицерам своей же дивизіи. Кліентами его были—барон Шромберг, вскорѣ убитый на дуэли, ротмистр Коваленскій и трое братьев Штукенбергов из Татарскаго полка. А в лицѣ новаго хозяина цукерни „Под тремя золотыми львами" Карикозов пріобрѣл еще одного выгоднаго кліента.

Этот кліент, всегда готовый к тому, что его могут повѣсить, должен был взвинчивать себя наркотиками. Вообще, это был замѣчательный человѣк.

Настоящая фамилія его барон Сальватичи. Но он мѣнял ее на другія фамиліи, менѣе звучныя и болѣе скромныя. Этот маскарад имен был неизбѣжным спут-

ником опасной и жуткой профессіи капитана Сальватичи.

Типичный австрійскій авантюрист, — гдѣ надо военно-политическій эмиссар, гдѣ надо, военно политическій шпіон.

Он вышел в первый боснійскій полк вѣнскаго гарнизона и пробыл в нем около двух лѣт. Боснійскій полк он выбрал, во первых, потому, что считалось шикарным носить феску и командовать солдатами гигантскаго роста, а затѣм, он хотѣл научит ся сербскому языку. Всѣ эти великаны в широких балканских шароварах и куцых куртках, одним видом своим вызывашіе восхищеніе экспансивной вѣнской толпы,—были сплошь сербы из горной Босніи. Ни на каком другом языкѣ, кромѣ своего, не говорили смуглые, сухощавые красавцы в алых фесках. Они знали только шестьдесят-семьдесят командных нѣмецких слов.

Через два года лейтенант Сальватичи вышел в запас и неоффиціально зачислися в тайную агентуру генеральнаго штаба.

Его командировали в Албанію. Он имѣл в своем распоряженіи довольно большія деньги для подкупа албанских вождей и князьков. Кромѣ денег, он снабжал их еще и оружіем. Оно доставлялось на пароходах „Азстійскаго Ллойда“ и выгружалось в таких глухих и пустынных гаванях, как Санъ-Джованни ди-Медуа.

Албанскія четы дѣлали набѣги на сербскую територію, а Сальватичи, организатор этих набѣгов, получал признательность не только от своего генеральнаго штаба, но и от министерства внутренних дѣл. Он входил во вкус своего авантюристическаго амплуа. Никакая служба в строю, особенно в малых чинах, не может дать ни таких денег, ни таких впечатлѣній, ни такой власти. А какой простор для собственной инициативы!..

И он уже хотѣл большаго, чѣм натравливаніе арнаутских банд на границы ненавистной Сербіи.

Убѣдившись, что за внѣшней политикой есть еще и другая, тайная, болѣе могущественная, он убѣдился

в существованіи сил, не связанных ни каким либо данным правительством, ни территоріей, ничѣм!

Эти силы – масонство, дѣлающее политику, политику в мировом масштабѣ. И, оставаясь агентом Вѣны, Сальватичи сдѣлался еще агентом масонских лож.

Ложам необходимо было вызвать великія потрясенія. Им хотѣлось для этого обще-европейской войны. Хотѣлось стравить Австро Венгрію и Россію и этим вовлечь в „игру" всѣ великія державы. Но было препятствіе в лицѣ наслѣднаго эрцгерцога Франца Фердинанда, убѣжденнаго поборника добрососѣдских отношеній с Великой Россіей.

Он высказывал:

— Только мирное сожительство двух имперій — католической Австріи и православной Россіи может дать прочное спокойствіе Европѣ.

Так думал Франц-Фердинанд, но его масонскія ложи думали иначе. В их планы входило именно разрушеніе католической Австріи и православной Россіи.

Но так как наслѣдный эрцгерцог еще при жизни дряхлаго Франца Іосифа взял всю полноту власти, его надлежало уничтожить.

В хитрый и сложный клубок сплетались событія, вожделѣнія и замыслы. Планы масонских лож сходились с планами Германіи и с аппетитами военной австрійской партіи, мечтавших о побѣдных лаврах и ненавидѣвших Франца-Фердинанда и Россію.

Барону была поручена техническая сторона ликвидаціи эрцгерцога, и двое экзальтированных сербских юношей, осуществляя сараевское убійство, до конца дней своих не сомнѣвались что собственной волею творили національное дѣло освобожденія Родины

Выстрѣлы, прозвучавшіе на узких, живописных улицах Сараева, были сигналом к чудовищной, небывалой мировой бойнѣ.

С войною, в руках Сальвитичи — его очередной псевдоним был Руммель—сосредоточились нити развѣдки Галиційскаго фронта.

VI

Глава с неожиданным окончаніем.

Карикозов дѣлал обычный доклад свой, как всегда ночью и, как всегда, на животѣ его нелѣпо и ненужно висѣл большой кинжал.

Фельдшер волновался и от желанія угодить и от сознанія, что сейчас откроет что-то дѣйствительно очень важное. Еще не успѣл начать, а уже лицо с двумя „разными" половинами н носом картофелиною пришло в движеніе.

— Этот чорт Юзефович! Все знает, татарски морда! Я вам такое сейчас сказал, „такое". . . — тянул фельдшер, прикидывая, сколько он за это свое „такое" получит?

Сальватичи перебил:

— Говорите-же, наконец, в чем дѣло?

— А в том дѣло: секретни телефон искать будет. Татарски морда приказ отдавал: все мѣстечко обыск дѣлать, всѣ подвал! Потаму — донесеніе есть... У кого найдут, все самейство вѣшать будут!

Послѣднее Карикозов прибавил уже от себя, чтобы взять Руммеля „на испуг". Но взять этого человѣка „на испуг" было трудно. Рисковать своей головой — вошло у него едва ли не в привычку. Но и он заволновался: помятое лицо, лицо с печатью многих излишеств, пошло судорогою.

— Уходите, уходите сейчас-же!

Фельдшер не уходил, выразительно глядя на так хорошо знакомый ящик письменнаго стола.

— Да! — вспомнил Руммель, — вот вам пятьсот рублей. Уходите-же!

— Еще маленькій прибавочка. . . Первый сорт новость! Большой новость!

Дав „прибавочку“, Руммель выпроводил назойливаго агента.

Оставшись один, тяжело перевел дух. И — так всегда! И сам он и всѣ его хитросплетенія висят на тоненькой, тоненькой ниточкѣ. Один только миг, — не учтешь его, не предусмотришь, — ниточка обрывается и все вмѣстѣ с ним, Сальватичи, летит в бездну! А уйти, перестроить свою жизнь на другой, болѣе спокойный лад — уже нельзя. Уже все в нем отравлено ядом. Этот яд и спортивное чувство, и почти полная самостоятельность, и азарт, опяненіе риска, и, возможность искупать жуткія минуты страха такими наслажденіями, цѣна коих недоступна при всякой другой службѣ...

И, сжав руками сѣдѣющіе виски, он постоял немного. Воображеніе, подхлестываемое безграмотной, несвязной рѣчью шпіона, рисовало ингушей, с диким криком ворвавшихся в подвалы, рисовало висѣлицы и на одной из этих висѣлиц... Сальватичи взял пакетик с бѣлым порошком, высыпал щепотку на твердый ноготь большого пальца и хищной, тонкой ноздрей втянул. . .

Заколыхавшись, страшныя висѣлицы исчезли. . . Бодрый и легкій, не чуя собственнаго вѣса, взяв из потайного ящика ключ, спустился он в подвал, заставленный бочками, ящиками и всяким хламом. Вспыхнуло электричество.

Салватичи нажал замаскированную кнопку. Безшумно, медленно отдѣлился квадрат стѣны, обнажив телефонную сѣть с полированной доскою, с зелеными шнурами, с металлическими дырочками и штепселями. Что-то сухо защелкало. Опытной рукою вставлялись и вынимались штепселя. Отдавался ряд приказаній на нѣмецком языкѣ с пѣвучим вѣнским акцентом. И все это бѣжало по синим шнуркам и по этим же синим шнуркам возвращались отвѣты. Опаснось предотвращена. Тоненькая ниточка остается такой же тоненькой, но, пожалуй, сегодня она не оборвется .. А дальше, дальше

люди профессіи капитана Сальватичи не заглядывают,— безполезно!

Квадрат стѣны плавно вернулся на свое мѣсто.

На другой день капитан Сальватичи, уже как пан Руммель, новый хозяин цукерни, присаживался к своему директорскому столику возлѣ буфета, наблюдал за двумя лакеями, за блондинкой буфетчицею и за гостями — все сплошь военными, офицерами Дикой дивизіи, гродненскими гусарами, гвардейскими уланами. Эти два полка из Варшавы занимали позиціи бок-о бок с туземцами.

Русская рѣчь, пересыпанная французскими фразами, гортанный говор грузин и горцев. Папиросный, сигарный и трубочный дым. Коричневыя и сѣрыя черкески, щеголеватые френчи гусар и улан, звон шпор, щелканіе билліардных шаров...

Всѣ столики заняты, но никто не пил ни шоколаду ни чаю, всего того, что потреблялось из года в год здѣсь под вывѣскою, наполовину смытой дождями, вывѣской с туманным намеком на трех львов. Пили коньяк, венгерское, старый мед и старый, маслянистый бенедиктин.

Вошли новые гости, два „ингуша" — ротмистр Тугарин с георгіевским крестом и поручик Джемарджидзе, красивый, типичный грузин, служившій сначала в пѣхотѣ, затѣм в опереточной труппѣ. Небольшой, но пріятный и мягкій тенор внушил Джемарджидзе промѣнять полицейскій мундир на огни рампы. С войною опереточный тенор был призван в армію.

Служба в позиціи научила его как-то особенно присматриваться к людям. Это уже было что-то профессіональное, чего не могли вытравить ни подмостки театра, ни черкеска офицера Дикой дивизіи. И когда Тугарин и Джемарджидзе подъѣхали верхом к цукернѣ и сдали лошадей вѣстовым ингушам, по горскому обычаю засунув нагайки за пояс, на спину, Джемарджидзе сказал:

— Понимаешь, Тугарин, этот хозяин кофейни внушает мнѣ.. как бы тебѣ сказать... подозрѣніе.

— В каком смыслѣ?

— Не агент ли австрійскій?

— Ну вот! Тебѣ всюду мерещатся шпіоны, — улыбнулся Тугарин.

— Глаз имѣю, нюх имѣю! Джемарджидзе, как Патэ журналь: все видит, все знает.

Они вошли в цукерню. Не только свободнаго столика, но даже присѣсть негдѣ. Все облѣплено до отказу и своими и „сосѣдними" уланами и гусарами.

Тугарин, невыдержанный и горячій вспыхнул.

— Что за безобразіе! Сейчас подать столик!

Вид высокаго, мужественнаго, увѣшаннаго оружіем офицера вогнал в панику обоих лакеев и они безпомощно заметались. Безпомощно, так как запасного столика не было, а если-бы даже и был, то за полным отсутствіем мѣст, его негдѣ было бы поставить.

— Гдѣ ваш хозяин? Позвать его! — И уже в бѣшенствѣ Тугарин выдернул из за спины нагайку.

Поблѣднѣвшій лакей метнулся в глубь квартиры и через полминуты к Турагину подошел улыбающійся пан Руммель.

— Что прикажет, господин ротмистр?

— Я требую столик. Какой вы хозяин? Гдѣ вы пропадаете? Ваше мѣсто здѣсь!

— Господин ротмистр, вы сами видите...

— Вижу что вы наглец! — с перекосившимся лицом выкрикнул Тугарин так оглушительно, что все смолкло кругом и билліардные игроки с кіями поспѣшили в зал.

Лицо пана Руммеля приняло гнѣвное, хищное выраженіе, какіе-то желваки заходили под кожею углов рта и скул, но тотчас же все это смѣнилось чѣм то медовым, искательным:

— Господин ротмистр, не моя вина, если...

Он не успѣл договорить.

— А, не твоя вина! Не твоя... — изступленно повторил Тугарин и, взмахнув нагайкой так ударил по лицу пана Руммеля, что вдоль щеки легла багровая полоса.

— Что ты дѣлаешь! —воскликнул Джемарджидзе. Но было уже поздно.

Пан Руммель даже не дрогнул, даже не отступил, даже сохранил медовую улыбку. Только взгляд его, злой, полный убійственной ненависти выдавал его. Хватило даже силы воли сдѣлать полупоклон, послѣ чего не торопясь он, удалился туда, откуда только что пришел.

. . . .

Вечером, не дожидаясь ночи, а как только стемнѣло, с опаскою да оглядкою, черным ходом проник Карикозов к Руммелю.

Фельдшер сначала хотѣл было посочувствовать, но барон со вздутой на щекѣ полосою остановил его:

— Не надо! У вас есть что нибудь новое?

— Есть новая, очень многа новая, — захрипѣл Карикозов. — Юзефович, татарски морда, приказал подписать на ваша арест. Ночью всадники конвоя с один офицер придут за тобой, — сказал фельдшер и поправился: — за вами.

И умолк, подбоченившись. Сейчас он уже не был подобострастным. Каков смысл заискивать перед тѣм, кого через нѣсколько часов могут повѣсить и от кого не будет уже никакой пользы?

Карикозов ожидал, что пан Руммель испугается, задрожит. Но пан Руммель был спокоен, может быть, даже слишком спокоен. Это повергло фельдшера сначала в недоумѣніе. а потом в чувство какой-то злобы.

Он высказал вслух затаенную мысль:

— Вот Карикозов какой! Кто тебѣ предупрежденье дал? Карикозов. Кто жизнь спасал? Карикозов. А что с этого Карикозов будет имѣл? Карикозов остается без работа, и без деньги.

Улыбнувшись пан Руммель в тон отвѣтил ему:

— Карикозов не останется без работы и без денег. Видите это желѣзное кольцо? К вам с этим кольцом подойдет человѣк, и вы будете работать с ним, как работали со мной.

— А сейчас? — перебил фельдшер, изнемогая от жадности.

— А сейчас, это! — и, дав ему двѣ пятисотрублевки, пан Руммель прибавил: — Уходите! Мы еще встрѣтимся!

VII

Ея первый роман с тринадцатью письмами

Дам неохотно пускали на фронт, если это не были сестры милосердія. Командующіе арміями и тѣ почти не разрѣшали своим женам погостить у себя в штабѣ. Генерал Брусилов за все время войны так и не пустил свою жену не только к себѣ в штаб, но и в расположеніе своего фронта.

Ларѣ не удалось бы попасть в Дикую дивизію, если бы не два обстоятельства. Первое — слѣдуя мудрому совѣту Юрочки Федосѣева, она привезла нѣсколько ящиков с подарками. Второе же, главнѣе всѣх подарков — Михаил Александрович знал не только самое Лару, но знал и брата ея покойнаго мужа и ея собственнаго брата, Сергѣя Фручера.

Константин Алаев — сослуживец Михаила по синим кирасирам, Фручера же сослуживец по гвардейской артиллеріи. Когда, обвѣнчавшись с Натальей Брасовой, великій князь жил перед войною в полу-опалѣ, полуизгнаніи в Ниццѣ, Сергѣй Фручера каждую недѣлю посылал ему из Петербурга солдатскій ржаной хлѣб и нѣсколько фунтов гречневой крупы. На чужбинѣ Михаилу, с его простыми, здоровыми вкусами, так не хватало чернаго хлѣба и гречневой каши. С милой, застѣнчивой улыбкой он вспоминал все это, принимая Лару у себя. Он до того растроган был охватившими воспоминаніями — даже проявил несвойственную ему твердость, когда Юзефович заявил, что слѣдовало бы попросить барыню о немедленном возвращеніи в Петербург, и что здѣсь ей не мѣсто.

— Нѣт, Яков Давыдович, пусть она поживет нѣ-

сколько дней. Тѣм болѣе, что она, вѣдь привезла нашим всадникам гостинцы.

— Но, ваше высочество, штаб арміи категорически запретил появленіе на фронтѣ частных лиц.

— Это запрещеніе не может касаться моих гостей, — послѣдовало возраженіе, и это „моих гостей“ было произнесено так и с таким удареніем, что много себѣ позволявшій, властный начальник штаба — умолк. И уже совсѣм прикусил язык, вспомнив, что со дня на день пріѣдет его жена. А перед ней он пасовал, и это маленькое, блѣдное существо держало в руках темпераментнаго, рѣзкаго татарина — мужа.

Лара осталась. Ей реквизировали комнату в гостиницѣ. Показать ей все что можно было показать, высочайше поручено было командиру черкесскаго полка князю Александру Чавчавадзе. Наилучшій выбор. Чавчавадзе был очень свѣтскій и любезный человѣк, и в походной обстановкѣ державшійся, как в салонѣ.

В дни затишья он обладал искусством дѣлать жизнь удобной и веселой и пріятной. В Черкесском полку был хор трубачей едва ли не единственный в дивизіи. Всѣ остальные полки пробавлялись зурначами. Но и у Саши Чавчавадзе были зурначи, опять таки лучшіе.

Послѣ Петербурга все было здѣсь для Лары так ново и ярко. Эти обѣды под открытым небом в тѣни вишневых садиков, обѣды без тыловых пересудов и сплетен о царской семьѣ, за послѣднее время отравивших своим ядом все петербургское общество.

Эти офицеры в черкесках, смотрѣвшіе в глаза смерти, совершавшіе подвиги и, кто знает что ждет их через нѣсколько дней в этих же самых равнинах бѣгущаго, живописнаго в капризных извилинах своих Днѣстра.

А эти ночи с яркими звѣздами и заревами гдѣ-то далеко пылающих деревень? Эти цвѣтныя ракеты австрійцев, чертящих зеленые и красные зигзаги на фонѣ темных глубоких небес?

Эта повседневная жизнь фанатически покорных судьбѣ туземцев. Эти острыя пики, прислоненныя к соломенным крышам низеньких халуп. Гортанная, непонятная рѣчь смуглых всадников, запах лошадей и кожаных сѣдел, запах и дым костров... Вечерняя молитва, когда, разостлав свои коврики, обратившись на Восток, колѣнопреклоненные туземцы, качая головами и закрыв глаза, сосредоточенные до экстаза, шепчут слова Корана... Лара впитывала в себя все это и, сама не отдавая себѣ отчета, ощущала если и не перерожденіе, то во всяком случаѣ какое то освѣжающее обновленіе...

Эти мусульмане ингуши и черкесы, не говорившіе по русски, учили Лару тому, чему ее не учили в Смольном институтѣ. Учили любить Россію, такую необъятную, таинственную, сумѣвшую создать эти горскіе полки, разноплеменные, разноязычные. И они идут в бой за нее, за Россію, идут, как на праздник и так же празднично, без мук и сомнѣній умирают за нее.

И то, чего не сдѣлали годы свѣтской жизни в Петербургѣ и за границею, то удалось сдѣлать нѣскольким дням в прифронтовой полосѣ. Под настроеніем бесѣд о войнѣ и вѣры в побѣду, под настроеніем этих молившихся с заходом солнца воинственных горцев, под настроеніем большого и важнаго, с чѣм она так близко соприкоснулась и что совершается не только здѣсь, на маленьком участкѣ, но и на фронтѣ в тысячу верст, Лара углубилась в себя и сдѣлала какую то переоцѣнку...

Повторяем, это не было перерожденіе. Не явилось вдруг желаніе подвига, хотя бы сестры милосердія, отдавшейся цѣликом заботам о раненых, но явилось желаніе стать чище и лучше.

И опять таки не путем аскетическаго удушенія в себѣ женщины, — это никому не нужно и прежде всего ей, Ларѣ, — а просто она увидѣла, что надо быть разборчивѣе, менѣе распущенной и не только отдаваться, увлекаясь, а то и совсѣм не увлекаясь, а полюбить, по настоящему полюбить. Да, эти звѣздныя ночи, эти буковые лѣса над застывшей холодной сталью сонпаго

Днѣстра, эти зарева далеких, почти мистических пожаров, — все это будило душу, сливаясь в один захватывающій порыв. И с презрѣніем к самой себѣ, она вспомнила свой послѣдній роман с вылощенным, надушенным и лысым капитаном генеральнаго штаба. Он „воевал“ в Петербургѣ, окопавшись в своем кабинетѣ под монументальной аркой, на Дворцовой площади. Он питал брезгливое отвращеніе к войнѣ, к тому, что переживала Россія и ко всему, что не было спокойным комфортом, узко эгоистическим окруженіем его великолѣпной особы.

И потому, что этот капитан, вылощенный и ледяной, был ея послѣдним „капризом“, она вспомнила свое первое увлеченіе другим капитаном генеральнаго штаба, высоким, с плебейским лицом и с тонкими аристократическими руками. У него были голые, без рѣсниц, какіе-то бѣлые глаза. И когда, много лѣт спустя, она вспоминала эти глаза, дрожь отвращенія охватила ее.

Окончив институт, она пріѣхала на лѣто к отцу, губернатору в Юго-Западном краѣ. В этом городѣ служил капитан генеральнаго штаба Нейер. Он имѣл репутацію опытнаго развратника. Вчерашняя институтка, гибкая, матовая, с миндалинами темных глаз не могла не привлечь его благосклоннаго вниманія. Рядом с нею губернскія дамы, сердца коих он пожирал без остатка, показались ему вульгарными и, кромѣ этого — Лара была еще невинна. Он влюбил ее в себя. Она бѣгала тайком к нему, на холостую квартиру, и писала безумныя письма.

Нейер холодно развращал ее и так это продолжалось около двух мѣсяцев. А потом пріѣхал ревизовать губернію видный петербургскій чиновник Алаев. Губернія оказалась далеко не в порядкѣ, Алаев же оказался богатым человѣком с отличною карьерою не только в настоящем, но и в будущем.

Алаев замѣтно увлекся губернаторской дочкой. Отец сказал ей:

— Если ты откажешь Алаеву, я погиб! Да и сам по себѣ Алаев завидная партія.

К этому времени чувственная любознательность Лары — она принимала ее за наивысшую влюбленность — успѣла остыть. Больше того, Лара успѣла возненавидѣть грубаго циника, не пытавшагося даже, хотя бы дѣвичьих иллюзій ради, обвѣять свои отношенія хотя-бы дымкой поэзіи, хотя бы красивой ложью.

И еще до пріѣзда Алаева она прекратила посѣщенія „гарсоньеры" Нейера.

Он бѣсился, бѣсился от неугасшей похоти и оскорбленнаго самолюбія.

Лара хотѣла спасти своего отца от позорной отставки, да и вполнѣ согласилась с ним, что Алаев дѣйствительно завидная партія. Алаев, красивый тридцативосьмилѣтній правовѣд был симпатичен ей и как мужчина и как симпатичный собесѣдник. И вот, она его невѣста, а через мѣсяц другой и его жена. Но для этого необходимо порвать с прошлым и потребовать у Нейера безумныя, компрометирующія письма.

Вот когда уязвленный самец увидѣл, что Лара все еще пока в его власти.

— Вам угодно получить ваши письма, очаровательное дитя мое?— спросил он с висѣльнической улыбкой бѣлых глаз.

— Надѣюсь, что вы, как порядочный человѣк...

— Милая моя, полноте вам! Какая там порядочность? Тѣм болѣе к вам, так вѣроломно забывшей дорогу ко мнѣ? Какая неблагодарность! Я вам открыл, можно сказать, врата Эдема, научил таким наслажденіям и ласкам... Но не будем предаваться лиризму, ближе к дѣлу! Вот вам мой ультиматум: ваших писем у меня тринадцать. Фатальная цифра, кстати! За каждым из них вы будете приходить ко мнѣ и, уходя, паинькой, будете получать по одному... Тринадцать визитов. Право же мы не будем скучать.

— Вы... вы чудовищный негодяй! — бѣшеная ненависть душила Лару. Она глаз не могла поднять на него, — так он был ей омерзителен.

— Ха, ха, ха! — разсмѣялся Нейер, — „чудовищный негодяй"! Но я не из обидчивых. Да и что такое негодяй? Понятіе весьма растяжимое. И развѣ вся

человѣческая мораль не растяжима, как гутаперча? На одной точкѣ земного шара почитается злом то, что на другой точкѣ люди называют добром. Но не будем вдаваться в философію. Говорю вам ясно и просто: если вам не угодно получить ваши письма в порядкѣ, мною начертанном, я их всѣ запечаю в один конверт и отправлю вашему жениху в качествѣ... ну, свадебнаго подарка, что-ли. Вы дѣвица неглупая и можете учесть всѣ послѣдствія онаго свадебнаго подарка. Итак — либо-либо? Ваша честь в ваших собственных руках.

Лара получила свои тринадцать писем от Нейера, получила ужасной, незабываемой цѣною, и той же осенью обвѣнчалась со статским совѣтником Алаевым.

VIII

На полянѣ и за столом

Для всей дивизіи подарков не хватило бы. Да и кромѣ того, полки Чеченскій, Кабардинскій, Татарскій и Дагестанскій находились в сторонѣ от „большой дороги“.

А большая дорога начиналась штабом дивизіи и кончалась штабом бригады полков Ингушскаго и Черкесскаго.

Эта дорога была дорогою Лары и по ней носился ея автомобиль, весьма неохотно предоставленный Юзефовичем „этой петербургской барынькѣ“.

В душѣ Саша Чавчавадзе хотѣл, чтобы всѣ подарки достались его черкесам, но это было-бы неловко по отношенію к сосѣдям-ингушам, а такой неловкости дипломат Чавчавадзе никогда не допустил бы.

Он совѣщался с абхазцем, полковником Мерчуле, командиром ингушей, как обставить это маленькое событіе в жизни бригады. Мерчуле, тихій, скромный, избѣгавшій всякую помпу, отвѣтил:

— Да что-ж, князь, раздадим как-нибудь, да и все тут.

Но Чавчавадзе, неравнодушный ко всему декоративному возстал:

— Должна быть торжественность. Необходимо подхлестывать их восточное воображеніе. Хор трубачей. Всадники должны быть одѣты празднично. В первую голову одарить вахмистров, унтер-офицеров и всадников постарше.

—Тѣх, которые менѣе всего нуждаются...

— Да! Но важен престиж! Здѣсь главный прин-

цип — охраненіе старшинства. Это именно в духѣ туземцев.

— Пусть будет так, — покорно согласился Мерчуле.

Меж вѣковых дубов, на пышной изумрудной полянѣ, толпа офицеров окружила свою гостью и раскрытые ящики. Оба полка в новых парадных черкесках и в цвѣтных башлыках, ингуши в синих, черкесы в красных, выстроены были по сотням. В ясном солнечном воздухѣ далеко разносились чистые, прозрачные звуки ослѣпительно сверкающих мѣдных труб. Марши смѣнялись „Вѣщим Олегом“ и популярной пѣсенькой „На солнцѣ оружьем сверкая“. И трубачи, и эффектныя красочныя пятна — стройные ряды всадников в черкесках, башлыках и папахах, и нарядная группа начальства с красивой молодой женщиной, — все это создавало столь желанное для Саши Чавчавадзе праздичное настроеніе.

По программѣ, первые одаривались тѣ, у кого были нашивки, георгіевскіе кресты и сѣдые бороды.

Надо было видѣть, какою радостью вспыхивали глаза этих георгіевских кавалеров — конвойцев еще Алоксандра II — когда из рук прелестной ханум они получали, кто пачку папирос, кто кусок мыла, кто плитку шоколада, или катушку ниток. Не пустяшным подарком, а вниманіем овладѣвала ханум сердцами этих сухих, обвѣтренных бойцов, отмѣченных шрамами трех войн и служивших при трех Императорах.

Это чувство сообщалось Ларѣ и она сіяла вся и казалось ей, что лучших минут еще не было в ея жизни и онѣ останутся незабываемыми. И было еще сознаніе, что она привлекательна и ею любуются и окружающіе офицеры и тѣ, кого она, как добрая фея, дарит своим женским привѣтом на залитой солнцем полянѣ, средь исполинских дубов. И это было безыскусственно просто в таком сліяніи с дѣвственной мощной природой.

Восторженный Юрочка Федосѣев был на седьмом небѣ.

Когда к Ларѣ подошел всадник с горбоносым про-

филем и огненнаго цвѣта бородою, Лара смутилась. Так вот он, этот самый Бак-Боров, главнокомандующій персидской арміей с крашеной бородою, о ком с восхищеніем вспоминал Юрочка в ея петербургской гостиной!

Лара невольно растерялась. Что можно дать этому воину с его нероновской бородою, когда персидскій шах оплачивал его службу пышными самоцвѣтными камнями? И послѣ этого коробка габаевских папирос или кусок варшавскаго мыла...

Подоспѣл Юрочка. Он сам волновался не менѣе Лары. Он вынул из ящика и подал ей большую, в полфунта пачку душистаго табаку.

Положеніе было спасено. Наградой гибкой, как пальма, ханун был блеск семидесятилѣтних и все еще молодых, огнем горящих глаз. И старый всадник так гордо отошел со своим подарком, как если бы в этой пачкѣ заключались всѣ сокровища шахской казны.

Стариков смѣнила молодежь. В юных улыбках бѣлые зубы освѣщали и смуглыя лица, и персиковыя блѣдно-матовыя и коричневыя, как бронза.

Чавчавадзе говорил Алаевой:

— Вы завоевали, покорили наших всадников безповоротно и навсегда! Нѣт на свѣтѣ подвига, который каждый из них не совершил бы за вас и для вас!

Чавчавадзе не был бы Сашею Чавчавадзе, если бы не ознаменовал этот день большим обѣдом у себя, во дворѣ крестьянской усадьбы, отведенной под его штаб.

Торжественнаго случая ради, были приглашены гости из других полков. Возлѣ крытой соломой галиційской халупы, за деревенскими узенькими столами собрался букет громких имен и титулов, возможный лишь при таких исключительных условіях, как война.

Рядом с единственной дамой, Чавчавадзе посадил старшаго по чину гостя, генерала персидскаго принца Юзула-Мирза из древней династіи Каджаров. Черный, как только может быть черен перс, принц Фази, так называли его сокращенно, считался отличным боевым кавалерійским генералом. Даму свою он занимал на французском языкѣ, свободном и бойком, но с сильным

восточным акцентом. Под гул веселых голосов, под звон посуды и стаканов, под замиравшіе тосты знакомил принц Фази свою даму с тѣми, кто, по его мнѣнію, заслуживал вниманія. А вниманіе его можно было заслужить только военной доблестью.

Сначала, как всегда в новом обществѣ, для Лары всѣ были на одно лицо: мужчины в папахах. Да, в папахах, ибо в подражаніе горцам, за трапезою под открытым небом офицеры Дикой дивизіи не снимали своих головных уборов.

— Этот блондин с открытым лицом...

— Я его знаю, знаю давно,—откликнулась Лара,— это принц Мюрат.

— Вы его знаете по вашим петербургским салонам,—послѣдовал отвѣт,—но вы не знаете, какой это офицер! На двѣнадцать баллов! Я был с ним на японской войнѣ, а теперь вмѣстѣ бьем австрійцев. Между двумя войнами мы проходили курс офицерской кавалерійской школы. Какое богатырское здоровье! Мюрат кутит напролет всю ночь, утром возвращается к себѣ на квартиру, выпивает стакан молока, берет холодную ванну, прямо в манеж и цѣлый день работает, нѣсколько лошадей, не слѣзая с сѣдла. Так заматывает, самых сильных, гунтеров, что от них только пар идет... Это школа! Такіе офицеры создавали и создают русскую конницу, единственную в мірѣ. А на японской войнѣ? Получив сквозную рану в шею, он без перевязки идет в атаку и опрокидывает японскіе эскадроны. Уже здѣсь, в Карпатах, он спасает положеніе всей бригады, почти отрѣзанной, когда на лямках ему были поданы пулеметы...

— Как это на лямках? — не поняла Лара.

— Он с горстью своих людей находился на такой кручѣ — подняться к нему никакой возможности не было! Тогда Мюрат приказал спустить длинныя, длинныя веревки, и на этих веревках его люди подтянули пулеметы. Из них он открыл такой огонь — австрійцы бѣжали в паникѣ!

— Да, все это необыкновенно и так захватывающе! — вырвалось у Лары. — Слушая ваше высо-

чество, жаждешь сама чего-то необыкновеннаго! Как это все красиво! Рѣшительно все! Но вы ничего не говорите о себѣ, а у вас георгіевскій крест, отличіе храбрых и смѣлых.

— Это не болѣе, как очередная награда, — молвил Фази, не терпѣвшій говорить о себѣ. — А вот смотрите влѣво от Мюрата, как и он, такой же жизнерадостный, штабс-ротмистр Тапа Чермоев, бывшій офицер собственнаго его величества конвоя, а теперь адъютант чеченскаго полка. Тапа сам чеченец и пользуется большим вліяніем среди чеченцев. И по себѣ и по своему отцу. Недавно Чермоев выкинул номер. Средь бѣла дня, увлекшись развѣдкой, не замѣтил, как очутился буквально в пятидесяти шагах от окопов противника. Эта дерзость так ошеломила австрійцев, они даже не стрѣляли, а уж чего выгоднѣе мишень: всадник в полсотнѣ шагов. Чермоев не был бы горцем, если бы замѣтив свою оплошность, бросился на утек. И он сдѣлал также лихо, как дѣлали его предки чеченцы в борьбѣ с русскими. Он задержал коня и, молодецки заломив папаху, посмотрѣл на ошеломленных австрійцев; а потом с гиком, стегнув коня плетью, взвил его на дыбы и, повернув, как на оси, с мѣста понесся карьером назад, к своим. И это было так ошеломляюще — ни одного выстрѣла вдогонку. Нѣт, клянусь Богом, это была картина... Я был в полуверстѣ и наблюдал в бинокль. Совсѣм, как театральное представленіе. Нѣт, молодец Тама!

В этот момент взгляды Чермоева и принца Фази встрѣтились. Чермоев приподнял свой бокал, принц Фази свой и оба выпили.

Фази продолжал:

— Я люблю его за многое: и за то, что он знает и любит свой сѣверный Кавказ и своих чеченцев. Тапа—живая исторія всѣх кавказских войн. Память у него изумительная! Пытливый ум и знаніе предмета в мельчайших подробностях дѣлает его увлекательным собесѣдником. Я сам люблю Кавказ, — его нельзя не любить, — вся моя служба прошла среди горцев и потому мнѣ все кавказское особенно мило и дорого!...

IX

Глава, в которой Саша Чавчавадзе перестал быть свѣтским человѣком

Послѣ обѣда хозяева и гости разбились на группы. Самая большая группа тѣсным кольцом черкесок сгустилась вокруг Лары. Женщина, да еще такая, как она, рѣдкостью была на фронтѣ. Офицеры не видѣли здѣсь никого, кромѣ галицiйских крестьянок и сестер милосердiя. Крестьянки были грязны, а сестры милосердiя успѣли примелькаться своими косынками, своим аптечным запахом и своей доступностью. А это, это настоящая дама. Кромѣ аромата духов, она вся обвѣяна также ароматом свѣтской жизни Петербурга. Казалось, частицу этой самой жизни, такой манящей, она привезла с собою в складках своего платья, в движенiях, в улыбкѣ.

Каждому хотѣлось быть поближе к ней, коснуться хотя бы рукавом черкески. И за право это сдѣлать, за право поймать на себѣ хотя-бы мимолетный взгляд ея темных продолговатых миндалин, эти мужчины готовы были соперничать между собой, как самцы, со всѣми послѣдствiями такого соперничества. И напруживались локти. Готовые мгновенно обидѣться, вспыхивали глаза. Пальцы тянулись к рукояткам кинжалов. Это чувство одинаково овладѣло не только кавказцами, но и русскими и прибалтiйскими нѣмцами, всѣми кто изнемогал от желанiя схватить ее, эту гибкую, прiятно пахнувшую гостью, схватить, как хватали амазонок центавры и умчаться с нею под густую тѣнь вѣковых дубов, гдѣ утром была раздача подарков... Война разнуздывает и обнажает инстинкты. Самые тонкiе мужчины превращаются в дикарей. В атмосферѣ насилiя

и торжества тѣх, кто вооружен до зубов и чьи острѣе отточены когти, что такое овладѣть женщиной, помимо ея желанья? Эпизод. Эпизод, о котором можно будет вспомнить с пріятной, самодовольной улыбкой.

И Лара ощутила себя, не могла не ощутить, центром всѣх этих вожделѣній. Она его читала в игрѣ лицевых мускулов и в потупленных взглядах. Это не льстило ей, но и не оскорбляло потому, что она понимала этих мужчин, изголодавшихся, здоровых, цвѣтущих, вѣчно в движеніи, на воздухѣ. Это было естественно, а потому не отталкивало. Совсѣм другое, чѣм оставшійся в Петербургѣ вылощенный капитан. У того это было надуманно, искусственно, а потому и противно.

Один Юрочка доволен был платонической ролью пажа Лары. Этот паж был немного пьян и как всѣ молодые люди, которые не умѣют пить, и которым хмельное состояніе не идет, был какой-то и смѣшной и блаженный, и гордый тѣм, что он знает Лару давно. В этом мѣсивѣ мужчин вокруг одной женщины, Юрочка представлял их ей одного за другим:

— Лариса Павловна, корнет князь Радзивилл... Ротмистр Тугарин.

Радзивилл ниже ея, а Тугарин значительно выше рослый и видный. Лара отмѣтила, что лицо у него грубоватое, особенной грубоватостью таких же рослых степных помѣщиков, что в поддевках появляются на конских ярмарках. Да, поддевка, шаровары, высокіе сапоги, но не купец и не барышник. И хотя не видно тонкой породы, но и по манерѣ носить голову и по осанкѣ, по голосу, по всему угадывается дворянин, помѣщик.

Так и Тугарин. В нем, с одной стороны, что-то степное, господское, с другой, что то кавалерійское — с такой внѣшностью нельзя не служить в конницѣ. И поэтому Тугарин запомнился Ларѣ, запомнился еще удалью и силой — так и вѣяло от него и тѣм и другим от всей его фигуры, широкой в плечах и в груди.

К Ларѣ подошел Чавчавадзе. Ему легко было подойти: перед ним старшим полковником и командиром черкесов, всѣ разступались и никто враждебно и

вызывающе не напруживал своих локтей. Он только успѣл обратиться к Ларѣ с какой-то любезностью, как перед ним вырос адъютант Черкесскаго полка Верига-Даревскій.

— Начальник штаба дивизіи просит ваше сіятельство к телефону.

Телефонная проволока была вѣстницей чего-то такого, что сразу вдруг измѣнило общее настроеніе. Чавчавадзе вернулся другой, озабоченный. От его свѣтскости не осталось и слѣда. Минуту назад женщина была здѣсь украшеніем, усладою, теперь она была только помѣхою.

Чавчавадзе сказал Юрочкѣ:

— Федосѣев, отведите madame Алаеву в Густе-Място.

А Ларѣ сказал:

— Я очень сожалѣю, но мы должны прервать наше милое беззаботное веселье. От имени своего полка еще раз благодарю за подарки и счастливаго пути!

Этим „счастливаго пути" он подчеркнул, что они болѣе не увидятся и теперь ему уже не до гостей.

Ларѣ было непонятно и ново: и этот холодок и то, что всѣ сразу стали строгими, дѣловыми и что на нее никто уже не обращал вниманія. Офицеры садились на лошадей, поданных вѣстовыми и уѣзжали.

Дорогой, сидя с Ларою в автомобилѣ, успѣвшій отрезвѣть, Юрочка объяснил:

— Это, конечно, между нами, Лариса Павловна. Ночью мы перейдем в наступленіе и будем рвать фронт.

— Юрочка. . . хоть бы издали, хоть бы одним глазком...

— Что вы, что вы! — испугался Юрочка, — ни под каким видом. Юзефович попросит вас сегодня же уѣхать!

— Но куда же, куда же, Юрочка? — с отчаяньем вырвалось у Лары. Она увидѣла себя такой безпріютной, такой безпомощной. Все было так интересно тут, так заманчиво и вдруг... Нѣт, нѣт, это ужасно! Воз-

вращеніе в Петербург, теперь такой скучный, такой ужасный, постылый и ненужный!..

— Я не хочу в Петербург! Не хочу!..

— Ну его совсѣм, этот гнилой Петербург! — согласился Юрочка. — Знаете, что я придумал? Вѣдь, вы свободны, как вѣтер? В Петербургѣ ни с чѣм не связаны?

— Ничѣм рѣшительно! — твердо отвѣтила Лара, вспомнив вылощеннаго капитана.

— И отлично! Поѣзжайте в Кіев. Там бьется жизнь, там чувствуется на каждом шагу тыл. Центр кіевской жизни „Континенталь". Остановитесь в нем и вы увидите, как будет хорошо! Через нѣсколько дней, когда мы закончим операцію, многіе из наших туземцев бросятся в Кіев отдохнуть, освѣжиться. Не выходя из „Котниненталя," вы будете вновь в Дикой дивизіи. Да и я прикачу, если останусь жив.

— Глупости! Конечно, осганетесь!

— Не глупости, а война...

X

Карикозов в большом свѣтѣ

Капитан Сальватичи. он же пан Руммель, успѣл скрыться в ту самую ночь, когда поручик Джемарджидзе вмѣстѣ с ингушами и с агентом армейской контрразвѣдки оцѣпил кофейню „Под тремя золотыми львами“ на предмет обыска и ареста виднаго непріятельскаго шпіона.

Обнаружилось, что капитана Сальватичи и слѣд простыл. Джемарджидзе в бѣшенствѣ сорвал с себя папаху, бросил о земь и начал топтать ногами.

— Удрал, негодяй! Удрал!

Велико было отчаяніе. Еще бы Джемарджидзе присмотрѣл уже возлѣ штаба полка дерево, на котором должен был висѣть австріец, и вот, не угодно-ли, такой провал!

Обыск не дал никаких особенных результатов, хотя полицейскій нюх Джемарджидзе и привел его к тайной телефонной системѣ. Сальватичи успѣл испортить ее и поручику Джемарджидзе в видѣ трофея достался деревянный прямоугольник с оборванными шнурами и без штепселей.

Когда Тугарин угостил Руммеля ударом, плети, Джемарджидзе под свѣжим впечатлѣніем осудил ротмистра:

— Зачѣм зря бить человѣка? Что он тебѣ сдѣлал? Нехорошо!

Послѣ обыска Джемарджидзе уже совсѣм иначе судил:

— Тугарин, ты во всем виноват! Надо было застрѣлить этого мерзавца!

— Будь я увѣрен, что это за птица, не задумываясь всадил бы пулю!

— Увѣрен не увѣрен, птица не птица, надо было стрѣлять. Начальство потом разобралось бы. Но ничего, ты и так молодец, помог снять с него маску! — утѣшал Джемарджидзе Тугарина и сам утѣшался.

А Сальватичи сдержал свое обѣщаніе. Через два-три дня к Карикозову подошел на улицѣ санитар в новенькой формѣ и сам человѣк новый. Убѣдившись, что они только вдвоем и кругом никого нѣт, санитар ломанным русским языком задал вопрос:

— Вы есть господин Карикозов?

— Да, я господин Карикозов.

Санитар показал ему желѣзное кольцо. Фельдшер подмигнул с видом заговорщика. Отношенія быстро наладились.

Затѣм Карикозов устроился в командировку в Кіев за медикаментами для дивизіоннаго лазарета.

Стыдясь своего фельдшерскаго званія и желая походить на офицера туземной дивизіи, Карикозов башлыком закрывал свои фельдшерскіе погоны. Был весьма счастлив, когда солдаты козыряли ему. Да и не только солдаты, — офицеры привѣтствовали его, как равные равнаго.

Отложив покупку медикаментов на послѣдній день, он занялся собственными дѣлами: ходил в цирк, шатался по кофейням, знакомился с женщинами и успѣх туго набитаго бумажника приписывал своей собственной неотразимости.

Женщинам он выдавал себя за черкесскаго князя, корнета Дикой дивизіи и нахально врал о своих подвигах. Ему вѣрили и нельзя было не вѣрить человѣку в косматой папахѣ, с таким чудовищным кинжалом и с такой звѣрской физіономіей в тѣ минуты, когда рыча и скрипя зубами, он описывал, как врывался в самую гущу австрійцев и крошил их этим самым кинжалом. Для большей наглядности Карикозов вытягивал из ножен клинок и, послюнив палец, проводил им по острому лезвію, дѣлая страшные глаза...

Любовныя утѣхи ничуть не мѣшали коммерческим

оборотам. В кофейнѣ Симадени, в глубинѣ, Карикозов встрѣчался с бородатым персом в высокой каракулевой шапкѣ. В пакетиках из папиросной бумаги, перс хранил небеснаго цвѣта бирюзу, а также бриллiанты и рубины. Появлялись щипчики, появлялся инструментик для опредѣленiя количества каратов. Не особенно довѣряя друг другу, Карикозов и перс придушенными голосами торговались и спорили.

Обѣдал Карикозов в маленьких ресторанах, но ему хотѣлось пообѣдать хоть единственный раз в „Континенталѣ“. Он долго не рѣшался. Не потому, чтобы смущала цѣна, а потому, что ресторан этой первой в Кiевѣ гостиницы всегда битком набит военными. Чужiе-то еще туда-сюда, но легко напороться на своих „туземцев“ и тогда не поможет синiй башлык, закрывающiй фельдшерскiе погоны.

Долго колебался Карикозов. Велик был соблазн, но и велик был страх. Наконец первый побѣдил послѣднiй. В эти дни наступленiя вряд ли кто-нибудь из офицеров уѣхал бы в отпуск.

Карикозов не обманулся. В ресторанѣ, кромѣ него, был еще из Дикой дивизiи только один вольноопредѣляющiйся, правовѣд Балбаневскiй, как и он, закрывшiй свои погоны башлыком. Фельдшер знал Балбаневскаго. Он ему продавал кокаин.

Войдя, Карикозов, при всей наглости своей, растерялся — так ошеломила его великолѣпiем своим обстановка. Потоки электричества, зажигающiе бриллiанты нарядных, с обнаженными плечами дам. Гвардейскiе офицеры, спекулянты в смокингах, важные метр-д'отели; передвижные на колесиках столы с дымящимся ростбифом и еще многое такое, чего Карикозов никогда не видѣл.

Он твердо помнил одно: необходимо отыскать глазами какого-нибудь генерала, а если не генерала, то полковника и попросить разрѣшенiя сѣсть.

И, о ужас! Он, Карикозов, увидѣл знакомое по фотографiям лицо с уже сѣдѣющей бородкой, увидѣл адмиральскiе погоны... Это великiй князь Александр

Михайлович. Он завѣдует всей военной авіацией и его штаб здѣсь же, в Кіевѣ.

Будь что будет! Карикозов, вытянувшись, деревенѣющим языком произнес:

— Ва.. ва.. ше Императорское Высочество, раз... разрѣшите с.. с.. сѣсть.

В отвѣт — насмѣшливая улыбка и такой же насмѣшливый кивок головы. Черезчур комичен и нелѣп был этот корокій, неуклюжій „горец".

Черкеска, пожалуй, самый красивый, самый воинственный мужской наряд, кто создан для нея, кто строен и ловок, и кто умѣет ее носить, что весьма нелегко, особенно для некавказцев. А для полных и неповоротливых, для подобных Карикозову, ничего нѣт убійственнѣе черкески.

Гора с плеч свалилась: великій князь принял его за офицера. Можно сѣсть, но гдѣ? Свободных столиков нѣт. Есть полусвободные, но подсѣсть к офицеру опасно — того гляди расшифрует маскарад и выгонит вон.

Вот еще удовольствіе! Нельзя спокойно за свои деньги пообѣдать в хорошем мѣстѣ. А, между тѣм у него, Карикозова, больше в карманѣ, чѣм у любого из этих „пускающих пыль в глаза" офицеришек!..

Вот одинокая дама. К ней развѣ присосѣдиться? В ея обществѣ пріятнѣе, а, главное, безопаснѣе, чѣм с забубенным ротмистром каким-нибудь.

— Ва! — именно этим кавказским „ва" подумал Карикозов, — да, вѣдь эта барыня только на-днях гостила в туземной дивизіи. Видимо важная барыня, — и великій князь приглашал, и Юзефович, уж на что собака, и тот машину предоставил. Но как и что ей сказать? — затруднился фельдшер, в практикѣ своей выше дѣвиц с Крещатника и сестер милосердія третьяго сорта не поднимавшійся.

Ему повезло. Растерянный, топтавшійся средь ярко освѣщеннаго ресторана, скромный, незамѣтный офицер — и она приняла его за офицера — привлек вниманіе и сочувствіе Лары. Он казался ей родным и близким, как была теперь для нея родной и близкой вся дикая

дивизія. Она подозвала метр д'отеля и тот подошел к Карикозову.

— Барыня приглашает вас сѣсть за ея столик.

И когда он приблизился, все еще несмѣло, она подбодрила его ласкою во взглядѣ и в голосѣ:

— Садитесь, пожалуйста.

— Благодарим вас, мадам! — и щелкнул каблуками, фельдшер занял свободное мѣсто.

„Вот они, дѣти гор—мелькнуло в головѣ Лары, — в непривычной культурной обстановкѣ теряются, а на позиціях, дерутся, как львы. И он такой-же. Необходимо его подбодрить.

— А в этих послѣдних боях вы не принимали участія?

— Никаких нѣт, мадам. Очень секретный порученій здѣсь, Кіев, командирован.

— Вам это непріятно? Вы, несомнѣнно, предпочли бы раздѣлить со своими всѣ опасности?

— Так точно, мадам, ужасно большой досада имѣем! Я эти австрійцы вот как рѣзил! — и схватившись за клинок, Карикозов оскалил зубы и сдѣлал звѣрское лицо.

„Да, да, всѣ они такіе! — восхищалась Лара — всѣ они бойцы с колыбели и война для них — пир."

Увидѣв, что „герой" безпомощно вертит в руках меню, Лара и тут поспѣшила к нему на помощь.

— Я вам посовѣтую, что взять. Есть даже ваш родной кавказскій шашлык.

— Есть? Очень обожаем шашлык!

XI

Преступленіе и наказаніе

Да, Юрочка был прав.

Кіев оказался куда болѣе в соотвѣтствіи с переживаніями Лары, чѣм Петербург.

Кіев не только великолѣпен на рѣдкость, но и живописен своей хоатической разбросанностью, весь такой буйный, густо красочный. Знойное солнце, бѣлыя стѣны древних святынь и золоченые купола. Что-то ликующее, пѣвучее, и красота совсѣм другая, чѣм стройность линій, закованной в гранит сѣверной столицы.

Перед самой войной Лара изъѣздила юг Италіи, но и послѣ этих увѣнчанных міровой славою ландшафтов, она часами любовалась в саду Купеческаго собранія бѣгущей без конца края заднѣпровскою равниною с ея песками, нивами, лугами, лѣсами и деревнями. В обычное время Кіев какой то сонный, глухой, теперь шумный бурливый тыл юго-западнаго фронта. Люди в военной формѣ без конца вездѣ и всюду. Через Кіев тянулись не партіи, не полки, а цѣлыя полчища плѣнных австрійцев. И на фонѣ стариннаго русскаго города казалась чужою форма: эти сѣро стальные мундиры пѣхоты, синіе с желтыми шнурами доломаны венгерских гусар и алыя фески боснійцев. И такія же чужія лица и чужой говор на всѣх языках всѣх народов, населяющих Австро-Венгрію. Дребезжаніе экипажных колес, пыхтящіе грузовики с военным снаряженіем, автомобили штабных офицеров и санитарных уполномоченных.

И ко всему этому еще Кіев был временной столицею с пребываніем жившей в Кіевѣ с самаго начала

войны вдовствующей Императрицы Маріи Федоровны.

Лара мечтала хотя бы о нѣскольких днях полнаго одиночества. Это одиночество нужно было ей, чтобы возсоздать, продумать всѣ вывезенныя „оттуда“ впечатлѣнія. И теперь они чудились еще острѣе и ярче. Воспоминанія всегда сильнѣе дѣйствительности, как талантливый пейзаж сильнѣе природы. Но не успѣла она снять номер в „Континенталѣ“ и спуститься в холл, как тотчас же очутилась среди старых петербургских знакомых — дам-патронесс, ѣздивших на фронт, дам, никуда не ѣздивших, а состоявших при императрицѣ-матери, чиновников, одѣтых в полувоенную форму и настоящих военных. Завтракать и обѣдать приходилось в компаніи, и это выдался рѣдкій случай, что она сидѣла одна, когда в ресторан нелегкая принесла Карикозова.

Заказав себѣ обѣд и предоставив собственными силами дѣйствовать вилкой и ножом, Лара, под настроеніем этой фигуры в кавказской формѣ, вспомнила и ночную прохладу буковаго лѣса, и сдавленные голоса туземцев, и свѣтляков, вспыхивавших в прохладной тьмѣ подобно крошечным электрическим фонарикам... Вспомнила залитую солнцем поляну, синіе и красные башлыки, сверканіе труб с их увлекающими в какую-то свѣтлую, прекрасную даль звуками... И за все это она прощала Карикозову чавканье челюстями, и кромсаніе рыбы ножом и вытираніе салфеткой вспотѣвшаго лба. Пусть! Вѣдь, он же дитя природы и какой суровой, дикой природы! И если здѣсь, за столом, он безпомощен и неловок, то в своей родной стихіи, несомнѣнно, и проворен, и лих и отважен.

А Карикозов, хотя и не читал книги „Хорошій тон“—он, вообще, никогда ничего не читал,—но своим умом дошел, что в таких случаях кавалеры занимают дам разговорами. И, обсосав баранью косточку, облизав жирные пальцы, он обратился к Ларѣ с энергичной жестикуляціей и с такой же энергичной мимикой.

— Ей-Богу, мадам, совсѣм не хотим в Кіев ѣхать! Воевать хотѣл! А полковник Юзефович, начальник штаба, говорит: „это его высочества великій князь...“

Тогда я уже говорю: „Если это великій князь хотѣл, давай пакет! Ѣду!..

Аппетит приходит во время ѣды. Начав фантазировать, видя, что его слушают, Карикозов готов был фантазировать без конца. Пусть это сладостный самообман, пусть, но у этой барыни—он ее больше никогда не увидит,—останется впечатлѣніе, что и в самом дѣлѣ он прапорщик, и не какой-нибудь, а пользующійся исключительным довѣріем великаго князя и его начальника штаба. В изобрѣтательной головѣ фельдшера уже готов был переход от важной секретной командировки к одному из боевых эпизодов с ним, Карикозовым в главной роли. Здѣсь можно будет повторить имѣвшій успѣх трюк: Вынуть хотя бы наполовину кинжал и, состроив свирѣпую гримасу, послюнив палец, провести им по лезвію...

И, несомнѣнно, так и было бы. Но тут случилось нѣчто весьма неожиданное, как для самого Карикозова, так и для дамы, готовой его слушать с терпѣливой благожелательностью.

Ни он, ни она, оба не замѣтили, как, громко бесѣдуя между собой, вошла группа офицеров Дикой Дивизіи. Прямо с поѣзда — в „Континенталь". Едва успѣли помыться, привести себя в порядок, и жизнерадостные, веселые от сознанія, что они живы и невредимы послѣ боев и самое страшное уже позади, проголодавшіеся спустились они в ресторан.

Они увидали Лару и ея собесѣдника.

— Это еще что за „туземец"? — похрипывающим баритоном полюбопытствовал Тугарин, не могшій разобрать „со спины", кто сидит рядом с Ларой.

И они двинулись к столу. Карикозов и Лара только тогда замѣтили их, когда подошли вплотную.

— Я сказал, что мы пріѣдем! — воскликнул Юрочка.

И только здѣсь и он и всѣ остальные узнали фельдшера.

А фельдшер так испугался, что не мог пошевельнуться и сидѣл истукан-истуканом.

Если бы еще он вскочил, как встрепанный, вытянулся, он вышел-бы из положенія, если и не с честью, то хоть кое-как, но то, что он продолжал сидѣть, взорвало всѣх.

— Ты как попал сюда? Пошел вон! — крикнул на него Тугарин.

Этот грозный окрик вывел Карикозова из оцѣпенѣнія и он не приподнялся, но встал, а как-то соскользнул и, пригибаясь, рысцою выбѣжал из ресторана, оставив послѣ себя такой дурной дух, что адъютант Черчесскаго полка, тонный Верига-Даровскій поднес к носу надушенный платок.

Лара и сконфузилась и была возмущена выходкой Тугарина.

А тут ингуш Заур-Бек-Охушков с прямолинейностью горца вознегодовал:

— Вот подлец! Клянусь Богом, здѣсь нельзя оставаться!

— Да, да, нельзя... Перейдем в кабинет! — подхватили всѣ.

— Лариса Павловна, вашу руку, — предложил Юрочка.

В кабинетѣ Лара с гнѣвным огоньком в узких восточных глазах своих накинулась на Тугарина:

— Как вам не стыдно! Своего же офицера выгонять так... так непростительно грубо? Я безконечно возмущена вами... я...

К изумленію своему Лара встрѣтила кругом не сочувствіе, а дружный смѣх.

Тугарин оправдывался:

— Рубить голову вы успѣете, Лариса Павловна, выслушайте сперва. Помилуй Бог, какой же офицер? Он фельдшер!

— А если и фельдшер?

— Дайте кончить! Я вас понимаю. Но будь это порядочный фельдшер, мы сплавили бы его тихо и мирно, не ударяя по самолюбію. Но в том то и дѣло, что это дрянь, каналья, мошенник, спекулянт—все, что хотите. И навѣрно выдал себя вам за офицера, да еще нахально врал о своих подвигах.

— Да... он много о себѣ говорил, — сконфузилась Лара.

— Видите! Как же было его не выгнать?

Вдруг всѣм сдѣлалось весело, всѣм и самой Ларѣ, жертвѣ наглаго мистификатора. Не щадя самое себя, описала она и свое умиленіе „диким горцем“ и тѣ турусы на колесах, коими этот „горец“ ее угощал.

XII

В отдѣльном кабинетѣ

И в общей залѣ, и в кабинетах, офицеры Дикой дивизіи были, пожалуй, самые выгодные гости. Но в то же время — самые безпокойные. Кутежи их сплошь да рядом кончались выхватываніем кинжалов и шашек, стрѣльбою, стрѣльбою, стрѣльбою во время исполненія лезгинки, ибо какая же настоящая лезгинка обходится без револьверной пальбы?

Послѣ боев с опасностью на каждом шагу, послѣ суровых испытаній, и своих и чужих, послѣ долгих недѣль и мѣсяцев лишеній, является желаніе забыться, желаніе разгула и встряски нервов, не только у кутящих всю жизнь кавалеристов, но и у самых скромных пѣхотных офицеров. И скандалы с мирной, не воюющей публикой тыла именно тѣм и объяснимы, что она мирная, не воюющая: озлобленіе тѣх, кто рискует жизнью и выносит на себѣ всю тяжесть войны, по отношенію к тѣм, чья жизнь внѣ всякой опасности, кто и в мирное время безмятежно пользовался всѣми ея благами и срывал цвѣты удовольствія.

Эти проявленія у офицеров, вообще, — в обостреніи и в сгущеніи давали себя знать у офицеров Дикой дивизіи. Почти каждый, за исключеніем молодежи, был с прошлым, и довольно бурным прошлым.

Полковник, принц Мюрат. В его послужном спискѣ было нѣсколько войн и нѣсколько дуэлей, а в нѣсколько лѣт он прокутил два милліона. И когда от этих милліонов ничего не осталось, он вынужден был промѣнять блестящій, дорогой Конный полк на болѣе скромное положеніе в офицерской кавалерійской школѣ. А когда ему надоѣло объѣзжать лошадей и готовить

из молодых поручиков и штаб-ротмистров таких же центавров, каким он был сам, достойный правнук великолѣпнаго Іоахима Мюрата, он вышел в запас и уѣхал в Америку за новым счастьем, за новыми впечатлѣніями. Там какой-то „король нефти“ пригласил потомка неаполитанскаго короля оборудовать ему конскій завод. Мюрат успѣл поставить завод на громадную высоту, но с первыми же раскатами Великой войны умчался в Россію и вступил в ряды Дикой дивизіи.

Это ли не офицер с прошлым?

А Тугарин?

Из Елизаветградскаго кавалерійскаго училища он вышел в уланскій полк, стоявшій в одном из мѣстечек Юго-Западнаго края у самой австрійской границы.

Это было громкое дѣло. С поручика Бакунина, кто-то гдѣ-то сорвал погоны. Словом, Бакунин вернулся в офицерское собраніе без погон. Тогда корнет Тугарин, своей властью, за свой риск, вызвал по тревогѣ эскадрон, обыскал все мѣстечко, перепорол многих обывателей и, в концѣ концов, погоны были найдены. Вышел слишком громогласный скандал, чтобы его можно было замять. Тугарин был разжалован в рядовые. Простым драгуном Приморскаго полка, воевал в Манджуріи, отличился, был награжден солдатским Георгіем. Послѣ войны он был возстановлен в правах и в своем корнетском чинѣ, но, недовольный кѣм-то или чѣм-то, вышел уже по своей волѣ в запас и уѣхал к себѣ в имѣніе, гдѣ вел безпорядочную жизнь охотника, игрока и кутилы.

Вскорѣ он стосковался по своей конницѣ, вернулся в свой уланскій полк, но опять ушел послѣ дуэли со своим эскадронным командиром.

А через два года—война, Ингушскій полк Дикой дивизіи и рядом с солдатским крестом — бѣлый эмалевый офицерскій Георгій. Таков Тугарин.

И уже совсѣм необыкновенная біографія — Заур-Бек-Охушева. Как и Тугарин, питомец Елизаветградскаго училища, он вышел эстандарт-юнкером в Ахтырскій гусарскій полк и через мѣсяц, оскорбленный полковником Андреевым, на оскорбленіе отвѣтил пощечиной.

Ему грозила смертная казнь. Бѣжал в Турцію и, как мусульманин, был принят в личный конвой султана Абдул-Гамида. Потом, с производством в маіоры — он уже начальник жандармеріи в Смирнѣ. Но под турецким мундиром билось сердце, любящее Россію. Вспыхивало желаніе вернуться и, будь что будет, отдаться русским властям. А когда вспыхнула война, Зауер-Бек в ужас пришел от одной мысли, что, под давленіем нѣмцев, он вынужден будет сражаться против тѣх, кого никогда, ни на один миг, не переставал любить.

И вот, спустя двадцать лѣт, новый побѣг, но тогда из Россіи он бѣжал юношею, а теперь из Турціи бѣжал усатый, пожившій, с внѣшностью янычара, опытом умудренный мужчина. Высочайше помилованный, Зауер-Бек принят был всадником в Чеченскій полк, получил три солдатских креста, произведен был в прапорщики, затѣм и в корнеты.

Много было таких в дивизіи, как Мюрат, как Заур-Бек, как Тугарин, людей темпераментных, с бушующими страстями, людей, не созданных для обычных рамок, в условіях повиновенія шаблону воинской дисциплины.

Были и офицеры, погрѣшившіе в свое время не только против дисциплины, а и против морали. Но война сглаживает всѣ углы и шероховатости, ибо она сама по себѣ аморальна, не как идея, а как ея осуществленіе. И потому вчерашній преступник, или полупреступник дѣлается сегодня героем и подвигами своими заслоняет свое прошлое...

Но войдем в кабинет вслѣд за Ларой и ея шумным, ликующим окруженіем, окруженіем с недѣлю не знавшим, что такое горячая пища, — на позиціи нельзя будет подтянуть походныя кухни, да и поспѣть не могли за быстрым движеніем, движеніям в боях. Заказали тонкій обѣд, желая вознаградить себя за нѣсколько дней вынужденной сухомятки.

И пока обсуждались закуски, стерляжья уха, осетрина и сѣдло дикой козы, подоспѣли еще „туземцы". Они пріѣхали вмѣстѣ со всѣми, но за отсут-

ствіем свободных комнат в „Континенталѣ“, расположились в „Гранд-Отелѣ“, и потому запоздали.

Во главѣ этой новой группы был принц Мюрат. Хотя веселость не покидала его и привѣтливо улыбалось открытое лицо, но внутри было не по себѣ. Этот рожденный для войны офицер переживал трагедію. Его послѣдніе трофеи и подвиги были в буквальном смыслѣ послѣдними.

Он все еще силен, все еще может гнуть монеты, но уже постепенно лишается ног. Дает себя знать и подагра мирнаго времени, и ревматизм трех войн и, самое главное, зимніе бои в Карпатах, с их стужею, когда ему отморозило обѣ ноги.

Он с трудом вошел, и не в сапогах, а бархатных валенках. Это нарушало его кавказскій стиль, и он, родившійся на Кавказѣ и кавказец по матери, грузинской княжнѣ, сам это чувствовал болѣе, чѣм кто либо.

Он склонился к рукѣ Лары.

— Вы видите перед собой инвалида. Ноги мои измѣняют мнѣ, как и я измѣнял женщинам. Я никуда не гожусь, ни пѣшій, ни конный. А жаль! Я так мечтал войти во главѣ своего дивизіона в Берлин.

Лара пыталась утѣшить его.

Он отрицательно покачал головой, и впервые за всѣ годы знакомства она увидала в его глазах печаль.

Юрочка подсѣл к Ларѣ:

— Вы о нас думали? Вспоминали нас?

— Еще-бы, все время! И знаете, Юрочка, милый, как это странно... Не было ни одной минуты сомнѣнія. Я считала в порядкѣ вещей, иначе и быть не может, что вы вернетесь благополучно. И только теперь, увидав вас всѣх невредимыми, только теперь поняла, какой опасности вы подвергались! И мнѣ и жутко и радостно. И теперь, когда чего, казалось-бы, волноваться,—я все же волнуюсь.

— Так бывает,—согласился Юрочка, и, понизив голос, как-бы проникаясь важностью того, что сейчас скажет, продолжал:—Дивизія лишній раз покрыла себя славой, но, увы, цѣною значительных потерь. Она лишилась нѣскольких офицеров и в том числѣ ротмистра

Сарабуновича. Вы его не помните? Незамѣтный и скромный. Для дивизіи же это незамѣнимая утрата. Он вел свою сотню в атаку под сильным артиллерійским огнем. Его контузило, контузило так—из ушей и носа хлынула кровь! Оглушенный, приказал снять себя с коня, приказал двум ингушам вести себя. А через минуту новым снарядом разорваны был и сам Сарабуновичь и тѣ, кто его вел. Он представлен к посмертному Георгію...

— Какой ужас,—молвила, содрогнувшись, Лара и уже другим тоном спросила:—Должно быть, очень лихой офицер?

— Лихой? Не скажу!—отвѣтил Юрочка.—Лихость одно, храбрость другое. Покойный Сарабунович был очень храбр, но лихости в нем не было. Лихость — это внѣшнее. Молодцоватая фигура, когда одним видом своим офицер поднимает двух и ведет за собою. Сочетаніе храбрости и лихости—это уже идеал. Таков, напримѣр... — И хотя кругом все двигалось, шумѣло, искрилось, Юрочка еще понизил голос, наклонившись к Ларѣ:—таков, напримѣр, Тугарин. Он и в этой операціи отличился. Так как имѣет уже Георгіевскій крест, представлен к золотому оружію... Я вам сейчас разскажу...

Лара, как бы желая остановить Юрочку, узкой, холеной рукой почти коснулась его губ.

— Не надо... Потом... Завтра вы придете ко мнѣ пить утренній кофе и все разскажете, все... Я буду внимательно слушать, Юрочка. Такое же ощущеніе, когда принимаешься за интересную книгу: и желаешь узнать, что дальше и хочется отдалить предвкушаемое удовольствіе. Это одно, а затѣм, развѣ можно здѣсь внимательно слушать?

— Погодите, то ли еще будет!—многозначительно пообѣщал Юрочка.

И дѣйствительно, туземцы все болѣе и болѣе входили во вкус хмельного загула своего, но при этом никто ни на один миг не забывал о присутствіи дамы. Наооборт, даже, все время помнили о ней, окружая изысканно-рыцарским вниманіем. И потому, что она

была единственной женщиной среди них, и потому, что это было в кабинетѣ ресторана, туземцы удерживались от ухаживанія, стараясь держаться в чисто дружеских рамках. И не будучи искусственным, натянутым, это выходило так славно и просто.

Пили много, очень много, но никто не забывался, не терял чувства мѣры.

Лара не отставала от компаніи и пила шампанское. Оно кружило ей голову, но еще болѣе кружилась голова от новых впечатлѣній. Обѣды в мужском обществѣ, в кабинетах—не впервые были ей, но впервые она видѣла этот загул, горячій, темпераментный, с обычаями, каких нигдѣ, кромѣ как среди кавказцев не сыщешь.

Пѣли хором „Алаверды", пѣли другія застольныя пѣсни. Зар Бек вынул свой кинжал и, взяв кинжалы трех сосѣдей, держа на головѣ стакан до краев налитый вином, жонглировал клинками. И было страшно за него. Малѣйшее неловкое движеніе, промах, и отточенный кинжал поранит самого жонглера. Но Зауер-Бек не только не промахнулся ни разу, но и не пролил ни одной капли вина. Стакан словно приклеен был к его твердому, лоснящемуся черепу. Примѣр Зауер-Бека зажег всѣх остальных и всѣм хотѣлось проявить свою джигитскую удаль и ловкость.

Приц Мюрат с большим румяным яблоком в рукѣ поманив за собой Веригу-Даревскаго, тяжело ступая подагрическими ногами, вышел на середину кабинета.

Верига знавшій в чем дѣло, положил яблоко себѣ на ладонь. Мюрат, отступив, выхватил шашку. С молніеносно быстротою сверкнул тонкій кривой клинок. Этим страшным ударом можно было бы снести голову...

Лара сначала ничего не поняла. Яблоко осталось на ладони адъютанта Черкесскаго полка, но когда Верига свободной рукою отдѣлил верхнюю половину яблока, Лара поняла: эффект рубки был не только в том, чтобы не отхватить пальцев, державших яблко, но и в том, дабы так разрубить его, чтобы половинки

остались на мѣстѣ, давая впечатлѣніе цѣлаго яблока.

И уже послѣ великолѣпнаго трюка Лара осознала всю опасность его и, закрыв лицо руками, попросила:

— Больше не надо, ради Бога, не надо!

Закончилась лезгинка под звуки піанино и под сухое щелканье револьверных выстрѣлов, изрешетивших паркет...

XIII

Тот, кого нѣт, но о ком говорят

Если шорох и говор ночи воспринимаются как-то особенно значительно, да и, в самом дѣлѣ, таят в себѣ какую то значительность, в такой же мѣрѣ шумы, голоса и зовы утра как-то особенно пріятно ласкают слух, наполняя душу чѣм то бодрящим.

Лара именно так воспринимала этот смѣшанный гул проснувшагося города и звон дальних колоколов, и громыханье трамваев и, то сердитое, то умоляющее завыванье автомобильных сирен, и голоса внизу, на панели,—все это и властно вливалось и нѣжно лилось в ея открытое окно, смягченное и облагороженное тѣм свѣжим и ясным, что бывает лишь по утрам и никогда больше.

И с такою же остротой ощущенія поняла она, как чужд ей оставшійся в Петербургѣ капитан и как одинока она душою и тѣлом. Это гибкое тѣло потягивалось в истомѣ под полуспущенным одѣялом... И так же ясно и четко замелькало все вчерашнее. И нелѣпый фельдшер с его хлестаковским враньем не был ничуть противен, а скорѣе забавен. И уж совсѣм забавно было его бѣгство, сопровождаемое медвѣжьей болѣзнью. Отчаянно перетрусил бѣдняга... И Лара как-то весело, юно засмѣялась и звуки собственнаго смѣха подхлестывали ее, и она хохотала неудержимо, находя в этом прямо физическое удовольствіе. А в кабинетѣ было совсѣм хорошо. Да, эти кавказцы умѣют и кутить и веселиться и даже русских научили этому. Это не было тупое, скучное пьянство. Было много выпито, но и много проявлено удали Этот Заур Бек с головою султанскаго янычара? Безподобно жонглировал острыми

какъ бритва кинжалами. А Мюрат?.. И только теперь Лара испугалась по настоящему и за янычара, и за Веригу. Ошибись чуть-чуть Мюрат, мог-бы отхватить Веригѣ нѣсколько пальцев.

А Тугарин? Этот ничего не показал, но прав Юрочка: весь он лихой и дерзкій и, несомнѣнно, привык и умѣет властвовать... Как он прикрикнул на этого несчастнаго фельдшера... Неудивительно, что фельдшер... и опять она засмѣялась.

У изголовья, на мраморной тумбочкѣ, плоскіе квадратные часики на брилліантовой браслеткѣ показывали девять. С минуты на минуту может постучать Юрочка. Правда, он свой, и она менѣе всего видит в нем мужчину, а все таки надо быть в порядкѣ, не для него, а для себя...

А вот и он.

— Браво, Лариса Павловна! Я не ожидал, что вы будете уже в полной боевой готовности. Вѣдь, мы разошлись в третьем часу. Вас не утомил наш вчерашній загул?

— Нисколько! Новое, интересное никогда не утомляет. Юрочка, милый, нажмите кнопку у дверей. Нам принесут кофе.

Юрочка, позвонив, сѣл, держа между колѣнями шашку.

— Вы с утра уже при всѣх ваших доспѣхах?

— Для меня не утро, а дéнь. Я успѣл побывать в комендантском управленіи...

За кофе Юрочка продолжал начатое наканунѣ в кабинетѣ. С громадным удовольствіем говорил он о своей дивизіи, восхищался ею с пылкостью молодого любовника.

— Этим наступленіем наша дивизія золотыми буквами вписала свое имя в исторію русской конницы. Это было красиво и как общее, и как отдѣльные героическіе эпизоды. И не знаешь, кого больше выдѣлять — всадников или офицеров? И тѣ и другіе соперничали в доблести. Помните трагическій конец Сарабуновича? Вслѣд за убившим его снарядом, австрійцы положительно засыпали весь участок шрапнелью. И

под этим адским огнем ингуши бросились вытаскивать Сарабуновича и павших с ним всадников. И вытащили, но цѣною нѣскольких убитых и раненых.

— Безполезный подвиг! Зачѣм еще эти новыя, как вы говорите, жертвы?

— Безполезных подвигов, Лариса Павловна, нѣт на войнѣ, — возразил Юрочка, — подвиг, не имѣющій даже практическаго значенія, всегда имѣет значеніе воспитательное, моральное. Помните, я вам разсказывал, что горцы считают позором оставить своих убитых на позиціях? Но это не только по отношенію к своим по крови и по религіи, нѣт, они и русских офицеров, так же рискуя собой, выносят из боя. А если нельзя вынести, уползают вмѣстѣ, будь это раненый, будь это уже бездыханное тѣло. И каждый из нас, идя в атаку, увѣрен, что, не дай Бог, придется плохо, туземцы так не оставят. Отсюда надежная спайка. Спайка таким прочным цементом, как чувство долга и кровь... Да, вас интересовал Тугарин?

— В такой же мѣрѣ, как и всѣ, — вспыхнув, отвѣтила Лара.

Юрочка, не замѣтив этого, продолжал:

— Офицер на 12 баллов. Вот в ком и храбрость и лихость!

— А что такое храбрость? — спросила Лара.

— Это общепринятое понятіе, но именно как общепринятое, нуждается во поясненіи. Говорят храбр тот, кто не боится, кто не трус, но. . . но, вѣдь, тот, кто менѣе всего боится, кто менѣе всего трус, не хочет же, однако, умереть, погибнуть. Не хочет! Жажда жизни сильна в нем. Так как-же? Вот мы и подошли к весьма любопытному вопросу. Конечно, умирать даже за такіе прекрасные идеалы, как Родина, никому не охота, даже лучшему из лучших, отважнѣйшему из отважных. Но в том то и дѣло, что трус не может побороть в себѣ страха перед смертью, а храбрый,—может. Поручик Баранов — мы однажды бесѣдовали на эту тему — привел слова знаменитаго Скобелева. Его спросили, что такое храбрость? Знаете, как он отвѣтил? „Храбрость—это умѣнье скрывать свою трусость“. Изуми-

тельное опредѣленіе и по своей лаконической краткости, и по своей глубинѣ, особенно в устах Скобелева. Его презрѣніе к опасности не знало границ.

— „Храбрость — это умѣнье скрывать свою трусость“ — задумчиво повторила Лара, тотчас же, уже по другому спросив: — да, так вы начали о Тугаринѣ?..

— Дѣло Тугарина? Как всякій смѣлый налет, оно просто и ясно. Глубокой ночью Тугарин со своею сотнею переплыл Днѣстр, безшумно снял всѣ австрійскія заставы... и на этом слѣдует остановиться: первый случай борьбы с проволочными загражденіями. У нас, у туземцев, нѣт ножниц, да и наши всадники не умѣют и не любят обращаться с ними, считая, что рѣзать проволоку не дѣло джигита. В данном случаѣ роль ножниц с успѣхом сыграли твердыя дагестанскія бурки. Тусемцы безшумно покрыли скученные ряды загражденій бурками, переползли по ним с кинжалами в зубах и цѣпкими хищниками обрушились в окопы на ничего не подозрѣвавших австрійцев. И пошла рѣзня! Одним из первых ворвался Тугарин, показывая примѣр молодецкой рубки. Недобитые австрійцы кинулись бѣжать и заразили паникой вторыя и третьи линіи, весь свой небольшой фронт. А бѣгущих атаковали уже в конном строю наши же туземцы, успѣвшіе переправиться в другом мѣстѣ. Вся сотня Тугарина получила Георгіевскіе кресты, а сам он, как я вам уже говорил, получил золотое оружіе. Больше ему уже нечего получать, имѣет все, что можно было имѣть, и за японскую войну и за эту.

Юрочка умолк, опять не замѣтив ни вспыхнувшаго лица Лары, ни ея легкаго волненія.

Она спросила:

— Он холостой, одинокій, ваш Тугарин?

— Был женат, развелся. Не для таких, как он, семейная жизнь. Это человѣк порыва, человѣк бури, невоздержанный, властный. У него своя логика, своя мораль, свое отношеніе к начальству, свое понятіе дисциплины, — все свое!.. О чем вы задумались Лариса Павловна?

— Я? Ах, да... Нѣт, ни о чем. Так... Но я слушаю вас, Юрочка, продолжайте.

Но Юрочка не спѣшил продолжать: улыбнувшись, поправил свой кинжал. Только теперь он замѣтил, что его собесѣдница, хотя и пытается скрыть свою заинтересованность Тугариным, но заинтересована им несомнѣнно.

Он знал о связи Лары с вылощенным капитаном генеральнаго штаба и от всей души хотѣл, чтобы Лара увлеклась Тугариным. Во первых, капитан был ему антипатичен, а, во вторых, он, Юрочка, относился к Тугарину с близким к обожанію чувством.

— Да! — вспомнил Юрочка, — это было послѣ взятія нами Станиславова. Значительно позже. Мы успѣли также значительно отойти. Штаб нашей бригады стоял в Червоноградѣ, имѣніи княгини Любомирской. Какой дворец! Какія оранжереи! Библіотека! Настоящее магнатовское гнѣздо! Сама княгиня покинула Червоноград, не успѣв даже вывезти свои драгоцѣнности. Мы, как могли, бережно относились... В ея спальнѣ и будуарѣ никто из нас не ночевал. И вот мы свертываемся и уходим. Нас смѣняет штаб пѣхотнаго полка под командою полковника генеральнаго штаба. Не помню уже как и почему, мы с Тугариным уходили послѣдними... Уже поданы были лошади, уже водворялись наши замѣстители. Из комнат княгини доносился к нам какой то шум, кто-то что-то взламывает... Не хозяйничает ли напослѣдок кто-нибудь из наших туземцев? Входим ... и вот, я вам доложу картина: застаем полковника генеральнаго штаба в тот момент, когда он вытаскивает из им же взломаннаго туалетнаго ящика жемчужную нитку. Надо было видѣть Тугарина. Бѣшеный стал. А полковник успѣл уже всунуть нитку в карман своего френча...

— Грабежом занимаетесь, негодяй! Какой вы примѣр подаете своим нижним чинам? — загремѣл Тугарин

Полковник на секунду сконфузился, а потом нагло:

— Ротмистр, как вы смѣли войти без разрѣшенія? Потрудитесь немедленно удалиться.

— А вы потрудитесь немедленно положить назад то, что украли.

— Вон отсюда!

— Ах, вон! — свѣта не взвидѣл Тугарин и огрѣл полковника плетью. Тот за револьвер. Тугарин плетью по рукѣ, да так, что револьвер выпал.

Полковник орет: — Я вас предам полевому суду!

Но это, конечно, была пустая угроза. Полковнику невыгодно было раздувать скандал. Так он и проглотил два удара нагайкой и еще жемчужную нитку вернул. Но не в том главное. Были офицеры, пятнавшіе себя грабежом, были и будут. А в том важное: кто отважится избить командира полка в условіях военнаго времени. Для этого надо быть Тугариным. Поступок безумный...

— Но сколько в этом безуміи благородства! — с восхищеніем вырвалось у Лары.

Потом она спросила:

— А как зовут негодяя?

— Полковник Нейер.

— Как? — и Лара густо и горячо покраснѣла.

— Полковник Нейер.

— Высокій, блондин?

— Да. Вы его знаете?

— Нѣт... Но .. видѣла, встрѣчала.

XIV

Откровенная женщина.

В Царском саду было тихо. Дальше голоса и зовы города подчеркивали тишину. Если бы не эти голоса и зовы, сад мог бы сойти за опушку горнаго лѣса — так все было здѣсь и хаотично, и мощно, и почти первобытно.

Внизу дышал прохладой и сыростью глубокій овраг и подступали вплотную гигантскіе, в нѣсколько обхватов, дубы и липы. Их густая зелень нехотя пропускала яркія трепетныя пятна полуденнаго солнца. Вѣковыя деревья вот-вот рухнут в бездну, и только корни, могучіе, переплетенные, глубоко ушедшіе в рыхлый чернозем, удерживали их. Часть этих корней обнажилась и они клубками змѣй тянутся из под земли.

Лара и Тугарин стояли рядом. В лиственный просвѣт они видѣли внизу, в тысячѣ шагов от себя шумную зыбь Днѣпра, желѣзное кружево нависшаго над рѣкою моста и заднѣпровскія дали, Бог знает гдѣ сливавшіяся с лазурью небес.

Лара смотрѣла перед собою. Тугарин смотрѣл на нее.

— О чем вы думаете. Лариса Павловна?

— О чем? — встрепенулась она, — думаю, как притягивает и такая глубина и такой необъятный простор. Но глубина как то волнует и тревожит. Не спокойно, тянет вниз, мучительно, неудержимо. А простор хочется созерцать долго, долго... Почему? Он дѣйствует благостно, как-то именно благостно. Мнѣ кажется, это у всѣх так...

— Нѣт, не у всѣх. Возьмите какого-нибудь тусклаго чиновника. Этот навѣрное не подойдет к самому краю обрыва, как вы. Что же касается далей, он закроется от них газетой и будет читать хронику убійств, или отдѣл наград и производств по службѣ. Нѣт, эти ощущенія удѣл натур, ищущих, буйных, дерзающих...

— Неужели я буйная, дерзающая, ищущая? — с какой то несвойственной ей конфузливой кротостью и с такой улыбкой вырвалось у нея.

— Я мало знаю вас, вѣрнѣе, совсѣм не знаю, но думаю, что да.

— Чтобы так думать...

— Надо имѣть какія-нибудь основанія? — подхватил Тугарин, — извольте! Я наблюдал вас и на раздачѣ подарков и на обѣдѣ в Черкесском полку. Я видѣл, как мужчин тянуло к вам, но это не было только... как бы вам сказать любопытство одной голой чувственности...

— Вам угодно, кажется, сказать, — подхватила на этот раз Лара, — что у них явилось желаніе заглянуть в бездну?..

— Вот, вот. Вы так же волнуете и притягиваете, как вас самих притягивает и волнует... — он сдѣлал широкій жест по направленію к обрыву, и тотчас же прибавил: — А вы все таки сдѣлайте шаг назад, не то сорветесь и я не успѣю подхватить вас.

Лара машинально послѣдовала его совѣту, и спросила с каким то вызовом:

— А вы?

— Что я?

— Тогда, на обѣдѣ, и вы испытывали такое же желаніе заглянуть в бездну?

— Зачѣм этот вопрос? Кокетство? Вы же сами знаете силу своего обаянія.

— А вдруг бездна окажется высохшим ручейком с плоскими берегами?

— Во первых, не окажется. А во вторых, — допустим даже и так. Надо жить сегодняшним днем и, если он даст мнѣ иллюзію, то какое мнѣ дѣло до завтра с его обманом, с его крушеніем иллюзій?

— Это, вообще, ваша теорія, или примѣнительно к военному времени в том смыслѣ, что надо ловить момент, ловить наслажденія? Сегодня, сію минуту. Завтра будет уже поздно, завтра может ничего не быть.

— Мой взгляд всегда был таков, но, слов нѣт, война укрѣпила его.

Она смотрѣла на Тугарина вдумчивым, оцѣнивающим взглядом. Вот мужчина с головы до ног. Весь, весь с его энергичным, волевым помѣщичьи-кавалерійским загорѣлым лицом, со стройным и сильным тѣлом, в короткой черкескѣ, в папахѣ, надвинутой на уши, как носят горцы. Это сообщало ему что-то воинственно-звѣриное. И вот не глупый и не банальный, он может схватить ее и, сжимая в безпомощный человѣческій комочек, бросившись со своей добычей туда, гдѣ гуще деревья, грубо взять, насильнически, как брали фавны дріад, как брали амазонок центавры.

И ея чуть насмѣшливый взгляд был так выразителен, так говорящ, что он спросил:

— Что вы хотите сказать?

— Я только подумала, но если вас интересует, скажу Вы задали весьма любопытный вопрос. Это вѣчное, оно всегда останется: взаимное непониманіе. Мы, женщины и вы мужчины, говорим на разных языках. Вы,— обыкновенно вы, начинаете с того, чѣм мы кончаем. Вы идете прямо к тѣлу и очень рѣдко через тѣло к душѣ, чаще всего ограничиваясь одним только обладаніем. Мы же идем к тѣлу через душу. Сначала любовь, а уж потом чувственное наслажденіе и восторги, как слѣдствіе любви. Будем откровенны: вы желаете меня, но если-бы я позволила себя взять, — я не говорю отдалась бы, — на другой, на третій день, по дорогѣ в вашу дивизію, вы так же взяли бы в поѣздѣ первую попавшуюся женщину. Имѣйте мужество сознаться? И это вы, Тугарин, далеко не такой, как всѣ. Что же сказать о всѣх?

— Пусть так! — согласился он с тѣм же вызовом, который за минуту был у нея. — Но тогда будем же до конца откровенны. Сказанное вами только что пол-

но красоты и поэзіи. Но вы то, вы сами, всегда были вѣрны этой красотѣ и поэзіи?

— Нѣт, не всегда, должна покаяться не всегда!

— Так почему же отгораживаетесь от меня барьером сложных чувств? Почему не смотрите на меня, как на тѣх, других?

— Потому, что вы сами не пожелали бы очутиться в роли тѣх, других, в сущности, унизительной роли. Тѣм я позволяла, к тѣм я снисходила. Порою из жалости, порою из вѣжливости. Порою это был каприз, вспышка... так тот...

— А я не подхожу ни под одну из этих рубрик? — спросил он с выдавленной усмѣшкой.

— Ни под одну.

— Можно узнать, почему?

И его тон и улыбка не понравились ей. Словно какая то сѣтка мѣшала ему смотрѣть на нее, рябила и туманила взгляд.

Прислонившись к дереву и подняв голову, Лара почти надменно отвѣтила:

— Ну вот не хватало только еще, чтобы вы начали меня презирать. Будь с вами откровенной, с мужчиной, и развѣ они, развѣ можете вы оцѣнить откровенность? Вы предпочитаете, чтобы вам лгали, хотя сами зачастую не вѣрите в эту ложь... Дайте мнѣ кончить. — повелительно пресѣкла она попытку перебить ее. — Я вам сейчас нарисую шаблон. Двое: женщина с таким же прошлым, как мое... а, может быть, с еще болѣе богатым, и мужчина, подобный вам. Она желает его увлечь, он желает быть ея любовником. Если она, как я, вдова, она говорит, что безумно любила мужа и только его одного. Иногда, в видѣ исключенія, допускается еще одно глубокое и сильное чувство. И это тѣшит вас, ваше мужское самолюбіе. Вот, мол, какой я! Я разбудил в этой недоступной женщинѣ то, чего не могли сдѣлать другіе. Милый Анатолій Васильевич, повѣрьте мнѣ, как жестоко смѣются эти женщины в душѣ, или в откровенных бесѣдах с подругами. Я не из их числа. Я не унизилась бы до такой комедіи. Одно из двух: или я нравлюсь во всем своем обнаженіи,

какая есть, или совсѣм ничего не надо. Вот вам мой отвѣт. А теперь — мѣняя позу, выраженіе лица и звук голоса молвила она, — теперь пойдем отсюда. Юрочка с компаніей ждут нас завтракать. Мы, не спѣша, пройдемся по Крещатику и... который час? Половина перваго... к часу будем в Континенталѣ.

XV

Смѣлый и робкій

Оба всю дорогу молчали и тяготились этим молчаніем, испытывая какую то странную неловкость. На людях, в кабинетѣ, гдѣ их поджидали друзья, им стало свободнѣе, легче. Захотѣлось говорить, говорить о пустяках, только бы не молчать.

Утром подъѣхали из дивизіи еще трое: адъютант Ингушскаго полка поручик Баранов и поручик Свѣтланов, извѣстный писатель и балетоман, добровольно промѣнявшій редакторскій свой кабинет в журналѣ „Нива" на боевую жизнь офицера Дикой дивизіи.

Свѣтланов, сѣдой с крупными чертами, говорил тихо и мягко, был очень сдержанным, очень воспитанным человѣком. Его стиль не подходил к общему фону пестраго туземнаго состава офицеров, но даже тѣ, кто вначалѣ сторонился его, в концѣ концов полюбили. Щадя возраст и сѣдины добровольца с извѣстным литературным именем, его оберегали, но он рвался вперед, будь это атака, будь это рискованная в глубоком непріятельском тылу развѣдка.

Баранов, единственный из русских в Ингушском полку. не считая Тугарина, безупречно умѣл носить кавказскую форму. Его тонкая талія была создана для черкески и в ней, будучи средняго роста, он казался много выше. Его обширный лоб переходил в лысину, а острыя черты лица запоминались. За столом лишь Барабанов и Свѣтланов ничего не пили, кромѣ воды; остальные для начала приналегли на водку. Да и нельзя было не приналечь, такая аппетитная была подана закуска...

Отрывочная бесѣда вращалась вокруг боевых и

мирных интересов дивизіи. Рѣзким, чеканящим голосом, таким же, как и у Тугарина, только болѣе высоким, без его баритонной густоты, Баранов описывал, как он среди ночи спѣшно послан был отыскать командира Ахтырских гусар, полковника Баландина: — Я только знал лишь одно, что его надо искать на такой то высотѣ. Но чорт разберет их, эти дурацкія высоты, особенно же ночью. Я старый солдат, третью войну дѣлаю, но никогда не умѣл, да и не умѣю оріентироваться. Взял с собой четырех ингушей. У них какой то звѣриный инстинкт... в смыслѣ распознаванія мѣстности, даже совсѣм незнакомой. Не было случая, чтобы горец заблудился. Я всецѣло предоставил себя их чутью. И к разсвѣту мы оказались в расположеніи Ахтырцев. Спрашиваю гусар: гдѣ ваш полковой командир? „А вот там", — показывают на верхушку горы. Я слышал, всѣ мы слышали, что Баландин — офицер выдающейся храбрости, что у него убито семь адъютантов но все же не мог представить себѣ его под таким обстрѣлом, на такой незащищенной точкѣ, не мог. Шрапнели поминутно рвались над самой горой, да и ружейным огнем весьма усердно обстрѣливали ее. Спѣшил я своих ингушей, спѣшился сам и ползем наверх. Чѣм выше, тѣм чаще свистят пули. Каково же ему там, наверху? Окликаю: „Командир Ахтырскаго полка здѣсь?"

Откуда то голос:

— Кто? зачѣм?

Я в отвѣт:

— Адъютант Ингушскаго коннаго полка и т. д.

Тот же голос:

— Подымайтесь ко мнѣ!

Оставив ингушей, ползу один и вижу: сидит Баландин, вымытый, выбритый, выхоленный и дѣлает себѣ маникюр, шлифует ногти замшевой подушечкой...

— Вот это я понимаю! Тоняга! Под пулями дѣлает себѣ! — с восхищеніем вырвалось у молодого корнета.

Даже Лара смотрѣла выжидающе узкими миндалинами восточных глаз своих.

Баранов, сдѣлав паузу, продолжал:

— Да, но всѣ эти маникюры, ухаживаніе за собой, словом, такой сибаритскій комфорт может позволять себѣ на войнѣ только Георгіевскій кавалер, только офицер общепризнанной отваги. У всякаго другого это является и смѣшным, и ненужным, и претенціозным, но, прибавляю, даже и Георгіевскій кавалер имѣет право позволять себѣ это в полосу успѣхов и продвиженія вперед, а не когда нас бьют и мы откатываемся назад...

По наслышкѣ всѣ знали Баландина, кавалерійскій офицер не мог не знать его. Баландин был кумиром не только своего полка, но и всей кавалерійской дивизіи, куда входили Ахтырцы.

В Ларѣ сказалась женщина, ея вопрос был:

— А внѣшность его такая же героическая?

— Внѣшность? — переспросил Баранов, — внѣшность — ничего героическаго. Невысокій, плотный с обыкновенным широким лицом.

Кто-то сказал:

— Конечно, офицер исключительной доблести, но вправѣ ли он так рисковать собой?

Переглянулись Лара и Юрочка, сидѣвшіе наискосок. На эту тему они уже говорили. Спор сдѣлался общим. Одни были на сторонѣ Баландина; высота, гдѣ Баранов нашел Баландина, являла собой рѣдкій наблюдательный пункт, вся непріятельская позиція, как на ладони. Слѣдовательно, уже не безполезная храбрость. А затѣм, такой командир может творить чудеса. Люди пойдут за ним в огонь и в воду.

— Это не наш Сѣкира-Сѣкирскій, — вставил Заур-Бек.

Всѣ расхохотались, неудержимо, весело. Только одна Лара недоумѣвала.

Ротмистр Сѣкира-Сѣкирскій считался самым отчаянным трусом во всей дивизіи. А, между тѣм, этот громаднаго роста усач вид имѣл на рѣдкость молодцеватый. Едва Заур Бек назвал его имя, всѣ живо представили себѣ его колоссальную фигуру в черкескѣ и, о ужас, в желтых гетрах и в желтых шнурованных бо-

тинках. До такой профанаціи горской формы никто еще не доходил никогда.

Начали вспоминать. Сотня Сѣкирскаго идет в наступленіе, а сам же он, на своем монументальном гунтерѣ, мчится назад, гдѣ нѣт свиста пуль и разрыва шрапнелей. Баранов вспомнил также один эпозод в Карпатах, но вспомнил также, что за столом сидит дама и осѣкся. Но и намека было довольно: кой-кто засмѣялся, кой у кого лукаво заблестѣли глаза.

А дѣло было так: зимою в Карпатах горцы сидѣли в окопах, к великому неудовольствію своему изображая пѣхоту. Офицеры согрѣвались в землянках. А Сѣкира-Сѣкирскій не только согрѣвался, но и исполнял потребности, боясь выйти на воздух. Однажды спустился в землянку полковник Мерчуле, командир ингушей. Уж на что человѣк деликатный, и он возмутился:

— Сѣкира, нельзя таксь распускать себя, превращать землянку чорт знает во что.

Молодцеватый ротмистр плачущим голосом взмолился:

— Господин полковник, я не могу, мы погибнем. Мы всѣ тут погибнем!

Но Сѣкира не погиб, он умѣл беречь великолѣпную персону свою. Он часто ѣздил в отпуск в Петербург и в Кіев, и там, в тылу, проявлял большую храбрость, подтягивая молодых офицеров, солдат, ресторанных лакеев и штатскую публику. Страшный вид громаднаго усача с кинжалом производил потрясающее впечатлѣніе и ему все сходило.

XVI

Жуткіе призраки.

Туземцы лишены были общества своей дамы: Лара приглашена была к своей петербургской знакомой, находившейся в окруженіи императрицы Маріи Федоровны. Молодежь кутила гдѣ-то за Днѣпром, а Свѣтлов обѣдал в обществѣ крупнаго чиновника, такого же, как и он балетомана. Пообѣдав в Континенталѣ, часть туземцев поднялась в номер Тугарина, чтобы рѣшить дальнѣйшій образ дѣйствій — оставаться ли дома, или поѣхать за Днѣпр и этим доставить удовольствіе себѣ и молодежи? Меньшинство вмѣстѣ с Барановым призывало к благоразумію: поболтать часок другой и лечь спать. Большинство же возмутилось:

— Ложиться спать в такое дѣтское время? Закатимся за Днѣпр. Там, говорят, удивительный хор, женщины одна другой краше!

На этот раз, к всеобщему удивленію, Тугарин не пристал к большинству:

— Нѣт, в самом дѣлѣ, чего мы будем носиться, как угорѣлые. И здѣсь хорошо. Никуда не тянет...

Заур-Бек погрозил ему:

— Знаем, отчего тебя никуда не тянет!

— Ничего ты не знаешь... А просто надоѣл мнѣ этот загул. Скучно тебѣ без вина? Я потребую вина и будем сидѣть.

Подъѣхал Свѣтлов, так и насыщенный весь новостями. С обѣда с человѣком из высших сфер он унес много впечатлѣній. — В Ставкѣ был принят бѣжавшій из авсрійскаго плѣна генерал Корнилов. Побѣг был совершенно исключительный, прямо сказочный. Корнилов двѣ недѣли ничего не ѣл, чтобы вызвать

упадок сил. Его перевели в госпиталь, откуда он и бѣжал. Корнилов скитался болѣе двадцати суток днем, как звѣрь забившись в лѣсную чащу, в зарослях, а ночью шел к румынской границѣ, питаясь сырым картофелем, да и то не всегда. Только переплыв через Дунай и заявив румынской пограничной стражѣ, кто он, бѣглец почувствовал себя в безопасности.

В Ставкѣ он сдѣлал подробный доклад обо всем, что наблюдал, видѣл и слышал в плѣну.

Германцы, не надѣясь разбить нас силой оружія, тратят большія деньги на революціонную пропаганду в нашей арміи и в нашем тылу. Вѣрные пособники их наши же русскіе соціалисты, как живущіе в Швейцаріи, так и свои собственные. Германо-Австрійскій штаб обрабатывает военно-плѣнных из южных губерній, доказывая, что они украинцы, и Россія не только чужда им, но и глубоко враждебна. Украинцев хорошо одѣвают и кормят, надѣясь, когда пробьет час, использовать их против Россіи.

— Когда пробьет час? Как это понимть?—спросил недавно контуженный, а потому с особенным вниманіем вслушивавшійся Верига Даровскій.

— Как это понимать? — переспросил Свѣтлов. — Конечно, эти украинскія части формируются не для войны, протекающей в нормальных условіях. Было бы чудовищным, да и прямо невозможным вооружить военно-плѣнных и бросить их на их же собственную армію.

— Значит, мы тоже поступаем чудовищно, — возразил Баранов, — формируя из военноплѣнных чехов чешскія дружины, а из военноплѣнных сербов — сербскую дивизію? При этом тѣ и другіе уже на фронтѣ и дерутся против своих же...

— Это совсѣм другое, — возразил в свою очередь Свѣтлов, — и чехи и сербы шли в русскій плѣн во имя великославянской идеи, шли именно затѣм, чтобы штыками своими содѣйствовать освобожденію австрійских славян... А теперь, — меня еще ждет Верига. — Предусмотрительные нѣмцы почти не сомнѣваются, что революція, в концѣ концов, у нас будет, и вот тогда то

они, осуществляя давнишнюю программу свою отторженія Украины, для закрѣпленія этой Украины за собою, наводнят ее нѣсколькими корпусами из наших украинизированных по берлинскому и вѣнскому образцу военноплѣнных.

— Это мы еще посмотрим; — с вызовом бросил Тугарин, — слишком рано задумали нѣмцы дѣлить шкуру сѣвернаго медвѣдя. Крѣпко еще стоит он на своих четырех лапах и доказал, что здорово умѣет огрызаться. И если уж до сих пор не справились с этим медвѣдем и он продолжает наносить чувствительные удары, не имѣя ни патронов, ни снарядов, то через нѣсколько мѣсяцев, когда мы будем снабжены через край, мы их раздавим... Я уже не говорю об австрійцах, но и Германія, недоѣдающая, мобилизовавшая стариков и мальчишек, посылающая на фронт горбатых и хромых, трещит по всѣм швам...

— Так ли это? — тихо, не горячась, он никогда не горячился, усумнился Свѣтлов. — Именно в том, что они посылают хромых и горбатых, в этом я вижу грозную вещь для нас. Жертвуя, как пушечным мясом, ненужно калѣча свои кадры, цвѣт своей арміи, они берегут, дѣлая то, чего не дѣлали мы, к сожалѣнію. Мы и преступно и глупо в первый мѣсяц войны бросили в огонь и нашу гвардію, и наше профессіональное офицерство, все то, что надо было беречь до послѣдняго рѣшительнаго удара, так и для того, чтобы задушить навязываемую нам революцію.

— Неужели сами то вы серьезно вѣрите в возможность революціи? — задало вопрос нѣсколько голосов вмѣстѣ.

— Я не вѣрю в нее, но я ее не исключаю, не исключаю потому, что не вѣрю в прапорщиков, замѣнивших выбывших настоящих офицеров. Эти штатскіе господа в офицерской формѣ в большинствѣ своем не хотят воевать и, кромѣ того, они еще и с политической лѣвизной. Я не вѣрю в эти милліонныя арміи из скорообученных солдат, а то и совсѣм не обученных. Они так же охотно дезертируют с фронта, как и сдаются в плѣн. Цифры самыя убійственныя. Русских

военноплѣнных в Германіи около двух с половиною милліонов, а в бѣгах около милліона. Да, да, в бѣгах. Их невозможно переловить. Извольте-ка переловить милліон шкурников, желающих скрываться и ни под каким видом не желающих воевать? В Петербургѣ согнано около двухсот тысяч запасных. Тоже горючій матеріал для революціонной демагогіи. Все это городская накипь в солдатских шинелях. Да и развѣ мѣсто подобным скопищам в столицѣ? Охранять спокойствіе и порядок в столицѣ и охранять царствующую династію должна гвардія. А гвардія вся на фронтѣ, да и то в разгромленныя, опустошенныя части влилось скороспѣлое воинство, весьма склонное сдаваться в плѣн и дезертировать. Сохрани и помилуй нас Бог от революціи, вообще, и особенно во время войны. Но, повторяю, она возможна и самоутѣшеніем было бы закрывать глаза...

Сѣдой романист-балетоман умолк и всѣ молчали кругом. Даже самых смѣлых охватила какая то растерянность. Читалось на лицах одно и то же: если кругом такое трагическое сплетеніе из преступности, недомыслія, безталанности, и предательства, ибо дѣлающіе революцію — предатели, то во имя чего красивые порывы, подвиги и отдѣльныя, яркія героическія страницы? Во имя чего, когда что то слѣпое, темное сводит на-нѣт и порывы и подвиги и рвет и топчет яркія страницы? У самых сильных, у самых стойких должны опуститься руки...

И, выражая вслух овладѣвшее всѣми настроеніе, Тугарин, как-бы очнувшись, молвил:

— Слов нѣт, много правды в том, что сказано сейчас Валеріаном Яковлевичем. Но Валеріан Яковлевич романист, человѣк воображенія, а потому повышенной чувствительности. Он весь под вліяніем услышаннаго час назад. Его пугает количество военноплѣнных и дезертиров. Конечно, это вліяніе прискорбное, но неизбѣжное при многомилліонных арміях. В наше время нѣт профессіональных бойцов, нѣт ландскнехтов. Тѣ не сдавались и не убѣгали. Примѣр — наша туземная дивизія. У нас есть живые в строю,

есть убитые на полѣ брани, наши горцы одинаково презирают как плѣн, так и самовольное оставленіе фронта. Почему? Потому, что их воинствующая религія, устами и примѣром отцов и дѣдов, воспитывает их с дѣтства лихими джигитами, и воспитывает в традиціях доблести...

— Вы кончили? — спросил Свѣтлов и, получив утвердительный отвѣт, продолжал: — Тугарин лишній раз доказал, что мы находимся в исключительных условіях. В своих туземцев мы вѣрим, как они вѣрят нам... В этом наше преимущество и в этом наш плюс...

— А в чем же наш минус? — не выдержал кто-то нетерпѣливый.

— Минус же в том, что мы замкнуты в нашей дивизіи, как в благодатном оазисѣ и почти не видим и не знаем, что дѣлается за его предѣлами. Мы не сталкиваемся с арміей и не знаем ея армейских настроеній. Наше собственное боевое и политическое благополучіе невольно заставляет думать, что и внѣ нашей дивизіи, внѣ нашего маленькаго государства, в необъятном государствѣ все обстоит благополучно. И если-бы не моя сегодняшняя встрѣча с человѣком по положенію своему знающим очень многое, и я сам был бы спокойнѣе, да и не смутил бы ваш покой. Но, по моему лучше знать горькую правду, чѣм тѣшить себя сладостными иллюзіями. Перед двойной опасностью, я убѣжден, дух наш не только не угаснет, а воспрянет с новой силой, и мы будем бороться, бороться на два фронта.

— Бороться на видимом фронтѣ с видимым противником, это мы умѣем, это мы блестяще доказали, — покручивая свой янычарскій ус, подхватил Заур-Бэк, — а вот как бороться с безплотными силами, с навожденіем, с призраками... здѣсь одной джигитской храбрости и наших кавказских кинжалов и шашек недостаточно...

И опять воцарилось тягостное молчаніе...

XVII

Без пяти минут поединок

У Лары вошло в привычку и привычку желанную видѣть Тугарина. Видѣть не только ежедневно, но и по нѣсколько раз в день. Но оставаться с ним с глазу на глаз она подчеркнуто избѣгала. А это было совсѣм не трудно. Лара и Тугарин почти все время неотдѣлимы от группы „туземных“ офицеров.

Эта группа то уменьшалась, то увеличивалась. Одни возвращались в свои полки, другіе ѣхали дальше, в Петербург и в Москву, желая как можно полнѣе использовать отпуск свой. Но вмѣсто них прибывали новые офицеры в папахах и черкесках.

Улучив однажды минуту, когда они остались вдвоем, Тугарин жадно, нетерпѣливо, боясь, что вот-вот помѣшают, спросил:

— Лариса Павловна, почему вы меня избѣгаете?

— Я вас избѣгаю? Наоборот, мы проводим вмѣстѣ все время.

— Нѣт, я не об этом, — с досадой вырвалось у него, — почему вы не хотите быть со мной, только со мной?

— Потому что... вспомните нашу бесѣду в Царском саду. Мы говорим на разных языках, но от вас зависит, чтобы наш язык сдѣлался общим. Мнѣ пріятно видѣть вас, чужіе нисколько не мѣшают мнѣ.

— А мнѣ мѣшают: — подхватил он.

— Вот, вот! Вам мѣшают: Останься вы наединѣ со мной, вы тотчас же бросились бы меня цѣловать...

— А вы не хотите моих поцѣлуев?

Она смотрѣла на него неуловимым взглядом, гдѣ было и что-то притягающее, и что-то нѣжное и что-то

насмѣшливое. Вслѣд за глазами должны были заговорить губы. И онѣ уже шевельнулись, но — встрѣча была в холлѣ гостиницы — к ним подходил великолѣпный усач Сѣкира Сѣкирскій. Сняв папаху, он галантно склонился к рукѣ Лары.

Тугарин мысленно отправил его ко всѣм чертям. А Сѣкира счел своим долгом занимать интересную петербургскую даму.

— Всадники моей сотни с восторгом вспоминают ваши подарки. То были дни затишья, то был пикник... А едва только вы уѣхали, начался ад. Восемь дней и ночей в непрерывных боях. У меня было одиннадцать конных атак.

Тугарин кусал губы. Он даже пропустил без вниманія бахвальство Сѣкиры, никогда за всю войну не принимавшаго участія ни в одной атакѣ.

А Лару забавляло это вранье. Она провоцировала колоссальнаго ротмистра, и он потерял всякое чувство мѣры.

В этот же день они обѣдали втроем — Лара, Тугарин и Сѣкира-Сѣкирскій. Сѣкира говорил без умолку, а Тугарин был молчалив и мрачен. Будь на мѣстѣ Сѣкиры кто-нибудь другой, Тугарин давно-бы, придравшись к чему-нибудь, наговорил бы ему дерзостей. Но, зная, что Сѣкира безпомощен, труслив, а если на него прикрикнуть, то и жалок, Тугарин не хотѣл и не мог бить лежачаго. А между тѣм, так хотѣлось на ком нибудь, или на чем-нибудя сорвать строптивое сердце свое.

Взгляд его упал на вошедшаго в ресторан на полковника генеральнаго штаба. Лысый, блѣдный, выхоленный, с моноклем в глазу, одѣтый с иголочки: новенькій френч, новенькія темно-синіе бриджи и мягкіе шевровые сапоги.

Подполковник, прищурившись осмотрѣлся с полубрезгливой, с полупрезрительной гримасой. Когда он увидѣл в глубинѣ великаго князя Александра Михайловича, гримаса сбѣжала, смѣнившись почтительным выраженіем. Подполковник, вынув из глаза монокль, подошел к великому князю испросил разрѣшенія сѣсть

и, уже вновь надѣв „брезгливо-презрительную маску“, занялся поисками мѣста и вот тут то он увидал и узнал Лару. Эта встрѣча повергла его в непріятное удивленіе. Так вот гдѣ она очутилась, эта исчезнувшая из Петербурга бѣглянка и, вдобавок, в обществѣ офицеров Дикой дивизіи; это уж совсѣм дурной тон...

И подполковник секунду колебался — подойти, или не подойти? И рѣшил подойти. Разумѣется, никаких упреков. Это было бы мѣщанством. Упреки потом, а сейчас он будет свѣтским человѣком и только.

И, с наигранной улыбкой, 'он приблизился к ней.

— Лариса Павловна, вы ли это? Вы-ли?? Вот нежданная, негаданная встрѣча! Я знал, что вы уѣхали в неизвѣстном направленіи, хотя нѣт: кто-то мнѣ говорил, что вы куда то повезли какіе то подарки...

Сѣкира увидѣв перед собой подполковника, да еще генеральнаго штаба, выжидательно встал. Тугарин же остался сидѣть, как сидѣл.

— Вы разрѣшите пообѣдать в вашем милом обществѣ, — спросил подполковник Лару, как бы не замѣчая тѣх, кто были с нею.

— Пожалуйста. Господа, позвольте вас познакомить. — Капитан Шепетовскій.

— Подполковник, Лариса Павловна, подполковник, — вѣско поправил Шепетовскій, вы меня можете поздравить с монаршей милостью, я на днях произведен. Видите на погонах два просвѣта, два, а был один.

Шепетовскій, не глядя, протянул руку обоим офицерам и сѣл.

Хотя Лара была спокойна, хотя Шепетовскій держал себя с преувеличенной корректностью, но Тугарин чутьем самца угадал, что это именно и есть послѣдній роман Лары.

Шепетовскій. тщательно обдумав, заказал обѣд, откинулся на спинку стула, поблескивая моноклем.

— А вы, я вижу, Лариса Павловна, не скучаете. О, женщины! Вы свободны, как вѣтер, вы можете порхать без конца, тогда как мы, мужчины, полны дѣл

и хлопот. Я, например, вы думаете, я очутился в Кіевѣ собственнаго удовольствія ради?

— Я этого совсѣм не думаю.

— И вы совершенно правы. Я получил серьезную, отвѣтственную командировку на юго-западный фронт...

Будь Лара одна, Шепетовскій этим бы ограничился, но дальнѣйшее было уже сказано не для нея, а для этих „туземцев“, — пусть проникнутся уваженіем.

И громко, отчетливо, он продолжал:

— Я ѣду на юго-западный фронт для организаціи кавалерійских набѣгов в непріятельском тылу.

Эффект получился, но совершенно обратный тому, коего ожидал сам Шепетовскій. Тугарин спросил его:

— Позвольте узнать, господин полковник, сами то вы кавалерист?

Шепетовскій впервые удостоил взглядом Тугарина. Рѣшительное лицо и, кромѣ этого, еще какой то вызов... — Не нарваться бы с этой армейщиной, да еще надѣвшей кавказскую форму.

И, растягивая слова, и уже не глядя на Тугарина, Шепетовскій отвѣтил:

— Я начал службу в гвардейской пѣхотѣ, но академія генеральнаго штаба мановеніем волшебной палочки превращает пѣхотинца в...

— В табуретных Мюратов и Зейдлицев? — перебил, подхватывая Тугарин. — Имѣя кабинетное понятіе о конницѣ, они думают нас, боевых кавалеристов поучать набѣгам в тылу?

— Ротмистр, вы... вы... забываетесь, — прошипѣл подполковник.

— Ничуть. Я критикую не вас лично, а всю систему, весь ваш геніальный штаб, который все умѣет и все знает.

Шепетовскій обратился с каким-то вопросом к Ларѣ. Ему подали раковый суп, но аппетит был уже испорчен. Поблѣднѣвшій Сѣкира сидѣл ни жив ни мертв. Он даже отодвинулся от Тугарина, а в глазах Тугарина вспыхивали задорные, веселые огоньки. Он подозвал к себѣ лакея.

— Скажи там, чтобы кликнули сверху моего денщика.

Через минуту перед Тугариным вырос красивый всадник грузин с Георгіевским крестом, коего удостоили за участіе в бою со своим ротмистром, что в деньщицкія его обязанности совсѣм не входило. Но, во-первых, он любил своего барина, а во вторых, в жилах его текла горячая грузинская кровь.

— Майсурадзе!

— Что прикажете, ваше высокоблагородіе?—лихо вытянулся денщик.

— Кто был первый офицер генеральнаго штаба?

— Моисей, ваше высокоблагородіе.

— Почему?

— Потому, что сорок лѣт безцѣльно и безполезно водил евреев по пустынѣ. — Без запинки отрапортовал Майсурадзе.

— Спасибо, молодец. Можешь итти.

— Рад стараться, ваше высокоблагородіе.

Дрожа от злости и сдѣлавшись из блѣднаго зеленым, Шепетовскій отодвинул тарелку, с начатым раковым супом. И, глядя на Лару, как если-бы она была виновницею всего, заговорил:

— Это... это... недопустимое безобразіе... Я... лично я выше всяких оскорбленій, но когда оскорбляют мундир, мундир, который я имѣю честь носить и... мало этого, когда дѣлают нижних чинов участниками этого... этой возмутительной травли, я этого так не оставлю... Неуравновѣшенный ротмистр понесет должное...

— Уравновѣшенный полковник, — перебил Тугарин, — я готов дать вам удовлетвореніе... и не только вам, а и всѣм тѣм офицерам генеральнаго штаба, которые пожелали бы защищать бѣлоснѣжную чистоту своих серебряных аксельбантов...

Сѣкира-Сѣкирскій не выдержал: этот сумасшедшій Тугарин натворит Бог знает чего, подальше от грѣха. И громадный усач, откашлявшись, чтобы прогнать неловкость, буркнув что-то про себя, боком, не-

рѣшительно встал и так же боком, нерѣшительно удалился. Уже миновав опасную зону, Сѣкира Сѣкирскій выкатил грудь колесом и стал, как всегда в мирной, не боевой обстановкѣ, молодцеватый, бравый, одним видом внушающій кому страх, кому удивленіе, кому восхищеніе. Исчезновеніе его не было замѣчено ни Ларой, ни Шепетовским, ни Тугариным.

Шепетовскій, опять таки глядя на Лару, отвѣтил своему противнику:

— Обер-офицер не имѣет права вызывать на дуэль штаб-офицера.

— Ах, вот как! Вам угодно прикрыться своими дѣвственными подполковничьими погонами. А если-бы ваше производство на нѣсколько дней запоздало и вы были бы еще капитаном? Вы приняли бы мой вызов? И, наконец, если при всѣх, сейчас я вас оскорблю дѣйствіем? — сам себя взвинчивал Тугарин, и насмѣшливые огоньки его глаз уже смѣнились гнѣвными искрами.

Шепетовскій молчал. Это самое лучшее. Одно, самое невинное слово может погубить все; под этим „все“ Шепетовскій разумѣл свою карьеру. Пощечина, да еще в ресторанѣ, на глазах великаго князя, — это конец всему С пощечиной уже не доѣдешь до юго-западнаго фронта для организаціи кавалерійских набѣгов в непріятельском тылу.

Единственный выход, вызов с честью предупредить оскорбленіе дѣйствіем и за оскорбленіе словами застрѣлить безумнаго ротмистра. Но опять таки неизбѣжен скандал, а, самое главное, он, Шепетовскій ни за что не отважился бы прибѣгнуть к оружію, хотя был при отточенной шашкѣ, а в заднем карманѣ бриджей у него лежал браунинг.

Встать и уйти? Замѣтят. И так уже замѣчают. Их стол дѣлается центром вниманія, по крайней мѣрѣ, для ближайших сосѣдей.

К великой радости Шепетовскаго, положеніе спас никто иной, как сам Тугарин.

Он спросил Лару:

— Лариса Павловна, вам желательно общество этого господина?

— Ради Бога, уведите меня отсюда!

— Вот именно это я и хотѣл вам предложить. Вашу руку.

И он увел ее, а Шепетовскій, расплатившись, довольный, что все кончилось благополучно, поѣхал обѣдать в отдѣльный кабинет Европейской гостиницы.

Насытившись в единственном числѣ, застрахованный от всяких сюрпризов, Шепетовскій, прихлебывая кофе и дымя папиросой, начал обдумывать суровый и безпощадный рапорт начальству. Этим он разом убьет двух зайцев, даже трех: возстановит свою собственную честь, честь оскорбленнаго мундира офицера генеральнаго штаба и раздѣлается с любовником Лары.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Два разных міра, двѣ разныя совѣсти

Событія замелькали с такой стремительностью — воображеніе едва поспѣвало за ними, а мозг никак не мог ни объять, ни вмѣстить. Это было не жизнь, а кинематограф. Но какой страшный кинематограф. Какая трагическая смѣна впечатлѣній.

Бунт в столицѣ. Бунт запасных баталіонов, давно распропагандированных, не желающих воевать, а желающих — это выгоднѣе и легче — бездѣльничать и грабить.

Петербург, такой строгій и стильный, очутился во власти взбѣсившейся черни.

Слабая, бездарная власть потеряла голову. Не будь она бездарной и слабой, она легко подавила бы мятеж, подавила бы только с помощью полиціи и юнкеров. Новая революціонная власть — в руках пигмеев. Эти пигмеи, в один день ставшіе знаменитыми, убѣждены, что это они вертят колесо исторіи. А на самом дѣлѣ это колесо бѣшено мчит уцѣпившихся за него жалких, дрожащих пигмеев.

Мчит. Куда? К геростратовой славѣ, или в бездну. Пожалуй, и туда и туда.

Рухнула тысячелѣтняя Россія, сначала княжеская, потом царская, потом императорская.

Два депутара Государственной Думы, небритые, в пиджаках и в заношенном бѣльѣ уговорили Царя отречься. И он покорно сдал не только верховную власть, но и верховное командованіе.

Подписав наспѣх составленное на пишущей ма-

шинкѣ отреченіе, самодержец величайшаго в мірѣ государства превратился в частное лицо, а через два-три дня — в плѣнника.

Низложенный император, теперь уже только семьянин, спѣшит в Царское Село к больным дѣтям, но какой-то инженер Бубликов, человѣк со смѣшной, плебейской фамиліей, отдает приказ не пускать поѣзд к революціонной столицѣ, и поѣзд, как затравленный судорожно мечется между Могилевым и станціей Дно, ни кому невѣдомой, вдруг попавшей в исторію, как попали в нее маленькій Бубликов и маленькій адвокат Керенскій.

При этом первом демократическом министрѣ юстиціи медленно догорѣло великолѣпное старинное зданіе окружного суда и были выпущены из тюрем всѣ уголовные преступники.

Революція началась, как и всѣ революціи — под знаком отрицанія права и под знаком насилія.

Тысячи недоучившихся студентов, фармацевтов, безработных адвокатов, людей ничему никогда не учившихся, надѣв солдатскія шинели, нацѣпив красные банты, хлынули на фронт убѣждать солдат, что генералы и офицеры — враги их, что генералам и офицерам не надо повиноваться и отдавать честь, ибо это унижает человѣческое достоинство. Этих гастролеров обезумѣвшіе солдаты носили на руках и вѣрили им гараздо больше, нежели тѣм, кто около трех лѣт водили их в бой и вмѣстѣ с ними сидѣл в окопах под непріятельским огнем.

Темныя разнородныя силы, сдѣлавшія революцію, выбрали удобный момент. Еще два-три мѣсяца и, оставайся русская армія стойкой, дисциплинированной, Россія побѣдила бы, побѣдила бы даже без наступленія. Держаться было легко, имѣя под конец такую же мощную артиллерію, какая была у противника. Цѣлыя горы снарядов громоздились под открытым небом на всем пространствѣ необъятнаго фронта. Этих запасов смертоноснаго металла с избытком хватило бы, чтобы под

осколками его полегла ея истощенная, измученная германская армія.

Но теперь, когда русскія дивизіи и корпуса превратились в митингующія дикія орды, если и опасныя кому нибудь, то только своим же собственным офицерам, — теперь нѣмцы могли вздохнуть свободно. Теперь для них Восточный фронт был вычеркнут, остался один только лишь Западный.

Успѣхи фаланг Макензена с их артиллерійским пеклом поблѣднѣли перед этой неслыханной безкровной побѣдой.

Революціонная власть демагогически, с маніакальным упорством вдалбливавла в головы людей в сѣрых шинелях:

— Солдату — всѣ права и никаких обязанностей!

И армія — не могло быть иначе — разлагалась. Особенно удачно протекало разложеніе в пѣхотѣ. Кавалерія, болѣе дисциплинированная и в силу меньших, нежели у пѣхоты потерь, имѣвшая в рядах своих кадровых солдат и офицеров, не так поддавалась преступной пораженческой агитаціи.

Но все же частями, в коих совсѣм не чувствовалась буйная и безумная, смѣнившая имперію анархія, были мусульманскія части: Дикая дивизія, Текинскій полк и крымскій конный Татарскій.

Дикую дивизію революція застала в Румыніи.

Тщетно пытались полковые и сотенные командиры втолковать своим туземцам, что такое случилось и как повернулся ход событій. Туземцы многаго не понимали, и, прежде всего не понимали, как это можно быть „без царя". Слова „временное правительство" ничего не говорили этим лихим наѣздникам с Кавказа и рѣшительно никаких образов не будили в их восточном воображеніи. Они постановили так:

Царю не слѣдовало открекаться, но если он отрекся — это его державная воля. Они же, туземцы, будут считать, как если бы ничего не измѣнилось. Революція их не касается и если русскіе армейскіе солдаты безобразничают и оскорбляют своих офицеров, то

для них, туземцев, свое начальство и есть и останется на такой же высотѣ, как это было до сих пор. У армейских солдат — своя совѣсть, у горцев Кавказа — своя. И в силу этой самой совѣсти, повинуясь офицерам и своим муллам, они без царя будут воевать с такой же доблестью, как воевали при царѣ.

И еще не могли они понять, как это военный министр может быть из штатских людей. Как это можно отдавать воинскія почести человѣку в пиджакѣ и в шляпѣ. В началѣ хлынувшіе на фронт агитаторы из адвокатов и фармацевтов, загримированных солдатами, пробовали начать разрушительное дѣло свое среди туземцев, но каждая такая проба неизмѣнно завершалась весьма плачевно, для этих растлителей душ.

В лучшем случаѣ, туземцы избивали их нагайками, в худшем, выхватывали кинжалы и тогда уже офицеры, вмѣшательством своим, спасали жизнь агентам Керенскаго.

Агенты, у коих при неуспѣхѣ наглость смѣнялась трусостью, униженно благодарили офицеров, получая от них весьма назидательную отповѣдь:

— Пусть ваши революціонныя головы хоть слегка призадумаются над этим: вы зачѣм шли к нам в дивизію? Чтобы расшатать авторитет наш среди всадников, как это вы сдѣлали в арміи? Но именно потому, что авторитет наш остался в полной мѣрѣ и не вам поколебать его, потому то вы и цѣлы и не превращены в котлеты кинжалами горцев. Да будет это вам уроком: Не суйтесь больше к нам! Лозунги ваши здѣсь не ко двору, не могут имѣть успѣха. Чѣм вы берете в арміи? Тѣм, что говорите: „Вы теперь свободные граждане, бросайте фронт и с винтовками ступайте в тыл дѣлить помѣщичью землю". И армейцы, с их отвращеніем к войнѣ, с шкурническим страхом быть убитыми, с их жадностью к чужой землѣ, слушаются вас. Для наших же горцев война — желанная стихія, а смерть в бою — почетный удѣл джигита, а почему вас встрѣчают не аплодисментами, а нагайками и кинжалами. Кромѣ того, наши горцы не собираются дѣлить чужую землю — им достаточно своих аулов и своих пастбищ;

уносите же, по добру по здорову ваши ноги, да и товарищам вашим передайте, чтобы обходили туземцев. Больше мы никого из вас выручать не будем. Пусть они рѣжут вас, как барановl Да вы и не стоите лучшей участи. Всѣ вы мерзавцы, предатели и ведете Россію к гибели!

С тѣх пор закаялись агитаторы смущать горцев, избѣгая даже показываться по сосѣдству с Дикой дивизіей. На что Керенскій и тот, несмотря на все свое желаніе посѣтить Дикую дивизію, так и не рѣшился пріѣхать. Ему дано было понять, что его дешевое краснорѣчіе не только не будет имѣть успѣха, а фигурально выражаясь, он будет встрѣчен „мордой об стол".

II

Мечты о диктатурѣ

Это уже не было нѣжно разметавшийся на холмах и долинах весь в зелени Кіев. Это не были аппартаменты Континенталя. Это был маленькій номер маленькаго загрязненнаго отеля в провинціальном городѣ Яссы, временной столицы Румыніи. Нѣмцами занят был Бухарест. Королевская семья и весь двор переѣхали в Яссы.

Но офицеры Дикой дивизіи, собравшіеся в маленьком номерѣ гостиницы Траян, были все тѣ же! Революція почти никого из них не сломала, не поколебала, не принизила, и этим в значительной степени обязаны они были своим всадникам, тоже не сломленным и не поколебленным,

Когда армейскіе солдаты избивали своих офицеров, оскорбляли, плевали в лицо, не только в переносном, а в самом подлинном значеніи слова, — среди этого безумія и полнаго развала „дикіе" горцы казались еще дисциплинированнѣе, чѣм до революціи.

Яссы были таким же тылом для румынскаго фронта, каким был Кіев для юго-западнаго. И в Яссы, как и в Кіев урывались офицеры туземной дивизіи отдохнуть и развлечься.

Въ табачном дыму, за стаканом мѣстнаго вина обсуждались событія. Обсуждались в сотый, а, может быть, в тысячный раз. Наболѣвшее всегда и остро, и жгуче и ново являет собою незаживающую рану.

Адъютант Чеченскаго полка, Чермоев, с замѣтным кавказским акцентом, пріятным и мягким, поблескивая умными живыми глазами, убѣждал:

— Если бы конвой государя состоял не из каза-

ков, а из наших горцев-мусульман, как это было при Александрѣ II, конвой не допустил бы отреченія.

— Как это мог бы конвой не допустить?—не понял Юрочка и обидѣлся за Государя.

Баранов, не дав отвѣтить Чермоеву, накинулся на Юрочку со свойственной ему, Баранову, рѣзкостью, не допускающей возраженій:

— Вот, вот, всѣ вы такіе! Всѣ вы в шорах! Потому и нѣт царя, потому погибла Россія. Я знаю, знаю наперед, что вы скажете! Раз, мол, царь отрекся, вѣрноподданные должны покорно с этим примириться. А, между тѣм, как раз наоборот. Долг вѣрноподданнаго разсуждать, а не слѣпо повиноваться. Отреченье было вырвано у государя силою, или почти силою, а поэтому надо было аннулировать это отреченіе тоже силой! Чермоев прав! Туземцы конвоя не приняли бы этого пассивно. Они по своему расправились бы и с тѣми, кто пріѣхал „отрекать" государя, да заодно и с тѣми генерал адъютантами, которых он осыпал милостями и которые отблагодарили его, участвуя в заговорѣ против него.

— Баранов не знает полумѣр и полутонов,—замѣтил Юрочка,—что-же, по вашему, Алексѣева и Рузскаго слѣдовало повѣсить?

— Тут же, перед поѣздом, на фонарных, или каких там еще столбах!—горячо подхватил Баранов.—Измѣнники, измѣнники с генерал адъютантскими вензелями! Развѣ все загадочное поведеніе Алексѣева в Ставкѣ не измѣна? Развѣ поведеніе Рузскаго въ Псковѣ не измѣна? А как он осмѣлился кричать на государя и, вырвав у него вмѣстѣ с пріѣхавшими депутатами Думы отреченье, воспротивился вернуть, когда, спохватившійся государь потребовал назад? это не измѣна? помните, по волѣ государя, нашей дивизіи приказано было грузиться, чтобы итти в Петроград и не допускать никаких мятежных выступленій? И уж будьте спокойны, революціи не было бы: — увѣренно пообѣщал Баранов.— И что же? В самый послѣдній момент приказ был отмѣнен и мы остались на фронтѣ. Туземцы в Петербургѣ—это не входило в план Алексѣ-

евых и Рузских. А получилось вот что! — порывисто подойдя к окну, Баранов широким жестом показал вниз на площадь с загаженным фонтаном посрединѣ. Площадь была запружена скучающими, одурѣвшими от праздности и бездѣлья русскими солдатами. Всклокоченные, немытые, в разстегнутых гимнастерках, с нацѣпленными куда попало красными бантами, они давно утратили не только воинскій, но и человѣческій вид. Это была толпа, лущившая сѣмячки, готовая митинговать, грабить, насильничать, дѣлать все, что угодно, только не подчиняться своим офицерам и не воевать.

И хотя эта картина была до отвращенія знакомая, но вслѣд за Барановым и всѣ остальные подошли к окну. Лѣтній воздух, пыльный и мутный, прорѣзался нѣвучим сигналом,—гудок королевской машины.

Сухой, горбоносый профиль короля Фердинанда. Рядом—его начальник штаба генерал Прецан. Толпа русских солдат препятствовала движенію. Королевская машина замедлила ход. Солдаты с непріятной тупостью смотрѣли на союзнаго монарха. И ни одна рука не потянулась отдать честь, ни одна! Какая там честь, когда этим солдатам внушалось, что здѣшняго короля надо так же свергнуть, как свергли они у себя „Николая."

Баранов, покраснѣв, захлопнул окно. И всѣ кругом вспыхнули. Было стыдно, мучительно стыдно за русскую армію...

Что должен был думать о ней этот русскій фельдмаршал в голубой формѣ румынскаго генерала? А, вѣдь, всего нѣсколько мѣсяцев назад он пропускал мимо себя русскіе полки, шедшіе на фронт и, сам солдат с головы до ног, восхищался их молодецким видом, выправкою, подтянутостью. Казалось, с такими бойцами можно опрокинуть какую угодно мощь, даже германскую!

Казалось тогда... А теперь...

И Тугарин, вслух заканчивая предполагаемыя мысли румынскаго короля, послѣ нѣкоторой паузы молвил:

— Да был царь, была армія, а нѣт царя, нѣт и арміи, вмѣсто арміи сброд, сволочь... И от стыда и от боли так горит лицо, так горит, как если бы тебѣ надавали пощечин...

— А главное, главное,—подхватил Юрочка,—весь ужас тѣх, кто понимает и болѣет, ужас в сознаніи нашего собственнаго безсилія, нашей полной безпомощности. Никто и ничто не в состояніи прекратить этот стихійный развал. Мы, то есть, не мы лично, а Россія, и с нею и армія, да и мы, пожалуй, мы обреченные! Все катилось по наклонной плоскости, докатилось и рухнуло в бездну...

— Опомнись, Юрочка, если всѣ мы будем думать, как ты, сохрани и помилуй Бог!—возразил Тугарин, — тогда мы, разумѣется, обреченные. Но нѣт же, нѣт, тысячу раз нѣт! Все это—и он показал на окно и на площадь,—можно остановить на самом краю бездны и не только остановить, а и желѣзной рукой взнуздать, навести порядок! И эта рука должна явиться справа, то, смахнув слюнявую керенщину, она явится слѣва. И тогда вся эта орда, пускавшая папиросный дым чуть ли не в лицо Фердинанду, будет закована в цѣпи такой дисциплины, какой никогда не снилось ни одной императорской арміи! Это будет полчище Аракчеевских шпицрутенов!—Твердо, как то пророчески звучал голос Тугарина.

И всѣ повѣрили, повѣрили, что так именно и будет, если не явится диктатура справа, она придет слѣва.

— Но что же дѣлать? Гдѣ выход? — с тоскою вырвалось у Юрочки.

— Выход?—рѣзко переспросил Тугарин,—выход единственный. Выжечь каленым желѣзом гнойник, ударить по тому самому мѣсту, гдѣ началось, откуда пошла зараза. Захват Петербурга, безпощадное физическое уничтоженіе совѣта рабочих депутатов, несущаго большевизм и, твердая національная власть! Все это может продѣлать одна кавалерійская дивизія, лучше всего туземная! Но, конечно, не с таким ничтожеством и трусом, как наш Багратіон во главѣ.

Эта безпощадная характеристика ни в ком не встрѣтила возраженія.

Великій князь Михаил уже давно покинул дивизію. Вначалѣ он командовал Конным корпусом, а потом назначен был на пост генерал-инспектора кавалеріи. Дикую дивизію получил князь Багратіон, пустой человѣк, безталанный генерал, болтун, трусливый не только на боевом полѣ, гдѣ он, кстати, ни разу не был, но и в житейском и в политическом значеніи слова.

— Великій князь, — продолжал Тугарин,—теперь Гатчинскій узник. Эта сволочь из совѣта рабочих депутатов контролирует каждый его шаг. А нам, нам он нужен был-бы, как знамя. Его можно освободить, похитить, наконец, вмѣстѣ с ним войти в Петербург и провозгласить императором...

— Но ты же сам знаешь великаго князя, — отвѣтил кто-то, — великій князь питает отвращеніе к власти. Вспомни, как легко он сдал ее, сдал свое право на престол послѣ отреченія государя?

— Как смѣет он питать отвращеніе к власти, когда Россія гибнет? — с засверкавшими глазами ударил по столу Тугарин, — силой заставили бы итти вмѣстѣ с нами. Лучше ему быть нашим плѣнником, своих вѣрноподданных, чѣм плѣнником засѣвшей в Смольном черни, черни, предводимой адвокатишками и фармацевтами. Если мы настоящіе монархисты, любящіе родину, мы должны дѣйствовать революціонно, откинув мертвую дисциплину, откинув слѣпое повиновеніе. В этом я вполнѣ схожусь с Барановым. Если-бы все офицерство мыслило так, все было бы иначе и государь стоял бы во главѣ арміи и не был бы сослан в Тобольск. Даже послѣ отреченія его надо было увезти на фронт и, не считаясь с его волею, „заставить" продолжать быть императором. Потребовать усмиренія Петербурга. И усмирили бы. Усмирили бы желѣзом и кровью. Но, повторяю, даже теперь не поздно. Весь вопрос в сильном смѣлом человѣкѣ, который повел бы и за которым пошли бы. Генералы наши провалились на экзаменѣ.

Да и зачѣм непремѣнно генерал? Пусть это будет боевой полковник, пусть это будет ротмистр, поручик, мы ему всѣ подчинимся, а с такими, как Багратіон, будем до конца пить из чаши униженія и позора...

III

Наканунѣ событій исключительной важности

Лара жила на Шпалерной, у Таврическаго сада. Из своих окон видѣла начало революціи: центром и мозгом начала был Таврическій дворец с Государственной Думой. А Государственная Дума была популярна в так называемых „массах“, и только слабость растерявшагося предсѣдателя ея, Родзянки допустила самочинно и самовольно сформироваться совѣту рабочих и солдатских депутатов.

Будь Родзянко сильнѣе, он мог бы задержать в своих руках всю полноту власти и снести голову демагогическому младенцу без рода, без племени, с смѣшной кличкой „совѣта рабочих депутатов“. Как будто в Россіи никого, кромѣ солдат и рабочих не было и как будто лишь только они, эти темные люди, могли управлять страной.

Лара видѣла из своих окон одурѣлыя толпы, сѣрыя, скучныя, расцвѣченныя красными бантами, флагами, и красными гигантскими плакатами на нѣскольких древках, несомых нѣсколькими человѣками. Безвкусное обиліе краснаго цвѣта угнетало и раздражало всѣх тѣх, кто среди этого буйнаго помѣшательства сохранил ясность разсудка.

Лара видѣла из своих окон, как пьяное хулиганье нападало на офицеров, снимая с них оружіе, срывая погоны. Видѣла, как такія же пьяныя банды врывались в подъѣзды особняков, офиціально желая найти оружіе, неофиціально желая пограбить.

Лара видѣла, как прошел к Думѣ гвардейскій экипаж из матросов, один к одному, богатыри и кра-

савцы. Вел этих богатырей их командир, тоже красавец, великій князь Кирилл Владимирович, пожалуй один из всей династіи не потерявшій голову и попытавшійся что-то сдѣлать и спасти. Спасти хотя бы остатки рухнувшей имперіи.

Он предложил свои услуги Родзянкѣ, не как великій князь, а как обыкновенный смертный, имѣвшій в своих руках отдѣльную воинскую часть. И еще можно было бы что-то наладить, что то возстановить, что-то сберечь, но Родзянко, теряясь все болѣе и болѣе под напором слѣва, дал неопредѣленный отвѣт:

— Мы будем имѣть в виду предложеніе вашего высочества.

И трагедія в том, что Родзянко, честный русскій человѣк и несомнѣнный патріот и умом душою был несомнѣнно не с Керенским, с которым волей неволей должен был сотрудничать, а с великим князем, сотрудничество коего отверг.

В этой личной трагедіи Родзянко была трагедія всего рускаго дворянства, мягкотѣло-либеральнаго, также потерявшаго вкус и аппетит к власти, как потерял и то и другое несчастный государь.

А, между тѣм, низы и полуинтеллигентская накипь весьма быстро вошли во вкус власти и обнаружили прямо чудовищный аппетит к ней.

Многое видѣла Лара из окон. Сама она как-то двоилась в своих ощущеніях и переживаніях.

Революція так была гадка, так отвратительна ей, что могла бы свести с ума, если бы не владѣвшая всѣм существом, — любовь. А, так как, чувство и малое и большое всегда, прежде всего, эгоистично, то и революцію она воспринимала скорѣе внѣшне. Все, что не было им, Тугариным, любимым человѣком, отходило на второй план. Эти скопища с красными флагами казались скопищами статистов в плохой обстановкѣ плохого театра.

Однажды этих самых статистов ей пришлось наблюдать не только из своих окон, как из ложи, а у себя в квартирѣ. В первые же дни революціи, в са-

мом началѣ марта к ней ворвалась полупьяная кучка людей в шинелях и без шинелей.

На ея вопрос, что им надо, они отвѣчали:

— Так что здѣсь прячутся эти самые кавказскіе ахвицеры, которые вообче против народной свободы.

— Ищите, — отвѣтила Лара.

Искали, обошли всю квартиру, кавказских офицеров не нашли, но кое-какія драгоцѣнности из туалетных ящиков исчезли вмѣстѣ с ними.

Позже Лара случайно узнала: эти люди подосланы были полковником — Керенскій произвел его в полковники — Шепетовским.

Так мстил отвергнутый любовник.

Вчерашній монархист, из соображеній карьернаго свойства, теперь в силу тѣх же самых соображеній, дѣлал революціонно-демократическую карьеру, для чего не без сожалѣнія разстался со своим буржуазным моноклем.

Лара подлую выходку Шепетовскому не то что простила, а постаралась забыть о ней, как забыла о самом Шепетовском, и опять таки потому, что все бывшее внѣ ея чувства к Тугарину, казалось таким ничтожным и мелким. Она думала о нем постоянно... Сначала, до революціи, думала, что его могут убить на фронтѣ, а позже опасеніе увеличилось, так как опасность удвоилась и вмѣсто одного фронта, их было два. Один, как и был, внѣшній, другой — и он чудился еще страшнѣе как внутренній. Тугарин так невыдержан и горяч, он так не считается и не желает считаться со всѣм происшедшим, рискуя на каждом шагу и Лара вспомнила видѣнное из окна, как солдаты и хулиганы срывали погоны офицерам. Ни своих погон, ни своей сабли Тугарин живым не отдаст и мало ли что может случиться?

Никогда еще петербургская весна не была так загажена людьми. Но эта весна казалась Ларѣ такой прекрасной именно потому, что в душѣ Лары уже больше года благоухала весна. И стараясь не замѣчать людей, она впитывала в себя очарованіе ясных, еще холодных, но прозрачных дней. И что-то притягивающее было

в сырой свѣжести Таврическаго сада, в его голых деревьях, в запахѣ увядших прошлогодних листьев.

И если бы не тревога за любимаго человѣка, и если бы еще не дѣйствительность, от которой никуда не уйти, как безмятежно и хорошо было бы на сердцѣ.

Тревоги Лары успокаивал Юрочка, на день, на два раз в мѣсяц укрывавшійся в Петербург к своим. Он всегда находил часок другой, чтобы заглянуть к Ларѣ. И к ней он был весьма расположен да и, кромѣ того, обожал Тугарина. Доставляло удовольствіе, выражаясь по военному, „нести службу связи" между Тугариным и Ларой.

Да он успокаивал ее, успокаивал слѣпой вѣрой в свою Дикую дивизію:

— Вы себѣ представить не можете, как нас боятся всѣ эти армейскіе! Своих офицеров они в грош не ставят, вчужѣ больно, а наша черкеска и папаха производят на них магическое дѣйствіе. Не было случая, чтобы туземный офицер, один одинешенек, был бы задѣт, или оскорблен толпою солдат даже самой разнузданной, утратившей всякое понятіе о дисциплинѣ.

— Юрочка, вы мой бром, но все таки, все-таки... Послушать вас, так все хорошо, даже вѣрить не хочется. Но вы же сами говорили, что у вас есть пулеметная команда из матросов.

— Есть и конечно эта команда сочувствует не нам, а революціи, но она — тише воды, ниже травы, пикнуть не смѣют. Кромѣ них вот еще писаря, но и писаря поджали хвост. Ах, вот был номер. Помните фельдшера Карикозова? Он обѣдал в вашем обществѣ в Континенталѣ?

— Как не помнить: Тугарин так жестоко прогнал его!

— На днях он поступил с ним еще болѣе жестоко. Прибѣгает всадник-ингуш. Трясется от бѣшенства. В штаб полка явился с красным бантом Карикозов и давай пропагандировать писарей: теперь, мол, свобода и все прочее... Вы знаете Тугарина?.. Вспыхнул, взял с собою ингуша, по дорогѣ прихватил еще одного и —

в штаб. Дѣйствительно, Карикозов держал рѣчь к писарям. Увидѣл Тугарина, поблѣднѣл, да так и застыл с открытым ртом. Тугарин одному ингушу: „Сорви красный бант с этого мерзавца". Другому: „Ну-ка, возьми его в плеть по туземному". Финал плачевный: фельдшер, весь в крови вынесен был из штаба и уже другой фельдшер оказывал ему медицинскую помощь. Молодец Тугарин! Я не знаю кто еще, развѣ вот Баранов мог бы так энергично расправиться!

— Да, но как-бы из-за этого молодечества не пришлось бы в концѣ концов поплатиться...

— Пустяки. Я вѣрю в его звѣзду. Сильным и смѣлым — вездѣ удача. Кстати: Карикозов послѣ этого урока исчез. Сквозь землю провалился.

В слѣдующій свой прiѣзд уже лѣтом Юрочка был озабоченный и таинственный.

— Развал по всему фронту. Бѣгут, не хотят удерживать позицій, безчинствуют в тылу. Нас, туземцев, бросают из Галиціи в Румынію, из Румыніи в Галицію. Мы, какая-то „карета скорой помощи"! Наступаем, затыкаем прорывы, усмиряем солдатскіе грабежи и погромы...

— Чѣм же это кончится?

— Кончится катастрофой, если... Но, слава Богу, замѣчается какой-то просвѣт. Назначенный вмѣсто Брусилова верховным главнокомандующим генерал Корнилов может спасти положеніе. Он требует введеніе смертной казни в тылу и на фронтѣ, а также возстановленія расшатанной дисциплины. Конечно, и временное правительство и совѣт рабочих депутатов всячески будут препятствовать ему. Им нужен развал, они боятся поднятія престижа офицеров и генералов. Тогда им смерть, а им этого совсѣм не хочется, хочется быть у власти, хотя бы даже призрачной. Керенскій с наслажденіем смѣнил бы Корнилова, но теперь уже коротки руки. За Корниловым казачество, офицерскій корпус, ударные батальоны и, конечно, мы! Ах, я вам нарисую картину, как генерал Корнилов прiѣзжает из ставки в Зимній дворец на засѣданіе временнаго правительства. Дѣло в том, что Керенскій и министры-

соціалисты не прочь в один из таких пріѣздов арестовать Корнилова и назначить в ставку другого генерала, который был бы болѣе сговорчивым, или, пожалуй вѣрнѣе, сам Керенскій мѣтит в главковерхи...

— Полно, Юрочка, балаганить!..

— Нисколько! Этот самовлюбленный гороховый шут, уже и теперь мнит себя Наполеоном и гримируется под него. Правда, вмѣсто сѣраго походнаго сюртука у него демократическая кофта какая то, но за борт этой самой кофты он закладывает руки вполнѣ Наполеоновским жестом. Большевики? Он их боится, попустительствует им, как крысам одного и того же подполья. В один прекрасный день скажут: „Пошел вон!“ этому адвокату-Наполеону и, вмѣсто Керенскаго в кровати императора Александра III в Зимнем дворцѣ будет спать Ленин, или Троцкій... Так вот, чтобы предупредить это... Но теперь я вам опишу совѣщаніе верховнаго с временным правительством. Положительно, что то персидское, или мексиканское. Да и в самом дѣлѣ, может ли Корнилов довѣрять кабинету министров, гдѣ засѣдают неврастеники кокаинисты, одержимые маніей величія, Наполеоны в демократических кофтах и гдѣ имѣются еще махровый негодяй Некрасов, нѣмецкій агент Чернов и террорист бандит Савинков? В эту темную компанію волей неволей попадает честный солдат, желающій спасти Россію и с достоинством закончить войну, для чего необходимо в первую очередь свернуть шею большевикам Такого безпокойнаго генерала могут арестовать и смѣстить, как я уже сказал, либо сдѣлать еще кой что похуже. В лабиринтах Зимняго дворца так легко исчезнуть, да еще при благосклонном участіи такого профессіональнаго убійцы, как военный министр Савинков.

— Юрочка, вы там у себя на фронтѣ глотаете французскіе романы...

— Наша безумная дѣйствительность затмит любой авантюрный роман. Необходимо вам сказать, да я и говорил это, кажется раньше, что кромѣ нашей дивизіи есть еще одна мусульманская часть. Раньше называлась Туркменским дивизіоном, а теперь это конный

Текинскій полк. Бронзовые люди из Средне-Азіатских степей, рослые и видные, куда крупнѣе наших туземцев, и всѣ на чудесных жеребцах, сѣрых в яблоках. В бою это одно великолѣпіе! Гиканье всадников, ржаніе разгоряченных лошадей и безпощадная рубка. Недобитых всадником врагов загрызает жеребец...

— Юрочка, не фантазируйте!

— Честное слово, не фантазирую! — обидѣлся Юрочка. — Корнилов, служившій в Туркестанѣ и знающій всѣ мѣстныя нарѣчія, взял туркменов к себѣ в Ставку и сдѣлал их как бы своим личным конвоем. Преданы они ему безгранично! Готовы жизнь за него отдать!.. Вот уж дѣйствительно "до послѣдней капли крови". Ѣдучи на совѣщаніе в Петроград, он берет с собой двѣ сотни туркменов с пулеметами и десять вѣрных ему офицеров. Одна сотня разсыпается на площади перед Зимним дворцом, другая занимает всѣ ходы и выходы в той части дворца, гдѣ происходит совѣщаніе. А рядом с залом совѣта, — вооруженные до зубов офицеры. При таких условіях — извольте арестовать главнокомандующаго, когда он сам в любой момент может арестовать все правительство...

— И вправду, что то мексиканское! — молвила Лара, но, вѣдь, это же все ненормально, чудовищно ненормально...

— А развѣ все кругом нормально? И развѣ вся Россія не сплошной дом умалишенных? В таком порядкѣ, под такой же охраной покидает Корнилов совѣт министров и возвращается к себѣ в Ставку.

— Но так долго продолжаться не может...

— Конечно, не может... — И хотя Лара и Юрочка были только вдвоем и во всей квартирѣ больше никого не было, Юрочка осмотрѣлся и понизил голос. — Поэтому то и надвигаются событія чрезвычайной важности. Уже назначено Московское совѣщаніе. Ничего из этого совѣщанія не выйдет, будут говорить справа и слѣва, но не поймут, не захотят понимать друг друга. Патріотизм военных кругов встрѣтится с демагогіей болтунов и политических мошенников. Единственный выход — переворот. И он уже намѣчен Корниловым.

По слухам даже Керенскій тяготится тираніей большевицкаго совѣта и не прочь войти в соглашеніе с Корниловым. Но, во первых, этому господину нельзя довѣрять, а, во вторых, не планы этой комической фигуры важны, а важно то, что в сентябрѣ нас туземцев могут бросить в Петроград для наведенія порядка и для надлежащей расправы с кѣм слѣдует..

— Давно бы пора! — воскликнула Лара. — Как это было бы хорошо! Вы думаете, удастся?

— Кто может оказать нам сопротивленіе? Кто? Эти разложившіяся банды трусов, не бывавших в огнѣ, не умѣющих владѣть оружіем и опасных лишь мирному обывателю? Только бы нам дойти, физически дойти в Петроград, а уж успѣх внѣ всяких сомнѣній! Если только первые наши разъѣзды ворвутся в предмѣстье столицы, встанут всѣ военныя училища, встанет все лучшее, все то, что жаждет только сигнала к освобожденію от шайки международных преступников, засѣвших в Смольном, как ждем всѣ мы этого часа возмездія!

Лара молвила мечтательно, с какой то блуждающей улыбкой:

— Итак, почем знать, быть может, вашей дивизіи суждено сыграть историческую роль в дѣлѣ освобожденія Россіи?..

IV

На вершинѣ „власти“

Совѣт рабочих и солдатских депутатов, державшій в своих руках судьбы Россіи и, до поры до времени, только терпѣвшій немощное временное правительство, являл собою весьма пестрый звѣринец. Главную роль, конечно, играла в нем интеллигенція, замаскированная „под рабочих и под солдат“ Настоящіе же рабочіе и солдаты, допущенные из политических соображеній, были на положеніи сѣрой скотинки. Нужны были их голоса. Эти голоса сѣрая скотинка слѣпо и покорно отдавала тѣм, кто ею руководил.

Руководили сплошь германскіе и австрійскіе агенты, Было нѣсколько офицеров генеральнаго штаба из Берлина и Вѣны. Надѣв солдатскія шинели и забронировавшись псевдонимами, эти лейтенанты и маіоры дѣлали все зависящее от них и возможное, чтобы в самый кратчайшій срок развалить еще кое-как державшіеся остатки и обломки русской арміи и русскаго флота. Им помогали в этом большевики, Ленин и Троцкій. Помогали австро-германцы, очутившіеся в русском плѣну, и послѣ революціи попавшіе из сибирских концентраціонных лагерей в совѣт рабочих и солдатских депутатов. Одного из этих военноплѣнных, Отто Бауэра, австрійскаго соціалиста провел в совѣт его друг Виктор Чернов, министр земледѣлія временнаго правительства.

Чернов осуществлял аграрную реформу с геніальной прямолинейностью. Он говорил крестьянам:

— Выжигайте помѣщичьи усадьбы! Выжигайте до тла эти галочьи гнѣзда, чтобы ваши кровопійцы больше никогда не вернулись!

Чернов в товарищеском порядкѣ сообщал Отто

Бауэру всѣ тайны временнаго правительства, а Бауэр сообщал эти свѣдѣнія через своих курьеров вѣнскому правительству.

Это было извѣстно, и на совѣщаніях в Зимнем дворцѣ военный министр Савинков предупреждал запискою генерала Корнилова, чтобы тот держал про себя свои планы как наступленія, так и обороны, ибо это может стать извѣстным непріятелю. Савинков не любил Чернова. Чернов не любил Савинкова. Эта взаимная антипатія родилась еще давно, во дни царизма, во время совмѣстной подпольной работы.

Да и в рядах совѣта рабочих депутатов Савинков имѣл не мало врагов и совсѣм не имѣл друзей.

Особенно ненавидѣл его Троцкій. У них были старые, тоже эмигрантскіе счеты.

По слухам, когда-то, в Парижѣ, Савинков отбил у Троцкаго женщину и мало этого, еще публично дал ему по физіономіи. Ничего невѣроятнаго в обоих случаях не было.

Троцкій тогда еще не был „демоничен,“ а был только смѣшон в своем подчеркнутом безобразіи. Савинков же с его львиным профилем и блѣдным, холодным лицом был обвѣян славою безстрашнаго убійцы террориста, и от его фигуры вѣяло жуткой, недоброй силой. Троцкій трусливо, из за угла посылал других метать бомбы в министров и великих князей. Савинков же лично бросал бомбы в „прислужников ненавистнаго царизма.“ И вот эти два революціонера очутились у власти. Троцкій засѣдал в Смольном институтѣ, Савинков в Зимнем дворцѣ. Оглядываясь назад, Троцкій вспоминал пощечину, а заглядывая вперед, видѣл, что Савинков, этот единственный волевой человѣк во временном правительствѣ, если удержится военным министром, будет для большевиков опасным и нежелательным противником. А с большевиками ему не по дорогѣ. Во первых, он ни с кѣм не пожелает дѣлить власть, а, во вторых, он не пораженец и по своему любит Россію... В революціонности своей мечтатель-романтик и никогда не был платным агентом чужеземной

политической полиціи, каковыми были всегда Ленин и Троцкій.

Кто нибудь из них должен свернуть голову другому. Весь вопрос — кто кому?

Савинков поддерживал Корнилова. Поддерживал выдвинутое верховным главнокомандующим требованіе смертной казни, карающей дезертирство и неповиновеніе военному начальству.

Совѣт рабочих депутатов забил тревогу, боясь, что Корнилов и Савинков возстановят в арміи боеспособность и порядок.

Керенскій, со свойственным ему истерическим пафосом, восклицал, что как до сих пор его рукой не подписано ни одного смертнаго приговора, так и впредь не будет подписано.

Это говорилось для популярности, говорилось в толпу, на митингах, с театральных подмостков и с арены цирка.

Но за кулисами, особенно послѣ доброй порціи кокаина, Керенскій готов был пойти за Савинковым. Этот блѣдный, с рѣшительным видом, с холенными руками человѣк, одинаково владѣвшій как браунингом, так и ножем, был гранитно монументален рядом с набитою паклей и ватой мягкой куклой. И гранит подавлял паклю.

Гранит внушал куклѣ:

— Если мы не раздавим товарищей из Смольнаго, товарищи из Смольнаго раздавят нас! Іюльскіе дни — первое предостереженіе, Вы, Александр Федорович, на свою голову дважды спасли Троцкаго. Когда Преображенцы хотѣли его разстрѣлять и когда вы поспѣшили к нему на квартиру, воспротивившись его аресту . . .

Керенскій мигая дряблыми, набухшими вѣками, не мог ничего отвѣтить. В самом дѣлѣ, что можно было отвѣтить?

Да, дѣйствительно, он дважды спас Троцкаго. И не потому, чтобы Троцкій был симпатичен ему, или же политически пріемлем, а потому, что Троцкій в глазах его был крупным революціонным волкодавом, а

он, Керенскій, рядом с этим волкодавом чувствовал себя такой маленькой, беззащитной дворняшкой . . .

В революціонных кругах дѣленіе на касты и чинопочитаніе куда сильнѣе развито, чѣм в любом монархическом государствѣ.

Человѣк с львиным профилем посвятил Керенскаго в свой план:

— Большевики опираются на матросов. Мы же, временное правительство, не опираемся ни на кого и ни на что. Мы висим в воздухѣ. Нам необходимо опереться на армію, или, вѣрнѣе, на ея части, не утерявшія дисциплины и не превратившіяся в орды шкурников и дезертиров.

— Другими словами, еще сохранивших повиновеніе генералам? — с тревогою вырвалось у Керенскаго. Он не так опасался большевиков, как генералов.

Собесѣдник поспѣшил успокоить его.

— Есть генералы и генералы. Лично я, например, вполнѣ довѣряю Корнилову. Он республиканец, не честолюбив, и не мѣтит в диктаторы, несомнѣнный патріот и несомнѣнный демократ, как по убѣжденіям, так и по крови. Чего-же еще? Это желанный для нас союзник. За этим союзником реальная сила: именно тѣ остатки еще сохранившейся арміи, о которых я только что говорил.

И Савинков развивал дальше свой план, и Керенскій начал склоняться . . .

А потом Керенскій весь разговор этот передал министру путей сообщенія Некрасову, самодовольному, упитанному господину, на днях женившемуся на буржуазной дѣвицѣ, которой очень хотѣлось быть супругой министра, хотя бы и революціоннаго. Обряд происходил в церкви Зимняго дворца, и шафера держали над головами новобрачных усыпанные драгоцѣнными камнями вѣнцы, принадлежавшіе свергнутой династіи.

Подумав, Некрасов отвѣтил:

— Александр Федорович, вы знаете Савинкова? Знаете его непомѣрное честолюбіе? В случаѣ успѣха он обойдет всѣх нас, обойдет и Корнилова, на спинѣ котораго мечтает выѣхать к власти. Ясно, что Савинков

желает выскочить в диктаторы. А тогда, первым дѣлом, он всѣх нас пошлет к чорту!

В головѣ Некрасова это „пошлет к чорту“ преломлялось так: „прощай благополучіе, прощай тонкіе обѣды и ужины в Зимнем дворцѣ, прощай все, связанное с властью, хотя и эфемерной. И это на лучшій конец. А на худшій Савинков не задумается —“ . . . И Некрасов вслух пояснил свою мысль:

— Савинков не остановится перед тѣм, чтобы заодно с большевиками перевѣшать и всѣх нас.

Теперь уже Керенскій в свою очередь подумал: „Тогда, прощай вина из царскаго погреба, прощай императорскій поѣзд, бесѣды по прямому проводу, выступленія на митингах с поклонницами-истеричками . . .

И погасшій, подчинившійся волѣ Некрасова, он безпомощно спросил:

— Так как же быть? Отставить все?

— Нѣт, зачѣм же отставить! — с хитрой улыбкой на раскормленной физіономіи возразил министр путей сообщенія, — не надо! Внѣшне идите навстрѣчу Савинкову и Корнилову. Даже, по моему, слѣдует, чтобы они выступили! А вот, когда они выступят, забейте тревогу, объявите их измѣнниками дѣлу революціи, врагами народа. И тогда они оба полетят. Мы их перехитрим. Они думали свернуть нам шею, а выйдет наоборот! И надо спѣшить, пока не поздно. Не по дням, а по часам растет популярность Корнилова. Ну, развѣ вы не согласны со мной?

— Да, но . . . но большевики?

— Что большевики? С ними как нибудь . . . обойдется. Вѣрьте мнѣ: опасность справа гораздо страшнѣе, чѣм слѣва. Здѣсь нужна тонкая политика. Мнѣ надоѣл Савинков и надоѣл этот генерал, как башибузук пріѣзжающій на засѣданія совѣта министров со своими текинцами и пулеметами. Они хотят спровоцировать нас, а мы спровоцируем их!

В тот же день Савинков спросил Керенскаго:

— Ваше окончательное рѣшеніе, Александр Федорович? Завтра выѣзжаю в Могилев, в Ставку и буду

совѣщаться с Корниловым. Могу я с ним говорить и от вашего имени? И если да, могу я сказать слѣдующее: Александр Федорович уполномачивает вас двинуть на Петроград кавалерійскій корпус с цѣлью разгона совѣта рабочих депутатов, дабы „освободить временное правительство от его тираніи". Вы подписываетесь под этим?

— Вполнѣ!

— Теперь дальше. В случаѣ успѣха, о неуспѣхѣ не может быть и рѣчи, мы создаем диктатуру. Это будет тріумвират: вы, я и Корнилов. Вся полнота власти будет в наших с вами руках, а генерал Корнилов останется Верховным главнокомандующим, останется хозяином фронта и военным спеціалистом. Да и он сам вполнѣ удовлетворится этой ролью. Как я уже сказал, он не честолюбив и в Бонапарты нисколько не мѣтит. Итак, в принципѣ все рѣшено. От слов перейдем к дѣйствію.

— Перейдем, — как то вяло отозвался Керенскій.

Эта вялость нисколько не удивила Савинкова. Он знал, что минуты подъема и возбужденія, взвинченныя кокаином, смѣнаются у Керенскаго часами полнѣйшей апатіи, подавленности и ко всему и ко всѣм безразличіем.

V

Бомбист-аристократ прiѣзжает в Ставку

Савинков был бомбист-аристократ.

Обыкновенно, русскiе революцiонеры, чтобы подойти „ближе к народу“, одѣвались неряшливо, не стригли волос, не носили крахмальнаго бѣлья и не особенно чисто мылись.

Савинков же всегда одѣт был с иголочки, тщательно вымытый, до глянца выбритый и недушенный Аткинсоновским „шипром“. Вообще, он любил комфорт, любил дорогiе ростораны, любил нарядных женщин, ароматныя гаванскiя сигары.

С тѣх пор, как начался в Россiи политическiй террор, никогда еще и ничьи такiя же, как у Савинкова, бѣлыя холенныя руки не бросали бомб в великих князей и сановников. Вагон Савинкова, вагон военнаго министра, был прицѣплен к курьерскому поѣзду. Этот поѣзд шел на Кiев, и на полпути, в Могилевѣ, савинковскiй вагон будет отцѣплен. Военный министр проведет в Могилевѣ нѣсколько часов, а, может быть, и цѣлыя сутки.

Обычный вагон-салон, в котором ѣздили царскiе министры. Савинков вез с собою адъютанта и конвой из четырех юнкеров. Назначенiе конвоя — оберегать министерскiй вагон от вторженiя солдат, праздных, не знающих, куда дѣвать себя от бездѣлья. Ими забиты всѣ станцiи.

И как только поѣзд останавливался, юнкера, в опрятной и ловко пригнанной формѣ, при винтовках и шашках, занимали оба выхода, принимая на себя натиск буйной разнузданной солдатни.

— Нельзя сюда!

— Отчего нельзя?

— Вагон военнаго министра.

— Таперь слобода!

Но этим и ограничивались „самые свободные“ солдаты. Рѣшительный вид юнкеров отбивал охоту и к дальнѣйшим препреканьям, и к желанію залѣзть в сіяющій, новенькій, не захватанный и не загаженный, как всѣ остальные, вагон.

Савинков, сидя у окна, дымя сигарой и не показываясь, а украдкой глядя в щель занавѣски, наблюдал эти сцены.

„Неужели я затѣм годами скрывался в подпольѣ, — проносилась у него мысль, — затѣм балансировал между тюрьмой и висѣлицей, затѣм рвал в клочки своими бомбами царских министров и генерал губернаторов, чтобы эта сволочь, потерявшая облик человѣческій, бросая фронт, была грозою мирных жителей?“

Он не мог, да и не хотѣл сознаться, что балансировал между тюрьмой и висѣлицей и метал бомбы не ради этих людей, а именно ради власти, чтобы ѣздить в таких вагон-салонах со своим адъютантом и со своим конвоем.

Чѣм ближе к Ставкѣ Верховнаго главнокомандующаго, тѣм больше порядка замѣчалось на станціях и тѣм меньше было бродячих солдат. Корнилов подтянул не только Ставку, но и прилегающій к ней район.

В самом же Могилевѣ царил образцовый порядок. Мѣстный совдеп хотя и существовал, но с тѣх пор, как в Ставку пріѣхал Корнилов со своими текинцами, притих и держался с оглядкою, да с опаскою. Вид бронзовых текинцев в бѣлых высоких папахах, загадочных воинственных людей Востока, внушал ужас рабочим и солдатским депутатам, еще недавно, при Брусиловѣ, бывшими здѣсь не только господами положенія, но и терроризовавшими Ставку, этот мозг и центр необъятных фронтов европейскаго и азіатскаго.

Ставка помѣщалась в двухэтажном губернаторском

домѣ, помѣщичьяго типа. Послѣ того, как в нем около двух лѣт прожил Государь и покинул его уже отрекшимся Императором, дом стал историческим. При царѣ около дома стояли парные часовые Георгіевскаго батальона. Послѣ царя этот отборный батальон разложился. Выходя из Ставки, Брусилов здоровался с парными часовыми за руку, этим подчеркивая свою демократичность. При Корниловѣ парными часовыми были безсмѣнно текинцы.

Рослые, монументальные и в то же время стройные, легкіе, гибкіе, стояли они, как изваянія и только особенное что то, притаившееся в темных восточных глазах, говорило, что это живые люди.

Каждаго, кто подходил, или подъѣзжал к Ставкѣ, текинцы нащупывали взглядом, казалось, до самой-глубины души, словно пытаясь проникнуть, не замыслил ли человѣк этот худого чего-нибудь против их бояра. Корнилова они называли „бояром".

Это не были казенные часовые, выстаивающіе положенный срок. Это были вѣрные слуги, чуткіе стражи и тѣлохранители своего бояра. И этой вѣрной, не знающей границ привязанностью одухотворяли они свой пост у входа в Ставку.

Савинков, подкатившій на автомобилѣ к губернаторскому дому, с перваго взгляда оцѣнил, как этих великолѣпных джигитов с кривыми клычами (шашками), так и преданность их Корнилову, о чем уже был наслышан.

По одному мановенію своего бояра они готовы не только кого угодно убить, но свою собственную жизнь без колебанія отдать за него. И тут же подумал революціонный военный министр, что в Россіи не наберется и нѣскольких человѣк, способных ради него, Савинкова, или ради Керенскаго на такое же слѣпое самопожертвованіе. И в этом сила Корнилова и надо ее использовать, но осторожно, умѣючи... Хотя Савинков и сейчас думал то же, что днем раньше сказал Керенскому в зимнем дворцѣ: Корнилов не честолюбив, власти не жаждеть, в диктаторы не мѣтит, и с ним можно пойти рука об руку...

Через нѣсколько минут они сидѣли в кабинетѣ с глазу на глаз, друг против друга.

Судьба свела лицом к лицу и не только к лицу, но и как сообщников, двух людей твердых, рѣшительных, с несокрушимой волей. Но каждый из них иначе направил и свою твердость, и свою волю. Оба не раз рисковали головой. Но Савинков рисковал ею во имя разрушенія, разрушенія Великой Россіи. Корнилов еще в небольших чинах помогал эту Великую Россію выковывать и творить.

Это было давно. Нынѣшній главковерх был тогда капитаном генеральнаго штаба и служил среди этих самых мусульманских бойцов, которые живописными изваяніями, в бѣлоснѣжных папахах гордо стояли внизу.

В то время англичане обратили чрезвычайное вниманіе свое на Афганистан, не дававшій им покоя путь русских в Индію. Деньгами и агитаціей фанатизировали они афганцев против сосѣдей, а вдоль русской границы возводили форты и даже цѣлыя крѣпости. Об этом знали у нас, но не знали ничего опредѣленнаго. Тщетно пытался генеральный штаб проникнуть в тайну англо-афганских сооруженій и военных мѣропріятій.

Посылали развѣдчиков из туземцев. Одни возвращались, не умѣя ничего толком разсказать и объяснить большинство же не возвращалось совсѣм. Схваченные и обвиненные в шпіонажѣ, они были заживо сварены в гигантских котлах с кипящим маслом...

Капитан Корнилов добровольно взялся сдѣлать глубокую и тщательную развѣдку.

Сын сибирскаго казака от матери калмычки унаслѣдовал он монгольскую внѣшность с шафранным цвѣтом лица и узкими, косо-прорѣзанными глазами. Он имѣл нѣкоторую возможность не быть разоблаченным афганцами, по крайней мѣрѣ, тотчас же. Вдобавок еще он владѣл в совершенствѣ нѣсколькими мѣстными языками до афганскаго, включительно.

С собою взял он двух вѣрных джигиттов-туркмен. Всѣ трое, одѣтые по туземному, в халатах и бараньих

шапках, ночью перешли границу. У Корнилова под халатом был револьвер, маленькій альбом и фотографическій аппарат.

Шесть недѣль о них—ни слуху, ни духу. В Ташкентѣ уже считали Корнилова погибшим, сваренным в котлѣ с кипящим маслом.

Но он вернулся и привел обоих джигитов. Его альбом весь испещрен был „кроки" возведенных англійскими инженерами фортов, а десятки фотографій дополняли эти цѣнные „кроки".

Но подвиг Корнилова не был оцѣнен в Петербургѣ. Хотя Корнилов и получил какой-то незначительный орден, однако, вмѣстѣ с этим ему объявлен был выговор „за самовольный переход афганской границы без надлежащаго разрѣшенія высших военных властей."

Но это не обезкуражило маленькаго, худощаваго капитана с загадочным лицом китайскаго божка — он рисковал своей жизнью не во имя наград, а во имя Россіи.

И так же для Россіи изслѣдовал он значительно позже с конвоем из нѣскольких казаков мертвыя пустыни китайскаго Туркестана, куда до него не проникал ни один бѣлый человѣк.

VI

Корнилов настоял на „Дикой Дивизіи“

Савинков знал про это, знал и про легендарное бѣгство Корнилова из австрійскаго плѣна. Знал, что на этого человѣка можно смѣло разсчитывать. А как мало вообще, людей, на которых можно разсчитывать! Савинкову, воспитанному в революціонном подпольѣ, с его предательством и ложью, это было особенно знакомо. Как и всѣ хитрые, скрытные люди, Савинков начал с наименѣе интереснаго ему, а самое интересное приберегал напослѣдок.

Закурив сигару и поглядѣв на свои розовые, отшлифованные ногти, он спросил;

— Лавр Георгіевич, каково положеніе на фронтѣ? Что говорят послѣднія сводки?

— Никогда еще ни одна армія не была в таком постыдном положеніи,—отвѣтил главковерх, — постыдном и, вообще, я бы сказал: это что то дико-чудовищное! Армія перестала существовать, как боевая сила, не от натиска, не от пораженія, а от агитаціи. . . Рига может пасть со дня на день.

— Как?—удивился бы, если бы мог удивляться этот холодный, выдержанный человѣк.—Там жиденькая цѣпочка нѣмцев, наша же Двѣнадцатая армія самая многочисленная изо всѣх.

— Да, мы кормим 600.000 ртов на Рижском фронтѣ,—согласился Корнилов,—в окопах же наших еще болѣе жиденькая цѣпочка, чѣм у нѣмцев. Неудивительно, если в этих же самых окопах агент прапорщик Сиверс издает для солдат коммунистическую газету.

— А почему вы не прикажете его арестовать?

— Я приказал большее: повѣсить его, но он пронюхал об этом и скрылся. . .

— А на австрійском фронтѣ?

— На австрійском начинается выздоровленіе. Особенно послѣ разстрѣлов. Солдатскія орды превратятся вновь в армію, но при одном условіи: при уничтоженіи совѣта рабочих депутатов. Пока там у вас, в Петербургѣ, имѣется этот гнойник, мы безсильны, и не только Ригу, но и коротким ударом нѣмцы могут взять Петроград.

В послѣднее сам Корнилов не особенно вѣрил и сам не особенно допускал, но ему нужен был моральный эффект и он достиг своего. Блѣдное, как бы застывшее навсегда, мало подвижное лицо Савинкова отразило какое-то подобіе волненія.

— Паденіе Петрограда? Столицы? Это был бы неслыханный скандал и позор! Что сказали бы наши союзники? Нѣт, нѣт, этого не может быть.—И холодные свѣтлые глаза Савинкова встрѣтились с узенькими монгольскими глазками Корнилова.

Корнилов пожал плечами.

— В Петроградѣ сто двадцать тысяч облѣнившихся, развращенных шкурников в военной формѣ и,— ни одного солдата! Кто мог бы оказать сопротивленіе нѣмцам? Юнкера? Но грѣшно и преступно посылать на убой лучшую военную молодежь, эти наши кадры нашего будущаго, с тѣм, чтобы растлѣнная, облѣнившаяся сволочь продолжала тунеядствовать и грабить. . .

— Да, это болѣе чѣм страшно...—задумался военный министр —Тогда. . . тогда отчего бы вам, Лавр Георгіевич, не усилить петроградскій гарнизон какими нибудь свѣжими, боеспособными частями?

— Это единственный выход,—отвѣтил Корнилов.

И оба помолчали, глядя друг на друга. И теперь только Савинков понял, что Корнилов сознательно преувеличивает опасность и что усилить петроградскій гарнизон желает не столько против нѣмцев, сколько для расправы с совѣтами...

И хотя в этом же самом кабинетѣ, на ту же самую тему, эти же самые собесѣдники уже поднимали

разговор, но чувствовалось, что Корнилов потому ходит вокруг да около, что не довѣряет Савинкову. Для него Савинков, хотя и не Керенскій, конечно, хотя и стоящій за дисциплину в войсках, но все же революціонер, существо мало понятное и чуждое.

Савинков рѣшил разбить лед сомнѣній. А это он умѣл при желаніи. Голос его зазвучал подкупающей теплотой:

— Лавр Георгіевич, я, как говорят французы, человѣк „трудный". Я, вообще, мало кого уважал в своей жизни, но вам я отдаю должное. Вы большой солдат и большой патріот... Вы научили меня думать о генералах нѣсколько иначе, чѣм я думал до сих пор. Дадим же друг другу Аннибалову клятву дѣйствовать вмѣстѣ плечом к плечу во имя Россіи! Сбросим маски, сбросим иносказательность. Наши мысли сводятся к одной точкѣ — Смольный. Вашу руку!..

И через письменный стол потянулись и соединились в пожатіи крупная, холеная, узкая рука военнаго министра и маленькая смуглая рука главковерха.

Савинков прибавил:

— Александр Федорович с нами. Я убѣдил его, убѣдил наконец, что невыносимо глупо и унизительно положеніе временаго правительства рядом с совдепом, этим филіальным отдѣленіем германскаго штаба. И от имени его, Александра Федоровича, я пріѣхал к вам и его именем говорю: давайте общими силами раздавим гадину! Как это вам рисуется технически? Уцѣлѣли еще от разложенія части, на которыя вы могли бы положиться безусловно?

Соображая, Корнилов сузил свои и без того узкіе глаза.

— Что же, я могу поручиться за нѣсколько ударных моего имени батальонов. Но, во первых, они необходимы на фронтѣ. Как организованная физическая и моральная сила, они исполняют обязанности заградительных отрядов. А затѣм, вѣдь ударные батальоны — пѣхота, в таких же стремительных захватах городов, не укрѣпленных и не защищенных, необходима конница.

Да она и больше бьет по воображенію... обывательскому воображенію, — добавил верховный.

— Это вѣрно, — согласился военный министр, — в декоративном отношеніи один всадник эффектнѣе десяти пѣхотинцев. Но какія же именно кавалерійскія части вы имѣете в виду? Гвардію?

Корнилов отрицательно покачал головой.

— К моему глубокому изумленію гвардейская конница так разложилась, как и ожидать нельзя было! Помните, вы пріѣзжали ко мнѣ в Бердичев, я командовал юго-западным фронтом, а вы были нашим комиссаром? Помните, на вокзалѣ караул из кавалергардов? Развѣ можно было узнать в этих всклокоченных, немытых, заросших волосами, в разстегнутых гимнастерках людях, — недавних подтянутых красавцев, по выправкѣ и по внѣшности не знавших во всем мірѣ никого и ничего равнаго себѣ? Изо всей гвардейской конницы дисциплинированы еще кирасиры .. его величества, — машинально, по старой привычкѣ сказал Корнилов и поправился: — желтые кирасиры, и только благодаря доблестному командиру своему князю Бековичу-Черкасскому. Вся же остальная гвардейская конница никуда и ни за кѣм не пойдет. Да то же самое и из армейской я не вижу возможности набрать надлежащій вѣрный кулак. Вся надежда на Дикую дивизію.

— Это немыслимо, — запротестовал Савинков.

— Почему?

— Недопустимо, чтобы кавказскіе горцы освобождали Россію от большевиков. Что скажет русскій народ?

— Спасибо скажет! Когда вы, Борис Викторович, за революціонную работу свою сидѣли в тюрьмѣ, не все ли равно было вам, кто открыл бы вашу камеру для побѣга, русскій, или татарин? Я думаю, все равно, лишь бы унести свою голову. Так и здѣсь.

— Отчасти вы правы, но... — И послѣ нѣкоторой паузы, Савинков произнес то, что было для него настоящим поводом для нежеланія бросить на Петроград Дикую дивизію. — Видите-ли, подавляющее большин-

ство офицеров этой дивизіи, всѣ эти кавказскіе и русскіе князья, элементъ монархическій, реакціонный. Дорвавшись до Петрограда, они начнут вѣшать всѣх инакомыслящих...

— Если они перевѣшают совѣт рабочих депутатов, честь им и слава!

— Да, но, войдя во вкус, они могут не ограничиться совѣтом. Навѣрно так и будет. Они за компанію вздернут и временное правительство, а это повело бы к возстановленію монархіи.

— А, ты боишься за собственную холеную шкуру! — подумал Корнилов и продолжал вслух:

— Нѣт, почему-же? На временное правительство никто не посягнул бы. А за Дикую дивизію я прежде всего вот почему: мой приказ или должен быть выполнен, или его нельзя отдавать. В Дикой дивизіи я увѣрен. Мой приказ они выполнят. Она пойдет, дойдет и войдет.

Увидѣв, что Савинков все еще колеблется, а без него никакія рѣшенія не могут быть приняты, Корнилов постарался найти компромисс.

— Хотя я и не согласен с вами, но дабы не было впечатлѣнія, что Россію спасают одни только горцы Сѣвернаго Кавказа, я могу параллельно двинуть конный корпус... В относительном порядкѣ находятся еще части генерала Крымова. Вы его знаете. Отличный боевой генерал. А его убѣжденія никак нельзя назвать крайне правыми.

— Генерал Крымов внѣ подозрѣній, — подтвердил Савинков, — лично я, однако, предпочел бы одного генерала Крымова без Дикой дивизіи.

— Дикая дивизія, — своего рода страховка. А что, если корпус Крымова не дойдет? Я надѣюсь на него, но полной вѣры у меня нѣт. Провал же всей этой карательной экспедиціи грозит полным крушеніем и тыла, и фронта. Это была бы уже катастрофа.

— Пусть будет так! — скрѣпил Савинков. — Когда вы считаете удобным выступить?

— В сентябрѣ, послѣ Московскаго совѣщанія, которое, конечно, не приведет ни к чему и будет лишь одним лишним морем митинговой и полумитинговой болтовни...

VII

Паника в разбойничьем притонѣ

Этот человѣк вел двойную жизнь в сумбурном, запакощенном, опаршивѣвшем, но все еще величавом Петербургѣ. Двойную жизнь. Одну под именем барона Сальватичи в свѣтских гостиных, другую под болѣе демократическим именем товарища Сакса в Смольном, в совѣтѣ рабочих депутатов.

Безукоризненно одѣвшись у Калина, с моноклем в глазу — это придавало ему еще болѣе хищное выраженіе — барон Сальватичи плел какую то сложную интригу в аристократических кругах, напуганных и пришибленных революціей. „Надо перетерпѣть. Дѣйствительность ужасная, будет еще ужаснѣе — обѣщал он и тут же спѣшил успокоить — но не надолго. От Керенскаго нельзя сразу перейти к порядку и успокоенію Нельзя. Надо пустить к власти большевиков. На двѣ недѣли, на мѣсяц самое большее, но это необходимо. А тогда их сметет новая сила и в Россіи вновь будет монархія".

Хотя барон Сальватичи не договаривал, но всѣ понимали: эта новая сила — нѣмцы! Он гипнотизировал собесѣдников и собесѣдниц своей внѣшностью, своей таинственностью, своим благовоспитанным апломбом и, пожалуй, самое главное, своим могуществом.

Матросская вольница, или банда анархистов, вселяется в чью-нибудь квартиру, непремѣнно барскую, начинает ее грабить. Тщетно взывает хозяин, бывшій сановник, или генерал адъютант к судебным властям, или даже к „самому Керенскому"... Но и судебныя власти, и „сам" Керенскій — безпомощны. Матросы и

анархисты глумятся и над республиканским прокурором, и над Бонапартиком в бабьей кофтѣ.

Но вот барон Сальватичи нажимает какія то невѣдомыя пружины, и наглыя банды покорно уходят из „соціализированных“ квартир.

Вот почему в салонах слѣпо вѣрили этому барону. Так и надо, так и должно быть: от Керенскаго переход к успокоенію и порядку невозможен. Необходим промежуточный этап в лицѣ большевиков. А потом придут стройныя желѣзныя фаланги в касках с остроконечными шишаками и появится в изобиліи на рынкѣ и хлѣб, и мясо, и можно будет выходить из дому, не рискуя быть ограбленным или убитым.

В Смольный пріѣзжал товарищ Сакс уже не в костюмѣ от Калина, а в англійском френчѣ, в широких бриджах и в желтых ботинках с матерчатыми обмотками защитнаго цвѣта.

В совѣтѣ рабочих депутатов товарищ Сакс был крупной фигурой. Даже нахальный, избалованный популярностью своей в преступных низах Троцкій и тот был как-то особенно почтителен с товарищем Саксом и не задирал кверху клок своей бороденки, а опускал голову книзу, с собачьей угодливостью поблескивая глазами из под стекол пенснэ.

Смольный институт, выпустившій цѣлыя поколѣнія чудных русских женщин, этот архитектурный шедевр великаго Растрелли, теперь загрязненный, заплеванный, наводненный всяким сбродом, напоминал разбойничій притон. Туда свозили арестованных буржуев, свозили большіе запасы муки, вина, консервов, и, вообще, всякаго продовольствія.

Пыхтѣли грузовики, сновали взад и вперед вооруженные до зубов солдаты, матросы и темные штатскіе. Это скопище нѣмецких агентов, выпущенных из тюрем каторжников, военных, писателей, адвокатов и фельдшеров издавало декреты, совершало чудовищныя беззаконія и допрашивало министров временнаго правительства, заподозрѣнных в недостаточной революціонности. И министры отчитывались, как напроказившіе школьники, боясь на лучшій конец ареста, на худшій—

самосуда этих увѣшанных револьверами, пулеметными лентами и ручными гранатами дегенератов с брилліантовыми перстнями на пальцах и с золотыми портсигарами с графскими и княжескими коронами.

И вот этот налаженный, самоувѣренный разбойничій быт нарушен.

В паникѣ заметался Смольный:

— Корнилов бросил на Петроград своих черкесов!

— Этот царскій генерал желает утопить революцію в крови рабочих!

— Предатель Савинков заодно с Корниловым!

— Арестовать Савинкова!

С грохотом помчались набитые матросами грузовики. Но Савинкова нигдѣ нельзя было найти. Он исчез.

— Подать Керенскаго сюда!

Сѣроземлистый, дрожащій, примчался Керенскій в Смольный, на автомобилѣ императрицы Маріи Федоровны. Троцкій с поднятым кверху клоком бороденки, топал ногами, орал:

— Вы продались царским генералам! Вы отвѣтите за это перед революціонной совѣстью!

Керенскій оправдывался, как мог. Его революціонная совѣсть чиста. Он сам только что узнал об этом реставраціонном походѣ на Петроград. Вернувшись в Зимній дворец, он выпустит воззваніе ко „всѣм, всѣм, всѣм,“ гдѣ заклеймит Корнилова измѣнником и предателем.

Пообѣщав прислать воззваніе в Смольный для корректуры, Бонапартик отправился сочинять свое „всѣм, всѣм, всѣм“ в сотрудничествѣ с Некрасовым.

Кричали о защитѣ Петрограда, этой красной цитадели о сопротивленіи до послѣдних сил, до конца, но никто не вѣрил ни в красную цитадель, ни в сопротивленіе.

Депутаты, воинственными возгласами своими потрясавшіе монументальные своды Смольнаго, имѣли уже „на всякій случай“ в карманѣ фальшивый паспорт, дабы, когда корниловскіе черкесы будут на подступах

красной цитадели, успѣть прошмыгнуть через финляндскую границу,

О, если бы можно было взглядом убивать! Депутаты, удирая, на прощанье убили бы сотни тысяч ненавистных буржуев, с нетерпѣнiем ожидающих „банды корниловских дикарей", чтобы забросать их цвѣтами.

И у депутата Карикозова лежал в карманѣ чужой паспорт на чужое имя, но эта карикатурная фигура в черкескѣ, с большим кинжалом и с большим красным бантом, проявляла необузданный темперамент и горячилась больше всѣх:

— Я их знаю, туземцы! А кто их знает — не боится! Дикая дивизiя? Я сам Дикая дивизiя! Я три Георгiевскiй крест имѣл, только я бросал этот игрушка от кроваваго Николай. Я буду рѣзить, вва, я буду рѣзить всѣх! Ингуши, чеченци, кабардинци, татари, дегестанци, черкесы! Всѣ буду рѣзить, — с искаженным лицом, изступленно выкракивал экс фельдшер Дикой дивизiи и в видѣ финала, вытаскивал огромный кинжал свой, слюнил палец, и проводил им по лезвiю клинка, закатывая глаза, и рыча, и скрежеща зубами.

Даже обступившим его матросам с еще не высохшей на них кровью измученных ими морских офицеров, даже этим холодным убiйцам становилось жутко.

— Вот парнишка! Хват! Ну и звѣрь же! Этот покажет корниловцам! Даром что плюгавый.

Пожалуй, один товарищ Сакс ничего не выкрикивал, ничего не обѣщал, ничѣм не похвалялся. А между тѣм, когда всѣ депутаты заняты были одним — спасенiем своей депутатской шкуры, товарищ Сакс чувствовал себя на краю зiяющей политической бездны.

Если Корниловское наступленiе увѣнчается успѣхом, оно оздоровит армiю, и тогда дружным натиском с востока и запада союзники раздавят австро германцев.

Едва-ли не впервые спокойный, выдержанный барон Сальватичи потерял голову. Ему приходилось подбадривать себя кокаином. Он понимал, что вооруженной си..ой не остановить туземный корпус. Нѣт ея, этой

вооруженной силы. Есть растлившійся гарнизон, не желающій ни с кѣм воевать, ни с бѣлыми, ни с красными. Ни с кѣм! Тысяча другая озвѣрѣлых матросов? Но кому вести их в бой? Да и не знают они сухопутнаго боя эти опьяненные собственным величіем, буржуазной кровью и награбленными бриллiантами декольтированныя, завитыя, напудренныя и напомаженныя гориллы...

Рѣшается судьба двух Имперій. Эту судьбу несут с собой двѣ, три тысячи всадников на азіатских сѣдлах и с азіатскими методами войны. . .

В момент этих поистинѣ трагических размышленій, в комнату 72, занимаемую бароном Сальватичи в Смольном, вошел не постучавшись Карикозов.

— Как вы смѣли? Убирайтесь к чорту!

— Погоди, послюшай. Тебѣ лицо горит и мнѣ горит. . .

— Что за чепуха! Не до вас мнѣ! Убирайтесь!

— Имѣй терпѣнье,—продолжал, не двигаясь Карикозов.—Тугарин помнишь? нагайка тебѣ ударил! Отомстить хочешь? Тугарин любовница гражданка Алаев арестовать надо. Из Петроград увести. Тугарин с дивизіям придет, нѣт душенька его. И я припомню, как меня ингуши нагайкам бил по его приказ. Давай ордер, что-ли, пока есть время. Чего думать, давай! Тебѣ легче будет, мнѣ легчѣ. Обоим легко будет!

Товарищ Сакс подписал ордер на предмет ареста „гражданки Алаевой за соучастіе с Корниловым и за тайную связь с его агентами".

Экс-фельдшер, взяв с собою пять вооруженных матросов, помчался к таврическому саду на мощной великокняжеской машинѣ.

VIII

В чьи руки попала Дикая дивизія

Между знаменательным посѣщеніем Ставки военным министром Савинковым в началѣ августа и движеніем на Петроград Туземной кавказской дивизіи успѣло состояться так называемое „Московское совѣщаніе".

Это была попытка объединить правыя и лѣвыя теченія русской общественности, попытка найти один язык в борьбѣ с внѣшним врагом в лицѣ австро-германцев и внутренним, еще болѣе угрожающим и опасным,—в лицѣ большевиков.

Съѣхались на это совѣщаніе министры временнаго правительства во главѣ с Керенским, члены Государственной Думы во главѣ с Родзянкою, представители офицерскаго корпуса во главѣ с генералами Алексѣевым, Корниловыи и Калединым и, наконец, делегаты петроградскаго совѣта рабочих и солдатских депутатов,—трудно даже сказать во главѣ с кѣм, так как „головка" благоразумно уклонилась от присутствія на Совѣщаніи, боясь быть арестованной. Был слух, что к этим московским дням пріурочен „генеральскій переворот".

Дѣйствительно, это был весьма удобный момент для переворота и захвата власти тѣми, кто желал бы и мог бы, физически мог бы, остановить Россію на краю бездны.

Надеждою на переворот была насыщена вся Москва. Тысячи офицеров, патріотически настроенная молодежь военных училищ, ударные батальоны, казаки— всѣ в этот момент только и ждали сигнала. Москва была готовым взорваться пороховым погребом. Оставалось лишь поднести зажженный факел.

Имя факелу этому было „Корнилов“. Как національнаго вождя, как полубога, встрѣтила его Москва когда пріѣхав из Ставки, он показался на улицѣ со своим конвоем из вѣрных текинцев. Его забросали цвѣтами. Юнкера изступленно кричали „ура“. Одно его слово, одно лаконическое приказаніе, и преступно-революціонная власть была бы сметена, и совѣтскіе депутаты сидѣли бы в тюрмѣ в ожиданіи военно полевого суда, а не сидѣли бы развалясь, в ложах Большого театра, откуда с хамскою наглостью перебивали рѣчи и самого Корнилова, и остальных генералов. Увы! Корнилов, этот доблестный, отважный солдат и вождь не был рожден диктатором, иначе он, шутя, овладѣл бы Москвою, и тогда паническій красный Петроград не пришлось бы даже и брать: он сам упал бы к ногам диктатора.

И потому что Корнилов не сумѣл использовать московскаго момента, поэтому и поход на Петроград осуществил он совсѣм не так, как сдѣлал бы это диктатор „Божьей милостью“.

Овладѣніе революціонной столицей требовало двух вещей—личнаго риска и личнаго авантюризма.

Чрезмѣрная добросовѣстность внушила Корнилову:

— В виду операцій на внѣшнем фронтѣ, я не могу покинуть Ставки.

А именно слѣдовало покинуть Ставку, на нѣсколько дней довѣрив внѣшній фронт начальнику штаба, генералу Лукомскому. Лукомскій отлично справился бы с этим. К тому же в это время была лишь одна „видимость“ фронта; и хотя русскія позиціи были почти обнажены, нѣмцы не предпринимали ничего, ожидая, пока русская армія не развалится окончательно.

Что надлежало сдѣлать Корнилову? Как поступил бы подлинный диктатор со вкусом и аппетитом к власти на мѣстѣ этого человѣка с лицом китайскаго божка?

Надѣв декоративную черкеску и такую-же декоративную бѣлую папаху, Корнилов сам должен был вести наступленіе на Петроград, грозное, стремительное, не

дающее опомниться. Он сам — впереди всѣх, со своими текинцами, — эффектный, бьющій по воображенію авангард, — и тотчас за этим авангардом вся Дикая дивизія.

Можно-ли сомнѣваться в успѣхѣ, надо ли пояснять всю его головокружительность?

Корнилов не сдѣлал этого. Он остался в Могилевѣ, а себя незамѣнимаго, замѣнил князем Багратіоном.

Лютый враг не подсказал бы худшаго выбора. Генерал князь Дмитрій Петрович Багратіон являл собой полное ничтожество и как человѣк и как воин, вообще, и как кавалерійскій генерал, в частности.

Сначала, командуя бригадой Дикой дивизіи, а потом и всей дивизіей, Багратіон не был ни разу не только в бою, но даже и в сферѣ артиллерійскаго огня.

Дальше своего штаба он ничего не знал и не видѣл. Даже перспектива заслужить Георгіевскій крест не могла побѣдить его трусость.

Один из близких ему офицеров почти умолял его:

— Ваше сіятельство, только покажитесь в зонѣ огня, и вас ждет Георгій!

— Ну, какіе там пустяки! Пойдем лучше завтракать, — с улыбкой возразил высокій, стройный, красивый, с пепельной сѣдиною Багратіон.

Этот человѣк, в жизни своей не командовавшій даже такой маленькой единицей, как эскадрон, получив дивизію, оказался совершенно безпомощным.

А когда разразилась революція, помимо трусости физической, он обнаружил еще и трусость гражданскую. Вчерашній монархист — и какой монархист! — он сразу стал подлаживаться под Керенскаго и под Смольный.

Будь его дивизія не туземной кавказской, а обыкновенной армейской, он в усердіи своем насадил бы в ней комитеты и она развалилась бы в нѣсколько дней.

Начальник штаба дивизіи, болѣе умный и хитрый, полковник Гатовскій, цѣликом прибрил Багратіона к

своим холенным, надушенным рукам. Бездушный, безпринципный карьерист Гатовскій рѣшил сыграть на революціи и выдвинуться. Для этого у него имѣлся козырь: недавнее разжалованіе из полковников в рядовые. На солдатских митингах свое разжалованіе он объяснил так:

— Товарищи, я сам при Николаѣ пострадал за правду! Я был разжалован им за то, что боролся за ваши солдатскія нужды. Я, как вы, сидѣл в окопах и кормил собою вшей!

Гатовскіи опускал маленькую подробность: будучи нѣсколько мѣсяцев на солдатском положеніи, в окопах он ни разу не сидѣл, а летал в качествѣ наблюдателя на аэропланѣ. Он и под солдатской гимнастеркою носил шелковое бѣлье, к которому никогда никакія вши не пристают. А разжалован Гатовскій был вот почему и при каких условіях:

На Рижском фронтѣ дѣйствовал на правах корпуса так называемый „особый кавалерійскій отряд князя Трубецкого.“ Князь Трубецкой, Юрій, — его называли Юріем Гордым, — бывшій командир собственнаго его величества конвоя, большой сибарит и сноб, как кавалерійскій генерал едва ли уступал даже князю Багратіону. Всѣм ворочал наглый и самовлюбленный Гатовскій. Одной из бригад в отрядѣ командовал принц Арсеній Карагеоргіевич, брат покойнаго короля сербскаго Петра и брат благополучно здравствующаго короля Александра...

Принц Арсеній, отважный кавалерист, участник нѣскольких войн, попал в немилость к начальнику штаба. Гатовскій придирался к генералу Карагеоргіевичу и давал его бригадѣ самыя нелѣпыя и невыполнимыя задачи, посылал ее на завѣдомо безславное истребленіе безо всякой пользы для боевой обстановки.

В концѣ концов, чаша терпѣнія переполнилась у принца Арсенія и он наотрѣз отказался выполнить очередной приказ начальника штаба. Гатовскій перед фронтом наговорил принцу дерзостей, а принц, горячій, самолюбивый, обозвал его трусом и нѣсколько раз ударил его стеком по лицу и по головѣ...

Гатовскій убѣжал и спрятался.

Скандал вышел слишком громкій, чтобы его можно было замять. Принц Арсеній отстранен был от командованія бригадой, получив другое назначеніе, а Гатовскій был разжалован в рядовые. Так он пострадал „за правду при Николаѣ.“ Разжалованіе ничего ему не принесло, кромѣ новых лавров О нем заговорили. За свои наблюдательные полеты и сбрасываніе бомб на безмятежно пасущухся коров, да и то в своей собственной, а не в непріятельской зонѣ, он получил два солдатских Георгія, а с этими Георгіями и с академическим значком щеголял на Невском проспектѣ во дни своих частых визитов в Петроград.

А через нѣсколько мѣсяцев он высочайше возстановлен был во всѣх правах, вновь надѣл полковничьи серебряные погоны свои с двумя черными полосками и устроился начальником штаба в Дикую дивизію.

Дивизія эшелон за эшелоном двигалась на Петроград, а Гатовскій и Багратіон оставаясь в глубоком тылу, заняли выжидательную позицію. Гатовскій истолковывал ее так:

— Если дивизія займет Петроград, побѣдителей не только не судят, а, наоборот, возносят. Вознесемся и мы! Если же авантюра потерпит крах, у нас будет оправданіе и перед Керенским и перед совѣтом рабочих депутатов. Мы скажем, что мы не только не шевельнули пальцем для завоеванія Петрограда, а, наоборот, всячески тормозили движеніе дивизіи неопредѣленными и сбивчивыми приказаніями...

IX

„А счастье было так возможно, так близко. . .“

Эшелоны продвигались на сѣвер.

Желѣлнодорожники не чинили препятствій. Не потому, что не хотѣли, а потому, что боялись этих офицеров в кавказской формѣ и этих всадников, таких чуждых, не говорящих по русски.

И желѣзнодорожники с тупой, напряженной злобою давали паровозы, пропускали поѣзда с товарными вагонами, гдѣ перемѣшались и маленькія нервныя лошади и такіе же нервные, смуглые, нездѣшніе бойцы с их непонятной, гортанной рѣчью.

В головѣ эшелонов двигалась бригада—Ингушскій и Черкесскій полки под командой князя Александра Васильевича Гагарина.

Гагарин всю свою жизнь провел в армейской кавалеріи и всю жизнь был отличным строевым офицером, чему нисколько не мѣшали ни его кутежи, ни его долги. Добровольцем уѣхал на японскую войну и там отличился. А теперь это был генерал лѣт шестидесяти, с коричневым лицом, сизым носом и с неуклюжей походкой стараго кавалериста. На лошади князь преображался и молодѣл.

Вдоль маленькой станціи, двухэтажной, деревянной, с неизмѣнной кирпичной башнею водокачки, вытянулся эшелон. Гагарин, тяжело ступая ревматическими ногами, прохаживался по платформѣ с нѣсколькими офицерами. Сквозь широкіе квадраты зіяла внутренность товарных вагонов. Там стояли и сидѣли, свѣсив ноги наружу, всадники. Пофыркивали лошади, глухо ударяя копытами о деревянный помост.

Через час будет подан паровоз и эшелоны, один за другим, будут подтягиваться к Гатчинѣ. А еще с ночи и к самой Гатчинѣ, и к ея флангам брошены были разъѣзды не только черкесов и ингушей, но и других полков дивизіи... И от них, как и от разъѣздов своей бригады, князь Гагарин получал донесенія.

И в это солнечное августовское утро приближался вдоль полотна скачущій на взмыленной лошади всадник. На послѣдок огрѣл коня плетью, спружинившійся конь одним броском очутился на шпалах, и всадник подлетѣл к остановившейся группѣ офицеров, с чисто горским молодечеством круто осадив коня, хищным кошачьим движеніем соскочил и, приложив руку к папахѣ, подал Гагарину клочек бумаги.

Князь вслух прочел карандашныя строки:

„Доношу вашему сіятельству, что с десятью всадниками занял Гатчину и захватил артиллерію. Великаго князя в Гатчинском дворцѣ не оказалось. По слухам, его высочество отвезен в Петроград. Что дѣлать дальше?

Корнет Тлатов".

Веселым смѣхом встрѣчена была эта реляція. Гатчину с ея гарнизоном в нѣсколько тысяч захватил разъѣзд из нѣскольких всадников. Ясно, что о сопротивленіи никто и не помышлял. С токой же легкостью должен пасть и Петроград.

Лицо Гагарина одинаково спокойное и в бою и в мирной обстановкѣ, не отразило ничего. Он только сказал:

— Карандаш и бумагу.

Кто-то протянул карандаш, кто-то вырвал из записной книжки листик, а третій кто-то подставил свою полевую сумку. И Гагарин дрожащей рукою набросал:

„Корнету Тлатову. Удерживайте Гатчину до нашего прихода.

Генерал-маіор князь А. Гагарин."

С такой же легкостью, с таким же приблизительно количеством всадников, без потерь с обѣих сторон занимали разъѣзды Дикой дивизіи подступы к Петро-

граду. Блестящее начало, сулившее такой же блестящій конец. И офицеры, вообще, и офицеры, окружавшіе князя Александра Васильевича, настроены были оптимистически, и на этом безоблачном, как ясная лазурь небес, оптимизмѣ была единственная тучка — медлительность.

Всѣ в единодушном порывѣ горѣли желаніем молніеноснаго удара.

Да и сам Гагарин, этот поживщій генерал с молодой, пылкой, крѣпкой душою, высказывал

— Я кавалеристом был всю свою жизнь и умру им! А штаб дивизіи дѣлает из меня какого то дипломата. „Продвигайтесь“, внимательно считаясь с обстановкой. Соблюдайте политику с желѣзнодорожниками,“ Какая обстановка? Что там еще за политика? Мнѣ дан приказ. Я его выполняю. Если бы желѣзнодорожники вздумали мнѣ препятствовать, я вѣшал бы их тут же, на станціи. Потом еще Гатовскій сегодня, именем генерала Багратіона приказывает мнѣ ждать в Гатчинѣ дальнѣйших распоряженій. Я этот гатчинскій антракт для дѣла считаю вредным. Только в непрерывном движеніи сохраняется дух для послѣдняго рѣшительнаго удара.

Всѣ кругом возмущались штабом дивизіи, из своего глубокаго тыла весьма двусмысленно и сбивчиво руководившаго наступленіем.

— Ваше сіятельство, разрѣшите вам доложить, — молвил Тугарин, — эта лисица Гатовскій ведет какую-то двойную игру. Слѣдовало бы, порвав с ним всякую связь, итти безо всяких антрактов, а если, судя по донесеніям, за Гатчиной разобран путь, это не существенно. Сорок верст до Петрограда сдѣлаем походным порядком.

Тугарина поддержал Баранов:

— Конечно, походным порядком! Конечно порвать всякую связь! Надо считаться с психологіей туземцев. Они темпераментны и нервны; бездѣйствіе вліяет на них сначала угнетающе, а потом разлагающе. Да и мало ли какія могут еще выявиться вдруг внѣшнія причины. Теперь такое время: каждый час

может поднести самыя нежданныя, негаданныя сюрпризы.

Молча слушал Гагарин. Он был согласен и с Тугариным, и с Барановым и с остальными, кто молча одобрял их. Разумѣется, правда на их сторонѣ, но без малаго сорок лѣт офицерской службы впитали в плоть и кровь Гагарина подчиненіе прямому начальству. Он не мог понять, как это можно не выполнить приказ и в то же время понимал, что от удачи или неудачи похода зависит судьба Россіи.

Патріот-монархист боролся в нем с дисциплинированным солдатом и, колеблясь, не взяв еще опредѣленнаго рѣшенія, он отклонил его до Гатчины. Там будет видно, — успокаивал он себя.

А на станцію прибывали из Петрограда нѣкоторые офицеры Дикой дивизіи — офицеры, которым мучительно хотѣлось наступать вмѣстѣ с дивизіей на Петроград.

Всѣм легко удалось прорваться. Они сообщали свѣжія новости: Керенскій мечется в истерикѣ. Ищет спасенія в объятіях большевиков и наводнил Зимній дворец матросами с крейсера „Аврора", запятнавшими себя недавно чудовищными злодѣйствами. Эти матросы забрызганы свѣжей, еще не успѣвшей высохнуть кровью, кровью своих же офицеров, поголовно вырѣзанных и замученных ими. Убійцы с „Авроры" несут в Зимнем дворцѣ всѣ внѣшніе и внутренніе караулы вмѣсто юнкеров. Юнкера под подозрѣніем в сочувствіи Корнилову и глава временнаго правительства не довѣряет и ему.

В штабѣ петербургскаго военнаго округа паника. Там не скрывают своей обреченности: „Придут туземцы и всѣх нас перевѣшают."

К сожалѣнію, главные агенты Корнилова, получившіе крупныя суммы для поднятія возстанія в самом Петроградѣ, оказались далеко не на высотѣ. Это генерал Шлохов и инженер Фисташкин. Их нигдѣ нельзя было найти, и только случай помог напасть на их слѣд. Они двѣ ночи кутили на „Вилла Роде", для дѣла палец о палец не ударив. Из трусости или из

каких-нибудь других соображеній, эти господа не вошли в соприкосновеніе ни с военными училищами, ни с офицерскими организаціями. Они перенесли свою штаб квартиру на „Вилла Роде“. Там они проявляют большую активность.

Смольный, обыкновенно такой шумный, разгульный — вымер. Живой души нѣт! Депутаты похрабрѣе сидят на Финляндском вокзалѣ, готовые в любой момент к бѣгству. К услугам их поѣзд, стоящій под парами. Депутаты менѣе храбрые уже очутились в Бѣлоостровѣ, на самой границѣ.

Оборона Петрограда болѣе чѣм смѣхотворна. Министр земледѣлія Чернов руководит установкою батарей. Что можно еще прибавить? Вчерашняя подпольная крыса возомнила себя артиллерійским генералом!

Вообще, вѣсти благопріятныя.

Только вечером головной эшалон со штабом бригады подходил к Гатчинѣ, манившей и звавшей во мракѣ своими огоньками.

Перед самой Гатчиной стояли минут двадцать среди поля. В вагон князя вошел Тугарин и доложил через адъютанта о своем желаніи видѣть командующаго бригадой.

— Что скажете? — спросил Гагарин.

— Ваше сіятельство, разрѣшите мнѣ сдѣлать глубокую развѣдку.

— Что вы называете глубокой развѣдкой? До Пулковских высот?

— Значительно дальше, — отвѣтил Тугарин.

— До Нарвских ворот?

— Еще дальше!

Князь понял Тугарин, отчаянная голова, желает побывать в Петроградѣ еще до появленія там авангардов дивизіи. И побывать не как нибудь, а в конном строю, сѣя панику среди лѣвых и окрыляя надеждою девять десятых населенія столицы, измученнаго истерзаннаго безвластіем керенщины и произволом засѣвших в Смольном бандитов. Конечно, желаніе Тугарина риск и безуміе, но развѣ сам он, князь, в молодости не бе-

зумствовал и развѣ, вообще, можно указать предѣл молодечеству и лихости настоящаго кавалерійскаго офицера?..

Он только сказал:

— Не вздумайте взять с собой цѣлую сотню.

— Никак нѣт, ваше сіятельство, самое большее всадников двѣнадцать вмѣстѣ со мной.

— И потом... потом, вы сами понимаете, Тугарин, авантюра головоломная.

Тугарин отвѣтил с каким-то вдохновенным лицом и с ноткою неотразимо проникновенной убѣдительности в голосѣ:

— Ваше сіятельство, послѣ отреченія Государя Императора, послѣ того, что вся эта сволочь сдѣлала с Россіей, уже ничего не страшно.

Князь повернулся к окну и как-то уже слишком внимательно углубился взглядом в мутныя вечернія дали... Затѣм, фыркнув носом, достал платок...

— Черт возьми, насморк схватил! — и, вмѣсто носа, поднес платок к глазам. — Ну, голубчик Тугарин, ступайте! разрѣшить я вам не могу, но и запретить не могу. Оффиціально я ничего не знаю. Ступайте с Богом!

X

Глубокая развѣдка

С Тугариным вызвались в глубокую развѣдку два офицера: корнет Юрочка Федосѣев и прапорщик Раппопорт, петербургскій помощник присяжнаго повѣреннаго. Раппопорт, когда пришел его срок, выбрал Дикую дивизію. Длинная черкеска сидѣла на нем, как подрясник, так одѣвались „по кавказски" еще развѣ Сѣкиро-Сѣкирскій и корнет Кухнов. Но будучи внѣшне забавным, Раппопорт обнаружил совсѣм не адвокатскую смѣлость; его всегда тянуло вперед. Он сам напрашивался в развѣдку. Так было и в данном случаѣ. Он так трогательно умолял взять его, что Тугарин не мог да и не хотѣл отказать.

Из всадников Тугарин выбрал восемь ингушей, сплошь Георгіевских кавалеров, готовых итти за ним хоть на край свѣта. Среди них был семидесятилѣтній Бек-Боров, всадник еще конвоя императора Александра II-го, сухой, цѣпкій наѣздник с крашеной бородой.

С разсвѣта двинулись перемѣнным аллюром по обочинам стараго Гатчинскаго шоссе.

Как ни опереточно была поставлена защита Петрограда, но все же эти одиннадцать всадников шли навстрѣчу полной неизвѣстности. Какая-нибудь засада какого нибудь взвода стойкой пѣхоты могла укрывшись, перестрѣлять их. И несмотря на это, а, может быть, именно поэтому, настроеніе у всѣх было бодрое, приподнятое, охотницкое. И такое же бодрое, солнечное занималось утро в ясной дали и в отчетливых контурах.

По временам Тугарин цейсовским биноклем своим

нащупывал мѣстность, а ингуши острыми глазами горцев видѣли то, что он видѣл в бинокль.

Верстах в двадцати от Гатчины, оставшейся позади, поперек шоссе—тяжелая батарея. Хоботы орудій смотрѣли в землю, и в момент стрѣльбы в землю же неминуемо должен уходить снаряд.

Офицеры хохотали над такой невиданной установкой орудій.

Подъѣхали вплотную, держа на всякій случай винтовки наготовѣ. Но эта предосторожность оказалась совершенно излишней. Солдаты артиллеристы не только не проявили никаких враждебных намѣреній, но встрѣтили разъѣзд болѣе чѣм радушно. По выправкѣ и внѣшности это были кадровые артиллеристы.

— Здорово братцы,—привѣтствовал их Тугарин.

— Здравія желаем, ваше высокоблагородіе!—подтянуто, дружно отвѣтили солдаты.

— Что же это ваши пушки повѣсили носы?

— А это уж не наша забота, — улыбаясь молвил бравый унтер-офицер, — начальство приказало, а нам хоть бы что.

— Какое начальство?

— Новое! Пріѣзжал на машинѣ вольный один, патлатый. . . Бог его знает кто. Назвался, что мужицкій министр он, Чернов по фамиліи. Поставьте, говорит пушки этак. Мы и поставили. Сказывают Корнилов идет. Разогнал-бы эту сволоту. Смотрѣть противно, что дѣлается.

— А сзади вас что?—спросил Тугарин.

— Да там верст за пять рота семеновцев. Тоже у самой сашы.

И дѣйствительно, вскорѣ наткнулись всадники на большую пѣхотную заставу. Шагов за восемьсот пѣхота выкинула бѣлый флаг. Оказалась рота семеновцев, не запасной сброд, а настоящіе, побывавшіе в боях гвардейцы.

И здѣсь то же самое, что и на батарѣе: удовольствіе, что наконец-то „разгонят эту сволоту". Теперь уже не было никаких сомнѣній: Петроград можно голыми руками взять.

— Счастливаго пути!—пожелали семеновцы.

— Увидите, мы возьмем Петроград. Мы, разъѣзд коннаго Ингушскаго полка!—с каким то мальчишеским задором похвалялся Раппопорт.

— Как это дико все, в концѣ концов. Я, помощник присяжнаго повѣреннаго, интеллигент, горожанин, трясусь на высоком азіатском сѣдлѣ, одѣтый в черкеску, которую видѣл раньше только на картинках, а другой такой же как и я помощник присяжнаго повѣреннаго, горожанин и интеллигент сидит в Зимнем дворцѣ, притворяясь, что властвует над Россіей, и мы с ним враги. Мы, какой-нибудь год назад уничтожавшіе бутерброды в буфетной комнатѣ Окружного суда. Развѣ это не дико, развѣ не дико, что я прапорщик Ингушскаго полка, а он глава временнаго правительства?

Не встрѣтив больше на пути никаких батарей, никаких пѣхотных застав, разъѣзд, втянувшійся в предмѣстья столицы, миновал тріумфальную арку Нарвских ворот. Отсюда началось уже соприкосновеніе с Петроградом.

Кучи солдат, бродивших по улицам, одурѣвших от бездѣлья и лузганья сѣмячек, завидѣв всадников в непривычной для глаз формѣ, кидались в первую попавшуюся подворотню, кидались с криком:

— Черкесы пришли!

И это „черкесы пришли!“ бѣжало и вперед и назад, и вправо и влѣво.

Через час другой уже не было в Петроградѣ улицы, не было квартала, гдѣ бы „своими собственными глазами“ не видѣли бы черкесов. Никогда не воевавшіе солдаты и рабочіе говорили об этом со страхом, боясь расплаты за свои безобразія и безчинства. Обыватели, жертвы всѣх этих безобразій, говорили о черкесах с восторгом. Наконец то они сметут заодно и слюнавую керенщину и разбойно-большевицкій совѣт!

Но всѣ, рѣшительно всѣ прятались — и тѣ, что боялись черкесов, и тѣ, что готовы были забросать их цвѣтами. Первые—опасаясь разстрѣла на мѣстѣ, вторые были запуганы и колебались, не зная, чья возмет?..

Тугарин чувствовал себя хозяином положенія. Теперь уже нечего опасаться каких бы то ни было сюрпризов. Лучшій союзник одиннадцати всадников, — навѣянная ими паника. Она создает вокруг них мертвое пространство, она множит маленькій разъѣзд в сотни в тысячи раз.

На Забалканском проспектѣ, у „Серапинской" гостиницы, рѣшено было сдѣлать коротенькій привал и подкрѣпиться. Офицеры и Бек-Боров вошли в ресторан, а ингуши остались коноводами. Через минуту им вынесли пирожков, холоднаго мяса. От водки они отказались, как истые мусульмане. Отказался и Бек-Боров, но офицеры выпили по стакану очищенной.

А минут через десять всѣ были уже на лошадях и, свернув по Фонтанкѣ к Невскому проспекту, увидѣли знаменитых клодтовских коней. Гранитные цоколи их были сплошь заклеены революціонными воззваніями, а одному из античных юношей вставлен был в руку красный флаг. От всего этого разило тупой безвкусицею и пошлостью.

Тугарин хотѣл видѣть Лару, хотѣл унестись к Таврическому саду. Их раздѣляли пять-шесть минут. Но свое личное он приберег напослѣдок: сначала в Смольный, в этот подлый всероссійскій гнойник!

Но Смольный вымер. И там тихо, и там никто не выглядывает из окон. Только над вѣковыми деревьями кружатся с противным карканьем черно синіе вороны.

Депутатская мелкота разбѣжалась, попряталась, депутаты покрупнѣе выжидают событія, одни на финляндском вокзалѣ, другіе почти на границѣ.

Между металлической оградой Таврическаго сада и низенькими флигельками офицерской кавалерійской школы подъѣхали всадники к дому Лары. У дверей стоял швейцар с густыми баками. Узнав Юрочку, он сорвал с головы обшитую галуном фуражку.

— Лариса Павловна дома? — спросил Юрочка.

— Никак нѣт. Ларису Павловну вчера увезли.

— Кто увез? Куда?

— Так что арестовали по ордеру Смольнаго...

XI

Тайна „политическаго кабинета“ на Захарьевской

Наступленіе сначала остановилось, как бы нерѣшительно повиснув в воздухѣ, и затѣм постепенно сошло на нѣт. Оно растаяло не перед, хотя бы, маломальски реальной силой — мы видѣли ее, эту силу! — а перед фантомом. Неудача эта была морально политическою неудачею. Был ли еще хоть один случай в исторіи, чтобы спаянная дисциплиной, воинственная, отлично вооруженная кавалерійская дивизія очутилась в таком же бездѣйственном положеніи перед „пустотою“, в буквальном смыслѣ слова пустотою, гдѣ „черновскія орудія уперлись хоботами своими в землю и пѣхота весело и радостно пропускала разъѣзды „непріятеля“.

Не было, навѣрное не было. И — по многим причинам. Первая и самая главная: генерал Корнилов, лишенный диктаторскаго честолюбія, диктаторскаго темперамента и диктаторскаго тяготѣнія к власти, не повел дивизію сам, а предоставил ее Багратіону и Гатовскому, из коих один был трусом, а другой политиканствующим прохвостом. Эти двое — трус и негодяй — оставаясь в тылу, погубили все. Но можно было бы еще спасти положеніе, если бы князь Гагарин, дотянувшись до Гатчины, посадил бы бригаду на коней и двинулся бы вслѣд за Тугариным, не ожидая приказанія из штаба дивизіи. А когда наконец получил приказ ожидать в Гатчинѣ дальнѣйших распоряженій, не пренебрег этим и самовольно не двинулся вперед.

И еще виноват был генерал Шлохов и инженер

Фисташкин, частью прокутившіе, частью присвоившіе милліон рублей, данных им на возстаніе в самом Петроградѣ.

Керенскій успѣл выпустит и разослать свое „всѣм, всѣм, всѣм", гдѣ клеймил Корнилова измѣнником и контр-революціонером, желающим расправиться с „завоеваніями революціи" под свист чеченских нагаек.

Барон Сальватичи успѣл подсказать своему другу Отто Бауэру, а тот своему другу Виктору Чернову, а Чернов своему другу Керенскому слѣдующее:

— Навстрѣчу дивизіи надо выслать к Гатчинѣ для уговариванія делегацію из туземцев-мусульман . . .

И, собрав кое-как десяток другой мусульман, хорошенько заплатив им из государственнаго банка по ордеру на клочкѣ бумаги, выслали их на грузовикѣ в Гатчину.

Правда, Тугарин не подпустил делегацію близко, но все же отдѣльные члены ея успѣли перекинуться словом с отдѣльными всадниками.

Они убѣждали их:

— Зачѣм вам, кавказским горцам, вмѣшиваться в дѣла русских? Развѣ мало вы навоевались, и развѣ не ждут вас в родных аулах ваши семьи? Довольно! Керенскій отправит вас на Кавказ и еще так наградит — на всю жизнь хватит! . . .

Клин соблазна и раздора был умѣючи вбит, а тут еще неподвижность, бездѣйствіе, могущія разложить самых твердых и стойких.

И вот тогда-то примчались на автомобилях довольные Багратіон и Гатовскій. Багратіон мягко выговаривал князю Алексндру Васильевичу:

— Вот видишь же, друг мой, вѣдь это была нелѣпая авантюра! Так и должно было кончиться. Поѣдем-ка лучше в Петроград. Моя машина быстро, в час, нас домчит. Пообѣдаем в „Асторіи".

Из „Асторіи" Багратіон и Гатовскій поспѣшили в Зимній дворец. Керенскій, благосклонно пожурив их, дал им излиться в вѣрноподданнических чувствах.

Сіяющій вернулся Багратіон в „Асторію".

— А, знаешь, Александр Васильевич, Керенскій

совсѣм не такая фитюлька. С ним можно столковаться. Туземная дивизія будет переименована в корпус, и мнѣ обѣщано, что я прямо отсюда, не выгружаясь, поведу корпус на Сѣверный Кавказ... Кстати, Керенскій желает тебя видѣть...

— Да? — иронически переспросил Гагарин, — но у меня нѣт никакого желанія видѣть господина Керенскаго.

— Напрасно, напрасно, Александр Васильевич! Был царь-батюшка, мы служили ему, а теперь вписана уже новая страница исторіи и ее никак не вырвешь!

Багратіона ждало разочарованіе. Несмотря на всю свою угодливость и гибкость, он был оттерт, и туземный корпус был дан генералу Половцеву. Не потому, чтобы Керенскій питал к Половцеву нѣжныя чувства, а потому, что Половцев был безцеремонно устранен от командованія петербургским военным округом и желательно было теперь его как-нибудь сплавить, но сплавить, позолотив пилюлю.

То же самое, или почти то же самое произошло и с тѣм корпусом, который по другому направленію вел на красную столицу генерал Крымов. Уже по дорогѣ в казачьих частях началось броженіе. Корпус разваливался в вагонах. Даже кое кто из офицеров, самовольно оставив свои полки, поспѣшили в Петроград в чаяніи сдѣлать карьеру, карьеру перебѣжчиков.

Один из этих милостивых государей, ротмистр Данильчук, успѣл даже вернуться на автомобилѣ и не в единственном числѣ, а с полковником Самариным, фаворитом Керенскаго.

Они уговаривали генерала Крымова:

— Ваше превосходительство, было бы безуміем упорствовать! Ваш корпус может с минуты на минуту открыто взбунтоваться. Дикая дивизія застряла в Гатчинѣ. Ставка на Корнилова бита! Спасайся, кто может! Поѣдем же в Петроград. Керенскій уважает вашу доблесть и готов простить вас.

— Готов меня простить? Он меня? За что? — возмутился Крымов. — Да у меня в карманѣ его теле-

грамма, вызывающая мой третій конный корпус в Петроград! И послѣ этого он готов меня простит? Что за гнусная комедія!..

В концѣ концов, Самарин и Данильчук убѣдили потрясеннаго и надломленнаго Крымова поѣхать вмѣстѣ с ними.

Говорили, что объясненіе Керенскаго с Крымовым было бурное и что даже Крымов ударил Керенскаго по физіономіи. Говорили, что послѣ этого в Крымова срѣлял, по одной версіи адъютант Керенскаго, по другой Савинков. Раненый Крымов будто бы вынесен был в автомобиль и отвезен на Захарьевскую 17, в так называемый „политическій кабинет" Керенскаго.

Нѣсколькими часами спустя, уже поздно вечером, к Марьѣ Александровнѣ Крымовой, жившей с дочерью и сыном на Лиговкѣ, в громадном домѣ Перцова, явился ротмистр Данильчук. Крымова знала Данильчука, давно знала с не особенно свѣтлых сторон, знала, что на войнѣ Данильчук сам прострѣлил свою записную книжку а послѣ требовал боевой награды за пулю „чудом пощадившую его жизнь".

Но Крымова почти обрадовалась Данильчуку. Офицер ея мужа! Без сомнѣнія привез какія-нибудь новости. Крымова ничего еще не знала про бурную сцену в Зимнем.

— Гдѣ Александр Михайлович?

Данильчук сдѣлал таинственное лицо и так же таинственно произнес:

— Александр Михайлович?.. Я, как друг вашей семьи... Ну, словом, Марья Александровна, возьмите себя в руки...

— Ради Бога, что с ним?!

— Видите... генерал пытался лишить себя жизни...

— Он жив? — жив? Не мучьте меня!..

— Он был жив... т. е. я хочу сказать, что Александр Михайлович не сразу скончался. Послѣ этого... как бы вам сказать... несчастнаго инцидента он жил еще около четырех часов...

Обезумѣв от горя и бѣшенства, Крымова, готовая растерзать Данильчука, вцѣпилась в его шинель.

— Как же вы могли... как вы смѣли не извѣстить меня тотчас же?

— Марья Александровна, ни слова больше! И стѣны имѣют уши... Ничего не спрашивайте, ни о чем не допытывайтесь, ни с кѣм не говорите... Только при этих условіях вы можете разсчитывать на усиленную пенсію...

Крымова, не слушая, перебила Данильчука:

— Я хочу быть у его тѣла! Везите меня!

— Вот, ей-Богу, какая вы! Я же вам сказал: надо сидѣть смирно и тихо. Тогда все будет хорошо. А когда можно будет допустить вас к тѣлу Александра Михайловича, я вас немедленно извѣщу.. И затѣм еще имѣйте в виду: похороны без всяких демонстрацій! Это желаніе Керенскаго. За гробом можете итти только вы с дѣтьми. Больше никто! Если вы будете слушаться во всем, вы можете разсчитывать на пенсію. Могу вас утѣшить, — узнав про самоубійство Александра Михайловича, Керенскій сказал: „Он поступил, как честный человѣк“.

Допустили только через два дня в Николаевскій госпиталь, гдѣ старшій врач подвел ее к синему, одеревенѣвшему тѣлу под грубой с большим клеймом простыней. Врач показал огнестрѣльную рану на широкой, богатырской груди покойнаго и, убѣдившись, что никого нѣт, объяснил шопотом:

— Странное самоубійство.. очень странное. Обратите вниманіе: края раны не только не обожжены, и у меня впечатлѣніе, что выстрѣл был произведен на разстояніи двух шагов... Да и самое направленіе пули... Самому нельзя так застрѣлиться. Нельзя! Я вам говорю, как женѣ покойнаго, но, прошу вас, это между нами...

Столбняк охватил бѣдную женщину. Через нѣсколько минут молчанія она тихо спросила:

— А гдѣ жа все, бывшее на нем? У мужа всегда набиты карманы бумагами, записными книжками, документами...

— Ничего этого нѣт, — покачал головою врач. — Тѣло доставили, как вы его сейчас видите.

На другой день ротмистр Данильчук исчез и больше его никто никогда не встрѣчал. В этот же самый день полковник Самарин выѣхал сибирским экспрессом, получив в командованіе иркутскій военный округ.

Тайна „политическаго кабинета" на Захарьевской и теперь, спустя 12 лѣт, продолжает оставаться неразгаданной. Как именно погиб Крымов? Кто был при нем в часы его агонійных мук? Куда дѣвались бывшія при нем бумаги и в том числѣ телеграмма Керенскаго, вызывавшая в Петербург третій военный корпус, — все это до сих пор темно, туманно и полно однѣх лишь догадок...

XII

Во власти горилл

Лара изо дня в день озарялась надеждою.

Что-то должно совершиться, должно! Нѣт сил больше ни терпѣть, ни ждать...

Солдаты и чернь громили винные склады. Нагруженные бутылками, зловѣщими силуэтами, какими то двуногими шакалами двигались посреди улицы с пьяным смѣхом и пьяной бранью. О чугунныя тумбы панелей разбивались горлышки бутылок и громилы, напившись до безчувствія, тут же падали замертво.

А Таврическій сад шумѣл своими деревьями, гулял в его гущѣ ночной вѣтер, и никогда эти завыванія не чудились Ларѣ такими безотрадно-тоскливыми.

Вечерами выйти или выѣхать было далеко не безопасно. Грабили с наступленіем сумерек. Царила анархія. Смольный ее поощрял, а временное правительство не могло, да и не смѣло ее обуздать, боясь „народнаго гнѣва".

И когда весь город насыщен был до изнеможенія одним и тѣм же, одной и той же гипнотизирующей мыслью — они уже близко, они идут, идут! — к Ларѣ ворвалась банда мотросов во главѣ с Карикозовым.

Она узнала его тотчас же, узнала, хотя он так теперь был непохож на того смѣшного, трусливаго самозванца, котораго она из жалости посадила за свой стол в кіевском Континенталѣ.

Упоенный своей властью он был груб и нагл, для пущей важности задирал еще выше свой нос-кортофелину, и еще ассиметричнѣй казалось его лицо, перекошенное торжествующей злобой.

И здоровенные, сильные матросы и неказистый

Карикозов одинаково липкими, безстыжими глазами смотрѣли на эту женщину, еще недавно такую недоступную, а теперь бывшую всецѣло в их власти.

— Ну што, ну што, гражданка — сквозь зубы допытывался Карикозов — ждаешь, гражданка, свой туземец? Жди, жди свой прохвост Тугарин, любовник свой!

Она молчала, блѣдная, беззащитная, думая об одном: только бы побороть животный страх свой, побороть мелкую дрожь лица, всего тѣла.

Карикозов продолжал сквозь зубы:

— Он прийдет, а только ты его не увидишь! Нэт. Одѣвайся!

Она стояла, потеряв способность двигаться, мыслить. Что-то глухое, тупое, как столбняк, овладѣло ею.

Карикозов подошел вплотную, обдавая ее зловонным дыханьем.

— Одѣвайся, слышь, тебѣ говору!

И, подхлестывая свою пробудившуюся похоть, он выкрикнул изступленно: „ты красивый блад!“ И он еще нѣсколько раз повторил это ужасное слово.

Матросы захохотали, как жеребцы, и тѣснѣе обступили Лару.

И, может быть. они всѣ, скопом бросились бы насиловать ее, вырывая друг от друга, но у Карикозова были свои особенныя соображенія.

— Товарищи, нельзя! Товарищи, у меня ордер! Нада закон соблудать. Мы она арестуем. Обиск сдѣлать нада! Нѣт ли оружій, документы? Это извѣстни контр-революціонни дѣвка!..

Недолго продолжался обыск. Расхватали всѣ драгоцѣнности, разхватали нѣсколько золотых монет, пачку царских сторублевок, вывели Лару на улицу и, втиснув в машину, помчались к набережной.

Вся эта банда на миноносцѣ доставила Лару в Кронштадт.

XIII

Судьба трех всадников

Кто- то подсказал Керенскому:

— Дикая дивизія, это единственная организованная сила, все еще опасная для революціи, несмотря даже на неуспѣх под Петроградом. Чѣм она будет дальше, тѣм будет лучше для завоеваній революціи. Там, на Кавказѣ, полки разойдутся по своим племенам, и Дикая дивизія отойдет в исторію.

„Умный“ совѣт был подхвачен. Туземцы проѣхали эшелонами своими в сѣверо восточном направленіи все взбаломученное море сумбурнаго россійскаго лихолѣтья. Все это было им чуждо, как чужда была сама Россія. Ея горцы не знали и не понимали. Для них была Россія, покуда был царь, которому они присягали. И за царя они шли и его именем творили чудеса лихости и отваги.

И когда не стало царя, рухнула и власть, коей они подчинялись.

Это было на руку большевикам, со дня на день готовым спихнуть жалкій комочек чего-то безформеннаго, именовавшагося „временным правительством.“ Большевики знали: если казаки и горцы объединятся, это будет грозная сила, и с ней не только не справиться, а она сама властно продиктует свои условія всей остальной осовѣченной и омандаченной Россіи. И не успѣли ингуши вернуться к себѣ, на Кавказ, как тотчас же закипѣла распря.

В нее влился третій элемент—жители курской молоканской слободки, все сплошь распропагандированные большевики. Один вид офицерских погон приво-

дил их в остервенѣніе на ком бы эти погоны ни были —на туземцѣ, или на армейцѣ.

Слобожане вмѣстѣ с казаками образовали „блок" против горцев. Хотя и с казаками им было не совсѣм по дорогѣ, но казаки были вооружены и организованы. Казаки были военные, бойцы, а слобожане только разбойники. Ингушам держаться в самом Владикавказѣ было и невыгодно, и ненужно, и опасно. Они хлынули в свое Базоркино и в Назрань, другой такой же ингушскій городок и разсыпались по аулам. Там они были у себя, и туда уже не дотянуться ни казакам, ни, тѣм болѣе, слобожанам.

Так ингуши, как боевая единица, держались не только до большевистскаго переворота, но и значительно позже.

Своим офицерам не туземцам—а таких было подавляющее большинство—они объявили:

— Живите у нас. Мы вас никому не выдадим, а останетесь во Владикавказѣ, мы за ваши головы не отвѣчаем.

Но было извѣстно, что с фронта пришел во Владикавказ какой-то полуразвалившійся не то дивизіон, не то полк терских казаков, занял Курскую слободку и оттуда грозился:

— Мы всѣх ингушей перерѣжем!

В одно сентябрское утро, когда как розовый жемчуг сіяли на солнцѣ подступившія к Владикавказу снѣжными вершинами своими горы, из Базоркина, этой ингушской столицы, выѣхал сначала послѣдній адъютант полка с кѣм то, вслѣд за ним корнет князь Грузинскій, тоже с кѣм то, а минут через пять за Грузинским поѣхали во Владикавказ трое—полковник Мерчуле со своим младшим братом и ротмистр-ингуш—Марчіев. Зная, что казаки жестоко расправляются с ингушами, Марчіев имѣл на всякій случай подложное удостовѣреніе на имя русскаго офицера с типичной русской фамиліей.

Интересно отмѣтить—судьба и только судьба,—что и Марчіев и Грузинскій со своими спутниками благополучно проѣхали во Владикавказ и так же благопо-

лучно вернулись, а братья Мерчуле, двинувшіеся почти вслѣд за ними, уже не вернулись.

Под самым городом, у окраины курской слободки, они замѣтили казачій разъѣзд в десять всадников.

Марчіев, выросшій здѣсь, воспитанный в недовѣріи к казакам, предложил:

— Господин полковник, повернем обратно, в Базоркино. Не нравятся что-то мнѣ эти каааки. Лошади у них дрянныя, мы уйдем от них, как от стоячих.

— Полно, Марчіев. Они нам ничего не сдѣлают.

Ингуш был другого мнѣнія, но покинуть Мерчуле, и спасаться одному, он считал бы вѣроломством и трусостью. Мальчишки и старухи всей Ингушетіи засмѣяли бы его.

Ѣдут дальше. Сблизились.

— Кто вы такіе? – спрашивают казаки.

— Русскіе офицеры.

— А на погонах что?

— Ингушскій конный.

— Так значит вы ингуши?

— Нѣт, вовсе не значит, братцы,—спокойно молвил Мерчуле,—мы офицеры ингушскаго полка, но вот мы с братом абхазцы, а этот офицер русскій.

Казаки переглянулись. Тупыя лица, пустые глаза, глаза людей, привыкших убивать на фронтѣ и научившихся убивать в тылу.

— А вѣры какой? Мухометанской?

— Развѣ вы не знаете, что абхазцы православные?—по прежнему спокойно возразил Мерчуле.

Пустые казачьи глаза не вѣрили. Тогда вскипѣл потерявшій всякую осторожность Марчіев:

— Как вы смѣете не вѣрить господину полковнику! Он и его брат христіане, а если хотите знать, так это я, я ингуш, мусульманин. Можете меня арестовать, а их отпустите!

— Ладно, мы вас доставим к сотенному командиру, а уж он разберет. . . Айда! Вперед!

И, пропустив трех всадников и охватив их подковой, вмѣстѣ с ними двинулись к слободкѣ. Дорогою, перемигнувшись, казаки рѣшили тут же покончить с

ингушами. Нѣсколько выстрѣлов в спину и в затылок. Так и пали братья Мерчули и Марчіев.

Вѣсть о подлой расправѣ всколыхнула все Базоркино. К сожалѣнію дѣйствовать по горячим слѣдам не пришлось. Трагическая гибель братьев Мерчули и Марчіева стала извѣстна лишь на второй ден. Опрошенные слобожане вспомнили, что один из сотенных командиров ѣхал на лошади убитаго ингушскаго полковника. Слобожане же показали огромную навозную кучу, гдѣ убійцы зарыли тѣла своих жертв. Трупы оказались раздѣтыми, обобранными. . .

XIV

Вѣрные священным адатам

Во Владикавказѣ ингуши появлялись за получкою жалованья. От имени Керенскаго им было обѣщано, что и по расформированіи дивизіи не прекратится выдача жалованья. Они пріѣзжали в город в конном строю, нѣсколькими сотнями, вооруженные до зубов и со своими офицерами-ингушами. У казначейства спѣшивались и выставляли пулеметы, чтобы казаки не могли атаковать врасплох.

В казначейство входили офицеры и всадники постарше с одним и тѣм же лаконическим приказом:

— Давай денги!

Комиссары, вначалѣ временнаго правительства, а потом, в первые мѣсяцы, большевицкіе, пока еще власть не окрѣпла, отсчитывали по полковой вѣдомости цѣлыя горы пачек бумажных денег. Этими пачками набивались мѣшки, и с мѣшками поперек сѣдел ингуши, ощетиниваясь винтовками, возвращались к себѣ.

Слѣдуя своим „адатам", этим неписанным законам, как ингуши, так и всѣ остальные горцы, спасали у себя в аулах не только своих офицеров, но и, вообще, всѣх, кто искал у них защиты. Долг самаго широкаго гостепріимства — священный долг для каждаго мусульманина, не только по отношенію к друзьям, но и к самым лютым врагам. Даже в том случаѣ, если ищущій пріюта и очага „кровник", т. е. убившій кого-нибудь из той самой семьи, в которой он прячется от преслѣдованія. По адатам, каждый „кровник" должен быть убит кѣм-нибудь из потерпѣвшей от него семьи. И его убивают, за ним охотятся мѣсяцами и годами. Но эти же самые охотники грудью своей будут за-

щищать „кровника“, едва он переступит порог их сакли. Ему дадут ночлег, его накормят и даже проводят, охраняя до сосѣдняго аула. Но если на другой день кровник попадется гдѣ-нибудь своим вчерашним благодѣтелям, они во имя тѣх же самых адатов, убьют его с чистой совѣстью, с сознаніем исполненнаго долга.

Так по отношенію к смертельным врагам; что же говорить о друзьях, или, по крайней мѣрѣ, о людях безразличных, не сдѣлавших ни добра, ни зла?..

Неисчислимы примѣры из кровавой россійской междуусобицы, когда, повторяем, подолгу, очень подолгу скрывали у себя кавказскіе горцы преслѣдуемых большевиками русских офицеров.

В том же самом Базоркинѣ, в началѣ большевизма, был такой случай:

Старый ингуш Аліев пріютил у себя в домѣ жандармскаго полковника Мартынова, мѣстопребываніем котораго, вѣрнѣе, головою весьма интересовались совѣтскіе комиссары Владикавказа.

Наконец, красные шакалы пронюхали, гдѣ и у кого скрывается полковник Мартынов. Из Владикавказа снаряжены были два грузовика чуть ли не с полуротою красноармейцев. С грохотом и шумом ворвались в Базоркино грузовики и остановились у дома Аліева.

Навстрѣчу им вышел из ворот старый, сѣдобородый Аліев с двумя сыновьями, Георгіевскими кавалерами. Всѣ трое — с винтовками.

— Вам что надо?

— У тебя прячется Мартынов, — послѣдовал отвѣт с грузовиков.

„Не Мартынов, а полковник Мартынов и жандармскій полковник, — поправил Аліев отец своих непрошенных гостей. — Только я вам его не выдам.

Вид трех ингушей с направленными винтовками был столь внушителен, что красноармейцы не посмѣли атаковать дом и, потоптавшись, сознавая глупое и смѣшное положеніе свое, умчались во Владикавказ.

Почти одновременно, или немного позже, приблизительно то же самое, только в болѣе уже круп-

ном масштабѣ разыгралось в одном из черкесских аулов.

Узнав, что в этом аулѣ находится великій князь Борис Владимирович, большой совѣтскій отряд с пулеметами и двумя орудіями занял всѣ подступы к аулу и объявил ультиматум:

— Или Борис Романов будет немедленно выдан, или весь аул будет разгромлен.

Великій князь явился на совѣщаніе старѣйших под предсѣдательством муллы. Совѣт быстро и единодушно вынес постановленіе:

— Великаго князя не только не выдавать, а, вооружившись, всѣм защищать его до послѣдняго человѣка.

Это было объявлено великому князю, на что с его стороны послѣдовало возраженіе:

— Уж лучше погибну я один, чѣм вы погибнете всѣ.

Отвѣт ему держал восьмидесятилѣтній мулла, семь раз побывавшій в Меккѣ, патріарх в бѣлой чалмѣ с зеленой каймой:

— Ваше императорское высочество, если мы тебя выдадим и через это останемся живы, на головы наших дѣтей, наших внуков падет несмываемое безчестье. Мы будем хуже собак и каждый горец будет имѣть право плевать нам в лицо. В нѣсколько минут весь аул являл собою военный лагерь. Всѣ черкесы вооружились поголовно, всѣ — от стариков до подростков, включительно. В штаб отряда красных послан был парламентер с отвѣтом на предъявленный ультиматум.

— Великій князь наш гость, и мы его не выдадим. Попробуйте взять силою...

Долго совѣщались между собою начальники отряда. Они знали фанатизм горцев, знали, что если даже и побѣдят красные, то цѣною больших потерь, особенно, когда втянутся в самый аул, гдѣ каждую саклю придется штурмовать, как маленькую крѣпость. Знали еще, что в этом аулѣ имѣется около шестидесяти всадников черкесскаго полка, прошедших опыт

Великой войны. Каждый такой всадник стоит десяти красноармейцев. При таких условіях бой был бы рискованной авантюрой.

Сняв осаду, совѣтская орда ушла...

То же самое, или приблизительно то же самое „имѣло мѣсто“, как пишут в газетах, и в Кабардѣ, и в Чечнѣ и в Дагестанѣ — повсюду, гдѣ свято соблюдались адаты кавказских горцев.

В то время большевики воевали с терскими казаками, сжигая богатыя станицы их и вырѣзывая мирное населеніе. Часть терцев сражалась с красными, часть держалась нейтрально, часть не имѣя оружія, не могла примкнуть к борьбѣ. А совѣтскія полчища все напирали и напирали. Нѣсколько тысяч казаков вмѣстѣ с женами и дѣтьми были притиснуты к Тереку, за которым начинались уже земли чеченцев. Еще день другой, подойдут красные и уничтожат весь казачій табор, отобрав скот, повозки, лошадей и молодых казачек на потѣху своим комиссарам... Единственное спасеніе, если чеченцы пустят бѣглецов к себѣ. Тогда общими силами легче отбиться да и переправа через Терек под огнем противника была бы для большевиков совсѣм нелегким дѣлом. Казаки послали к чеченцам ходоков умолять о помощи и содѣйствіи.

Чеченскіе старшины воспротивились.

—Вѣдь, мы то никого не просим о помощи, отчего же мы должны помогать терцам, от которых мы никогда ничего, кромѣ худого, не видѣли? И из за них мы будем воевать с большевиками?

Тогда выступил бывшій адъютант чеченскаго полка ротмистр Тапа-Чермоев. Он пользовался громадным вліяніем среди чеченцев и сам по себѣ и как сын извѣстнаго и уважаемаго генерала — чеченца.

Он же, Тапа-Чермоев уже успѣл стать во главѣ союза горских народов сѣвернаго Кавказа. Цѣлью этого союза было — отдѣленіе горцев от большевицкой Россіи, дабы таким образом спасти от совѣтизаціи свою самобытность, свою культуру, свои тысячелѣтнія традиціи.

Чермоев обратился к вождям, колебавшимся — пустить, или не пустить к себѣ терцев:

— Пусть казаки были нашими врагами, пусть! Но развѣ чеченцы отказывали когда нибудь в гостепріимствѣ самым непримиримым врагам своим? Наоборот, мы должны и пустить, и обласкать, и защитить казаков, раз они просятся под нашу защиту. Неужели мы отдадим их на истребленіе подлым и кровожадным насильникам? Да это было бы величайшим торжеством для большевиков. Это показало бы им, что, во первых, мы их боимся, а во вторых, что под вліяніем общаго развала, развалились и мы и растоптали все, чѣм до сих пор так по заслугам гордились. Нѣт, я не вѣрю, не вѣрю, чтобы чеченцы не протянули руки помощи терцам!

Слова Чермоева устыдили вождей, и отвѣтом на его призыв было единодушное желаніе оказать пріют терцам. А буде красные сунутся через Терек—тряхнуть своей джигитской доблестью.

И мигом закипѣла работа. Наведено было нѣсколько паромов, и в полдня казаки со своими семьями и своим скарбом переправлены были на чеченскій берег и распредѣлены по аулам, гдѣ получали и кров, и пищу, и заботливый уход.

А большевики уже подкатились к Тереку. Пѣхота начала переправляться на лодках и баржах, а конница пустилась вплавь.

Чермоев командовал обороной. Чеченцы разсѣливали густившихся на рѣкѣ красноармейцев. Теченіе Терека уносило их трупы. Численность большевиков была подавляюща и, несмотря на губительный огонь чеченцев, нѣскольким ротам удалось достичь непріятельскаго берега и высадиться. Здѣсь чеченцы встрѣтили их в рукопашную, кололи кинжалами, рубили шашками. Развѣдчики дали знать что в видѣ подкрѣпленія подходят свѣжія части большевиков. Тогда Чермоев, не надѣясь на собственныя силы, рѣшил чисто по восточному ударить по воображенію тѣх, кто с часу на час может высадиться. Он приказал обезглавить нѣсколько сот большевицких тѣл и разложить их вдоль берега, а

между ногами поставить отрубленныя головы. И вмѣстѣ с тѣм, Чермоев оттянул на вторыя позиціи свой измученный и также понесшій значительныя потери отряд.

И когда новыя подкрѣпленія на баржах начали переплывать рѣку, Чермоев, вооружившись биноклем, стал наблюдать.

Вид красноармейских трупов с головами между ног так ошеломляюще дѣйствовал на большевицкое воинство, что оно, не высаживаясь, разстроенное и устрашенное, повернуло свои суда обратно, только бы не видѣть больше жуткаго зрѣлища, полнаго леденящей угрозы. Обезглавленные трупы товарищей словно предупреждали:

— И с вами то же будет!

XV

Недобрыя вѣсти

Глубокая развѣдка Тугарина, развѣдка включительно до Смольнаго, получила широкую огласку, когда по ликвидаціи „Корниловскаго мятежа“ члены совѣта рабочих депутатов вернулись назад с Финляндскаго вокзала и с границы, обмѣняв фальшивые паспорта на дѣйствительные.

И стало извѣстно еще, что Тугарин вмѣстѣ со своим маленьким отрядом переночевал в кавалергардских казармах на Шпалерной и, не дождавшись своей бригады, утром через всю столицу вернулся к Гатчинѣ так же свободно и безпрепятственно, как и въѣхал в Петроград.

Совѣт, успѣвшій опомниться и недавнюю трусость свою замѣнить прежней наглостью, рвал и метал.

— Как он смѣл? Это вызов всему пролетаріату! Немедленно арестовать и под конвоем доставить в Смольный!

Но арестовать Тугарина было не так легко.

Ингушскій полк, хотя уже и не опасный „завоеваніям революціи“, готовый с часу на час двинуться к себѣ на Кавказ, все же являл собою реальную силу, стойкую и вооруженную. Депутація членов совѣта напрасно расточала свое митинговое краснорѣчіе перед старыми всадниками,—юнкерами и прапорщиками милиціи, лѣт тридцать назад получившими свои юнкерскія нашивки и прапорщичьи погоны.

Они твердили одно:

— У туземцы нѣт такой закон выдавать свои офицер.

— Но почему вы сами рѣшаете за весь полк?—до-

пытывались делегаты с красными бантами на кожаных куртках.

— Потому что полк — это мы! Молодые всадники слушают нас, стариков.

Так и вернулись делегаты ни с чѣм. И эшелоны с туземцами, задерживаясь в пути медленно двинулись на Кавказ.

Тяжело было на душѣ у Тугарина, Мелькала мысль, перейдя на нелегальное положеніе, пробраться в Петроград на поиски исчезнувшей Лары. Это подсказывало ему чувство, а долг, долг подсказывал не оставлять ингушей, так благородно защитивших его от суда и расправы Смольнаго. Да и, кромѣ того, Тугарин, как и всѣ офицеры тѣшил себя мечтою о возобновленіи борьбы с керенщиной и совѣтами уже оттуда, с Кавказа, гдѣ можно будет объединить всѣх горцев.

Юрочка утѣшал и подбадривал своего друга:

— Я понимаю тебя, но я вѣрю, что с ней, с Ларой, ничего дурного не будет. Подержат и выпустят. Даже с их товарищеской точки зрѣнія Лара ни в чем не виновата. В сущности, против нея нѣт никаких улик. Схватили ее в момент паники, когда зря хватали очень многих. Я увѣрен, мы встрѣтимся с нею и встрѣча эта не за горами.

Во Владикавказѣ Юрочка и Тугарин заняли комнату в гостиницѣ „Россія“. В этой гостиницѣ жили почти всѣ русскіе офицеры ингушскаго полка.

Положеніе создалось неопредѣленное и тревожное. Бурлил котел ненависти между ингушами, казаками, осетинами и жителями трех слободок, почти сплошь большевизированных.

Ингуши добровольно ставили свой караул, как возлѣ гостиницы „Россія“, так и внутри. Офицеры спали, не раздѣваясь, имѣя под рукой оружіе, готовые в любой момент не только к защитѣ, но, если бы это понадобилось, и к нападенію. В этой напряженной атмосферѣ отсчитывались дни за днями, недѣли за недѣлями.

Новости из Россіи черпались из газет и еще больше и полнѣе, из уст офицеров, прибывавших с каждым днем во Владикавказ, либо в штатском, либо в солдатских безпогонных шинелях.

Новости — одна другой безотраднѣе.

Керенскій под давленіем Смольнаго посадил „мятежнаго генерала Корнилова“ в Быхов, этот маленькой бѣлорусскій городок. В корниловскую тюрьму превращена старая іезуитская семинарія. Участь Корнилова раздѣлило еще нѣсколько мятежных генералов. Над всей этой группой назначен суд, но с минуты на минуту ожидается самосуд. Смольный ведет остервенѣлую кампанію против контр революціонных генералов. Солдатскія орды пытались наводнить Быхов и растерзать узников іезуитской семинаріи. Но Корнилова охраняют двѣ сотни вѣрных текинцев и, кромѣ того, в Быховѣ стоит эскадрон польских улан, вновь сформированнаго польскаго корпуса под командою генерала Довбор-Мусницкаго. Штаб корпуса находится в Бобруйскѣ. Оттуда генерал Довбор-Мусницкій прислал в Быхов одного из своих адъютантов, поручика Понсиліуса. На словах поручик Понсиліус сообщил приказаніе Довбора командующему эскадроном быховских гусар:

— Охранять генерала Корнилова от каких бы то ни было покушеній!

Уланы блестяще выполнили приказ.

В Быхов из Бердичева прибыл эшелон с цѣлым баталіоном солдат-бунтарей. Они еще из вагонов кричали:

— Мы всю эту корниловскую банду разорвем на куски и бросим собакам на съѣденье!

Комендант станціи, польскій офицер, позвонил в эскадрон. Не прошло и десяти минут, не успѣли еще выгрузиться солдаты, а уж эскадрон был тут как тут с наведенными на эшелон пулеметами.

— Или убирайтесь назад, к себѣ, или всѣх до одного выкосим!

Перетрусившая солдатня поспѣшила отвалить восвояси в Бердичев.

А дальше событія замелькали быстрѣе и пришло

то, что не могло не придти. Большевики с ничтожными силами свергли керенщину, а сам Керенскій бѣжал, переодѣвшись бабой. Звѣрски убит был матросами генерал Духонин. В Быхов снаряжалась уже цѣлая карательная экспедиція для расправы с корниловцами. Горсточка польских улан и текинцев уже не могла бы защитить быховских узников от большевицких полчищ, стягивающих мощную артиллерію.

Нельзя было упустить момента. Генералы Деникин, Лукомскій, Романовскій, Эрдели, Эльснер и полковник Пронин, переодѣвшись в штатское, бѣжали, разсыпавшись по всему уѣзду. Генерал Корнилов со своими текинцами в конном строю двинулся к югу через Могилевскую губернію, выдерживая бои с большевицкими отрядами и бронепоѣздами, что пытались окружить его, захватить...

Таковы были послѣднія вѣсти.

Великая смута и новый кровавый хаос удушливыми газами окутывали русскую землю...

XVI

Осаждающіе и осажденные.

Обоз ингушскаго полка, опоздавшій своим расформированіем, помѣщался в домѣ купца Симонова в самом центрѣ Владикавказа. Этот каменный дом, с обширным двором, хзяйственными постройками, глубокими подвалами, обнесен был высокой каменной стѣною с прорѣзом для массивных, окованных желѣзом ворот и такой же массивной калитки.

Обоз с частью полкового добра, с нѣсколькими десятками лошадей и нѣсколькими повозками, охранялся двадцатью ингушами. Во дворѣ стоял денежный ящик. Но хотя от денег не осталось даже воспоминаній, по слободкам и по казачьим станицам пущен был слух, что денежный ящик ингушей таит в себѣ несмѣтныя сокровища. Этот слух весьма укрѣпился и поддерживался Карикозовым. Экс-фельдшер, очутившійся на Кавказѣ скрывался в молоканской слободкѣ. Он-то и разжигал аппетиты и грабительскіе инстинкты слободской и казачьей вольницы.

— Сам видѣл! Сам знаю! Денежный ящик! Много золота, много пачка сотенные царска бумажка! А брилліанта? Ва, сколько брилліанта!

— Откуда брилліанты? — неодумѣвали распаленные слушатели.

— Какой разговор? Откуда? Знаем откуда! Мало эти свинья ингуши в Галичіи польски помѣщик воровал?

Карикозов сам вѣрил в несмѣтныя богатства денежнаго ящика.

Тугарин и Юрочка едва ли не каждый день навѣдывались в обоз. Во первых, там стояли их лошади;

во вторых, их тянуло к всадникам, к той горсточкѣ, уцѣлѣвшей от распыленнаго полка, полка, в рядах коего они воевали три года...

И в этот холодный осенній вечер они были в усадьбѣ купца Симонова, в знакомой, ставшей близкой обстановкѣ: с запахом лошадей, запахом сѣдел, пучками прислоненных к стѣнѣ пик, с гортанной рѣчью туземцев, с Георгіевскими крестами на черкесках ингушей, — все это притягивающе напоминало недавніе подвиги, недавнюю славу Дикой дивизіи.

Из темной впадины конюшенных ворот доносилось пофыркиваніе лошадей вперемежку с длительными похрустывающими звуками жеванія. Средь двора, под звѣздным небом, поднимался на колесах легендарный денежный ящик — предмет стольких хищнических вожделѣній. Безшумно скользили силуэты в черкесках и как-то особенно, уж по ночному звучала ингушская и русская рѣчь.

Кромѣ ингушей, из русских было двое при обозѣ: вахмистр Алексѣенко, в прошлом своем бывалый лихой пограничник; вольноопредѣляющійся Волковскій, маленькій сорокалѣтній бородач, по натурѣ своей неугомонный бродяга, участник нѣскольких войн.

Хотя обоз не ожидал нападенія, но, по смутному времени, ингуши были на-чеку, и ворота всегда держали на запорѣ.

Тугарин и Юрочка уже собирались вернуться к себѣ в гостиницу, уже Тугарин, перекинувшись нѣсколькими словами с бравым, подтянутым Алексѣенко двинулся к воротам, как один из ингушей преградил ему путь:

— Постой, постой немного, ваше высокородіе...

И всѣ другіе ингуши, как то насторожились вдруг, словно учуяв что-то своим горским звѣриным инстинктом.

А так по внѣшности все было спокойно и тихо. Ничего подозрительнаго, ничего не доносилось извнѣ.

Настроеніе ингушей передалось офицерам. А еще минута и через высокую каменную ограду начал про-

никать гул каких-то задушенных коротких слов и выкриков.

Опасность, неясная пока, смутная, но все же опасность. Ингуши бросились к винтовкам. Тугарин, Юрочка и Алексѣенко потянулись к своим револьверам у пояса. Волковскій, метнувшись к калиткѣ, откинул засов и выглянул на улицу. И тотчас же щелкнуло нѣсколько выстрѣлов и послышалось паденіе тѣла. Алексѣенко втащил Волковскаго за ноги во двор и запер калитку. Опасность придвинулась уже вплотную. Двое ингушей подбѣжало к стѣнѣ. Один цѣпким, хищным движеніем вскочил другому на плечи, осмотрѣлся кругом и тотчас же спрыгнул на землю, и быстро, быстро заговорил по ингушски.

Старый всадник ломаным русским языком переводил:

— Казаки... Много казак! Пятьсот казак будет. С винтовкам! Одни с буркам, другіе с черкескам. На нас атакам идут!

До сих пор терцы нападали на одиноких ингушей, на маленькія группы их, а теперь, пользуясь тѣм, что обоз ингушскаго полка отрѣзан от Базоркина и остальных аулов, рѣшили расправиться с ним.

И дѣйствительно, если не пятьсот казаков, то во всяком случаѣ не меньше трех сотен, пѣшей, нестройной ватагой, выслав, однако, дозоры, медленно приближались к усадьбѣ купца Симонова. И потому-ли, что казаки успѣли разложиться, потому-ли, что не на воинское, доблестное дѣло шли они, а на темное и грабительское, против горсточки какой-нибудь по сравненіи с собою, а только вид у них был — вид банды, и свои винтовки несли они нащупывающе, дулом вперед, как абреки.

Нападающіе на знали в точности, сколько именно затаилось ингушей за каменными стѣнами? Догадки были разныя, но всѣ эти догадки преувеличивали отряд, охранявшій обоз. Кто говорил 60, а кто называл и болѣе внушительную цифру — 100. И еще не знали терцы, что у ингушей было немного патронов, по тридцати приблизительно на человѣка.

Попытка внезапно ворваться в симоновскую усадьбу отпала послѣ того, как вахмистр Алексѣенко втащил во двор Волковскаго и запер калитку.

Из казачьей гущи понеслись недовольные выкрики:

— Ишь черти! Закрыться успѣли! Придется измором брать!..

Карикозов, в лохматой буркѣ и тоже с винтовкой, благоразумно державшійся в самом тылу, подбадривал сосѣдей своим хриплым, выдавленным голосом:

— Не боись, товарищ, не боись! Мы их всѣ вазмем тепленьки! Только до ящик добраться! Всѣ будем богачи! А только вы менѣ на расправу дайте полковник Тугарин. Она там сидит полковник Тугарин! Мы ему будем припомнит ногайкам в морда!..

Казаки, подошедшіе вплотную к дому Симонову, предлагали:

— Эй, вы, ингуши! Вяжите своих офицеров, да сами выходите! Цѣлы останетесь! Всѣх выпустим!

В отвѣт брошено было нѣсколько ручных гранат. Оглушительные разрывы, бѣшеные крики, брань. Койкого перекалѣчило. Отхлынувшая толпа осыпала и дом и стѣны градом пуль. Со звоном посыпались разбитыя стекла оконных рам.

Темпераментные горцы хотѣли ввязаться в поединок такими же залпами. Но Тугарин приказал беречь патроны и стрѣлять лишь навѣрняка, по видимой цѣли. И приказал он еще всѣм спуститься в подвал и увести с собою лошадей. чтобы не имѣть лишних потерь от гранат, коими в свою очередь забрасывали нападающіе симоновскій двор.

Сам же Тугарин снаружи, вмѣстѣ с Алексѣенко и старым всадником, занял надежное прикрытіе.

Наиболѣе предпріимчивые терцы ворвались в сосѣдніе большіе, двухэтажные дома, и оттуда, из верхних окон начали обстрѣливать и забрасывать гранатами опустѣвшій двор...

Тугарин, и бывшіе с ним, медленно и спокойно

брали смѣльчаков на мушку и снимали их одного за другим...

А у осажденных была пока только одна потеря — Волковскій, снесенный в подвал бездыханным.

Цѣлую ночь продолжалась осада. А в это время весь Владикавказ жил своей нормальной жизнью, если вообще, могло быть что либо нормальное в эти сумасшедшіе дни. Все, что было внѣ кварталов, прилегающих к симоновскому дому, ходило, гуляло, под музыку ѣло и пило в ресторанах и кофейнях.

И никого не смущали доносившіеся разрывы гранат и выстрѣлы. Никто не интересовался этим и лишь самые любопытные задавали вопрос:

— Что это? Гдѣ? Кто с кѣм?

В отвѣт равнодушное:

— Терцы с ингушами задрались у дома Симонова.

— А! Да ну их. Нам то что?..

И оффиціанту заказывалась новая бутылка вина, а музыкантам: „На солнцѣ оружьем сверкая“ или „Шарабан“.

На утро и на день осажденные и осаждающіе как-то затаились. Ингуши совсѣм молчали, казаки же лѣниво пострѣливали.

Тугарин, не смыкавшій глаз, как то почернѣвшій за ночь, рѣшительный, выяснил наличность патронов. На каждаго всадника осталось по одной обоймѣ. Можно еще держаться. Но краснорѣчивѣе этих обойм для Тугарина было настроеніе ингушей, бодрое, приподнятое. Он пытливо всматривался в смуглыя, как и у него почернѣвшія лица — ни унынія, ни подавленности, ни отчаянія. А, вѣдь, положеніе всѣх этих людей почти безнадежное. На исходѣ патроны, на исходѣ вода, весь хлѣб съѣден.

Тугарин со старым ингушем и Алексѣенко держал военный совѣт.

— Единственное спасеніе, — сказал Тугарин, — это дать знать в Базоркино Ингуши сейчас же примчатся на выручку. Алексѣенко, ты лихой старый по-

граничник. Можешь сдѣлать вылазку, когда стемнѣет?

— Так что, ваше высокоблагородь, тут в подвалах есть вольная одежа симоновских приказчиков—зипуны, тулупы. Переодѣнусь и айда! В Бозоркино восемь верст. Живо смотаюсь. Сотни шашек довольно разогнать эту шатію.

Алексѣенко, сняв с себя черкеску и оставшись в одном бешметѣ, надѣл сверху мѣщанскій зипун и был готов к вылазкѣ. Чтобы возможно лучше обезпечить ему вылазку, Тугарин приказал бросить в осаждающих нѣсколько ручных гранат. И сдѣлать из слуховых окон чердака пять-шесть выстрѣлов.

Терцы отхлынули, очистив на значительное разстояніе улицу и унося с собою раненых. И вот тогда-то, воспользовавшись этим, выпущенный из симоновскаго дома вахмистр пополз в темнотѣ. Но, увы, находившіеся в сотнѣ-другой шагов осаждающіе замѣтили его и открыли огонь. Раненый пулей в ногу Алексѣенко, все же переполз улицу, и, уже очутившись под прикрытіем домов побѣжал вдоль пустынных кварталов; и только на самой окраинѣ города он сошел к журчавшему Тереку, промыл и перевязал свою хоть и неопасную, но стоившую немалой потери крови глубокую царапину. . .

А в Симоновском домѣ ничего этого не знали и были увѣрены, что Алексѣенко убит и погиб и ждать спасенія неоткуда. Если же оно и придет когда-нибудь, то будет уже поздно, и всѣ защитники маленькой импровизированной крѣпости успѣют превратиться в собственныя тѣни от голода, нечеловѣческаго переутомленія, безсонницы, голода и жажды. . .

XVII

Маленькая непріятность в большом свѣтѣ

Прошло десять лѣт.

В чудовищном вихрѣ метались и кружились событія.

Давным давно успѣли отгорѣть послѣдніе огни бѣлаго освободительнаго движенія. Горсть добровольцев и казаков согнулась, согнулась но не сломалась в непосильной, титанической борьбѣ с неисчерпаемым пушечным мясом Третьяго Интернаціонала.

Врангель вывез из Крыма остатки русской арміи. А через нѣсколько лѣт сам Врангель, все еще опасный большевикам, опасный даже в изгнаніи, был тонко и сложно отравлен ими.

Несчастная Россія пережила за это время эпоху военнаго коммунизма, когда матери, голодныя, обезумѣвшія пожирали своих младенцев и когда в застѣнках ЧК разстрѣливались тысячи русских людей, тысячи, неумолимо выроставшія в милліоны.

И за всѣ десять лѣт два, только два одиноких выстрѣла прозвучали в отвѣт на милліоны подлых убійств. Да, только два выстрѣла в эмиграціи. Один в Женевѣ—по Воровскому; другой—в Варшавѣ—по свирѣпому палачу Царской семьи Войкову. На два милліона русской эмиграціи только и нашлось двое энтузіастов мстителей: Конради и Коверда.

Первый был оправдан швейцарским судом, второй, юноша, даже мальчик, угодливо-трусливым польским судом приговорен был к пожизненной каторгѣ.

А за это время, и даже не за это время, а в теченіе двух лѣт, армянская молодежь успѣла перебить в

разных городах Европы весь турецкій кабинет министров, повинных в рѣзнѣ турецких армян.

Зато совѣтскіе министры и дипломаты свободно разъѣзжали по всему свѣту, вручали вѣрительныя грамоты свои королям и президентам, участвовали в международных конференціях и никто, никто не покушался на их драгоцѣнную жизнь.

Русская эмиграція разбрелась по всему міру, но главное ядро ея осѣло во Франціи, преимущественно в Парижѣ. Одним удалось вывезти с собой много цѣнностей. Пріумножая их, они стали богаты. Другим посчастливилось разбогатѣть из ничего, но как тѣ, так и другіе позабыли родину и, не давая ни гроша на русское дѣло, допытывались:

— Когда же мы вернемся? Когда же все это кончится?

А тѣ, кто свое здоровье и молодость отдали сначала Великой, потом гражданской войнѣ работали у заводских станков, разъѣзжали шоферами в такси, дежурили ночными сторожами и, помня о Россіи, из скудных грошей своих удѣляли и на террористическія организаціи внутри Совдепіи, и на русскій Красный Крест и на русских инвалидов.

В Парижѣ очутились наши старые знакомые, связанные и прямо, и косвенно с Дикой дивизіей.

Всплыл, и довольно видной фигурой всплыл барон Сальватичи. Годы сказались. Еще болѣе помятым было лицо его с ястребиным профилем и голым черепом. Фигуру же сохранил бодрую, крѣпкую. Не мог разрушить ее кокаин, к которому он прибѣгал все чаще и чаще.

Жил Сальватичи в комфортабельной квартирѣ, возлѣ парка Монсо, но значительную часть дня проводил в особнякѣ на другом берегу Сены.

Этот особняк, снятый им у одной герцогини, он отвел под лечебницу, лечебницу для желающих похудѣть. Паціенток своих, полных аргентинок, египтянок, главным образом, представительниц экзотических стран, Сальватичи принимал в бѣлоснѣжном халатѣ, имѣя ас-

систентками двух дам врачей и нѣскольких сестер милосердія.

В русских кругах говорили, что эту лечебницу Сальватичи создал для отвода глаз, дабы вмѣстѣ с нею создать и свое собственное положеніе в столицѣ міра. Лечебница — это официально, неофициально же доктор Сальватичи—видный агент Москвы и получает громадныя суммы на предмет сыска и разложенія эмиграціи. Преслѣдуя обѣ эти цѣли, он субсидирует нѣкоторые ночные рестораны и одну кино-фабрику.

Жил, и широко жил бывшій адъютант чеченскаго полка Тапа-Чермоев. Под свои нефтеносныя земли на Сѣверном Кавказѣ он получил большіе милліоны от английских трестов, ждавших, что послѣ паденія совѣтской власти, Чермоев будет вновь фактическим собственником своих участков, фонтанами брызжущих в воздух „жидким золотом".

Одно время „отец чеченскаго народа" нанимал в Пасси „историческій" особняк, принадлежавшій знаменитой танцовщицѣ Дели-Габи, знаменитой тѣм, что она была подругою Мануэля, короля португальскаго, из за нея поплатившагося своим троном. Это она, Дели-Габи ввела в свое время в моду „танец медвѣдя", праобраз много позже воцарившагося чарльстона. Милліоны не задерживались у Чермоева. На его счет жило около восьмидесяти родственников, и он раздавал деньги всѣм, кто к нему обращался за помощью.

Адъютант черкескаго полка Верига-Даревскій занимал хорошее мѣсто в одном из банков, потом его перевели в Лондон, а затѣм он уѣхал в Варшаву.

Адъютант ингушскаго полка, Баранов, Георгіевскій кавалер, в нѣскольких войнах получившій нѣсколько ран и контузій, служил ночным сторожем в большом домѣ на Елисейских Полях, гдѣ помѣщается контора газеты „Пти Паризьен".

Принц Наполеон Мюрат, в Карпатах отморозившій себѣ ноги, потерял их окончательно и передвигался в телѣжкѣ. И Мюрата, и его телѣжку знала вся Ницца. Он жил переводом книг с русскаго на французскій.

Так угомонила судьба этого силача, наѣздника, бреттера и доблестнаго боевого офицера.

Забросило в Парижѣ еще цѣлую фалангу офицеров славной Дикой дивизіи: князя Бековича-Черкасскаго, двух князей Амилахвари, Алика и Гиви.

Насаждали цыганское пѣніе на берегах Сены ротмистр Багрецов и поручик Миша Толстой, сын великаго писателя Земли Русской.

А племянник этого писателя, Андрей Берс, служившій в чеченском полку, держал ночной ресторан „Кунак". Вес Монмартр знал и рослую фигуру Берса, и его лицо Чингис Хана, и его неизмѣнную черкеску и рыжую папаху. На фонѣ Монмартра описал его Жозеф Кессель в своих „Княжеских ночах". *)

Романист-балетоман Свѣтлов, весь сѣдой, но крѣпкій и бодрый, несмотря на жестокую контузію, уже нѣсколько лѣт был администратором балетной школы знаменитой балерины Императорских театров Трефиловой.

Вынырнул в Парижѣ, много лѣт спустя послѣ владикавказских событій и осады обоза ингушей в симоновском домѣ, экс-фельдшер Карикозов. Теперь на его визитных карточках стояло уже: „Доктор медицины".

То же самое ассиметричное лицо с носом- картофелиною, та же подчеркнутая жестикуляція, та же самая хриплая рѣчь с болѣе чѣм выразительной мимикой. Но теперь этот самозванный доктор медицины одѣт был с иголочки, на его коротких пальцах сверкали крупные брилліанты и такими же брилліантами усѣян был массивный портсигар. Теперь Карикозов жил в дорогом отелѣ, спекулировал драгоцѣнностями, кутил в ресторанах и много тратил на женщин.

По словам Карикозова, он пріѣхал из Персіи, гдѣ был лейб-медиком его величества шаха Персидскаго. Шах осыпал его милостями и Карикозов был при нем

---

*) Ж. Кессель „Княжескія ночи" роман стр. 264. К-во „Orient" Рига.

едва ли не первым человѣком, но Персія ему надоѣла, — захотѣлось повидать большой свѣт.

Этот большой свѣт встрѣтил его маленькой непріятностью.

Однажды, на русском благотворительном балу, послѣ нѣскольких бокалов шампанскаго, господин Карикозов пришел в игривое настроеніе и начал по своему рѣзвиться. Приставал к дамам, хватал их за ноги и многообѣщающе обмахивал свою возбужденную, вспотѣвшую физіономію вѣером из тысячефранковых билетов. Затѣм его вниманіе привлек оркестр, исполнявшій модные танцы. Подойдя вплотную, Карикозов начал приставать к музыкантам:

— Скажи, пожалуйста, играть не умѣете! Вот, я вам покажу! — И он полѣз на эстраду.

Но не успѣл еще занести ногу, как вдруг, взмахнув руками, отпрянул назад и, неудержимо пронесшись нѣсколько шагов, влип в группу танцующих пар. Он что-то дико орал, и его лицо украсилось громадным вздувшимся желваком.

Никто ничего не понимал и всѣ думали, что, пожалуй, это какое то нибудь забавное колѣнце подвыпившаго субъекта. Его усадили на стул. Безсмысленно вращая глазами, сам не понимая, что произошло, он бормотал:

— Ва . . . ва . . . что смотришь, дурак? Ва.. что смотришь?

Желвак выростал, вспухал, закрывая глаз, а публика неудержимо хохотала над этим „атракціоном“ внѣ программы.

Удар был нанесен с такой непостижимой и ловкой стремительностью — даже музыканты ничего не успѣли замѣтить.

Джацбандист, блѣдный, стискивая зубы, сдерживая свое волненіе, продолжал звенѣть мѣдными тарелками и ударять обтянутой замшею болванкою о тугонатянутую кожу барабана.

Этот джацбандист и был виновником забавнаго происшествія. Лишь только лейб-медик его величества

шаха попытался взобраться на эстраду, Виктор Ревич, в прошлом кавалерійскій офицер, а теперь джацбандист, тотчас же узнал Карикозова, хотя с первой и послѣдней встрѣчи их минуло уже около десяти лѣт. Воспоминанія были так отвратительны, что Ревич, боксер и спортсмен, с молніеносной быстротой свел свои счеты с подвыпившим нахалом.

Это было в Константинополѣ, тотчас же послѣ эвакуаціи Крыма войсками Врангеля. Англійская развѣдка ревниво слѣдила, чтобы русскіе офицеры не продавали оружія эмиссарам Кемаля паши. В этих цѣлях агенты англичан широко занимались провокаціей.

Ревич из Крыма вывез в двух чемоданах разобранный пулемет Максима, и когда нечего уже было ѣсть, рѣшил „загнать" пулемет. Карикозов, щеголявшій по Константинополю в черкескѣ, с двумя Георгіевскими крестами, подъѣхал к нему:

— Пулемет имѣешь? Прадай пулемет! Хороши деньги получишь. Я знаю людей от Кемаля...

Ревич согласился.

Карикозов предложил:

— Бунар-Хисар знаешь? Гора стоит, на горѣ башна. Привази пулемет завтра в три часа. Я под гора буду с вѣрны человѣк... Он тысячи лир дадит. Привази пулемет!

Ревича взяло сомнѣнье. Он захватит с собою друга.

— Я с чемоданами спрячусь на горѣ, между деревьев, а ты спустись вниз и понаблюдай. Сообщишь мнѣ. Если Карикозов только с рябым турком, тогда и я спущусь. А если нѣт, если будут посторонніе еще, значит ловушка.

Друг, сдѣлав развѣдку, вернулся блѣдный, взволнованный.

— Уноси свою голову! Скорѣй! Скорѣй!

Когда они очутились внѣ досягаемости, друг пояснил:

— Карикозова не было, был только рябой ту-

рок, а поодаль машина с четырьмя англійскими жандармами.

И тогда только понял Равич, что ему грозило. Англичане избивали до полусмерти всѣх, уличенных в продажѣ кемалевцам револьвера или винтовки. А если это был пулемет, виновнаго, завязав в мѣшок с камнями, бросали ночью в Босфор...

XVIII

Лара

Лара, послѣ обыска в ея квартирѣ, отвезена была матросами на маленьком буксирном пароходѣ в Кронштадт. Ее посадили в военной тюрьмѣ в одну из тѣх холодных, сырых, с бетонным полом камер, куда во „дни проклятаго царизма" солдат и матросов сажали никак не болѣе, чѣм на 24 часа. А теперь, во дни демократических свобод, в каменных мѣшках долгими мѣсяцами томились тѣ, кого упрятывала в эти мѣшки разнузданная матросская вольница.

Лара узнала, что такое революціонная тюрьма. Дважды в день вмѣсто супа она получала какую-то зловонную бурду, четверть фунта хлѣба, а вмѣсто чая наполненную кипятком бутылку из под пива. Эта вода служила ей для питья и умыванья. Матросы подсматривали в квадратное окошечко, — „глазок", продѣланный в металлической двери, что дѣлает Лара. Эти же матросы раз в день с хохотом выводили ее „на прогулку".

Тщетны были всѣ попытки Лары добиться, почему и на каком основаніи, безо всяких обвиненій держат ее в сыром казематѣ.

Отвѣт был один и тот же:

— Мы моряки, мы здѣся все! Никаких временных правительств не признаем!

Лара исхудала и ослабѣла. И постепенно вмѣстѣ с этим ею овладѣло тупое ко всему и ко вся безразличіе...

Она сама ловила себя на этом, но ничего не могла подѣлать. Да, именно какое-то тупое безразличіе. И в своей любви к Тугарину усомнилась, хотя головой,

умом увѣряла себя, что любит. Духовное уступало понемному мѣсто внѣшнему, животному. Она почла бы за невыразимое счастье как слѣдует вымыться, сдѣлать обычный туалет и ѣсть, много, ѣсть без конца что-нибудь очень вкусное.

Совсѣм равнодушно отнеслась она к перевороту, когда тюремщики-матросы объявили ей:

— Наша взяла! Теперь наша совѣтская власть!

В тюрьмѣ воцареніе большевиков сказалось в том, что матросы начали держать себя еще разнузданнѣе, а бурда, вмѣсто супа, стала еще зловоннѣе. Сосѣднія камеры наполнились арестованными офицерами. К ночи эти камеры пустѣли. Офицеров разстрѣливали. А на слѣдующій день камеры наполнялись новыми узниками.

Так проходили мѣсяцы.

Студент Канегиссер убил краснаго директора департамента полиціи. Новые аресты, новые заложники, новыя репрессіи. Кронштадтская тюрьма наполнилась офицерами, священниками, генералами, купцами. В квадратный глазок Лара однажды увидѣла своих петербургских знакомых — генерала Княжевича и полковника Безака. А к утру и Княжевич, и Безак, и сотни всѣх остальных заключенных были разстрѣлены...

Пріѣхал из Петрограда важный комиссар Гелер, упитанный наглец, с густой копной волос, с перхотью на пиджакѣ, и с нероновским профилем. По крайней мѣрѣ, он сам всѣх увѣрял, что у него нероновскій профиль.

Гелер сдѣлал карьеру своей жестокостью и окончательно выдвинулся тѣм, что в особнякѣ великобританскаго посольства убил военно-морского агента капитана Кроми. Англичанин пал геройской смертью послѣ того, как застрѣлил шесть красноармейцев.

Окруженный свитою из матросов и комиссарской мелкоты, Гелер обходил заключенных.

Он спросил Лару:

— Вы за кѣм числитесь?

— Ни за кѣм. Я была арестована еще при Керенском.

— А. . . — протянул Гелер, — я разберу ваше дѣло.

Вечером он ее вытребовал к себѣ в низенькую тюремную канцелярію в одном из флигелей.

Через день Лара была у себя, у Таврическаго сада, и Гелер прислал ей большую корзину с вином, фруктами, холодным мясом, консервами. Для голодающей столицы это была роскошь неслыханная.

К ней часто пріѣзжал Гелер со своими товарищами. Кутили, хохотали, пѣли, лилось шампанское. Нюхали кокаин. И Лара нюхала.

Так прошел год.

Комиссары посѣщали гражданку Алаеву, но уже без Гелера. Этот наглец, уличенный своими же в какой то грандіозной спекуляціи, был разстрѣлян, как до сих пор он сам разстрѣливал „классовых врагов".

Его замѣститель предложил как то Ларѣ:

— Товарищ Алаева, вы можете быть нам полезной в Европѣ. Вы знаете иностранные языки и вообще, вы дамочка хоть куда! Я вам устрою выгодную командировку.

У Лары все замерло внутри, а потом шибко-шибко забилось сердце. Только свѣтская выдержка не выдала безумной радости. И, незамѣтно для комиссара овладѣв собою, она отвѣтила спокойно и даже с каким-то снисходительным оттѣнком:

— Об этом можно подумать. Вы правы. Я могу быть вам полезной именно там!

И вот она в Парижѣ. У нея деньги, большія деньги в самой разнообразной валютѣ.

Тогда еще Франція не признавала совѣтскую власть, и кремлевская шайка, не щадя затрат, посылала своих агентов в Париж.

Но Лара не оправдала надежд. Она не только не приносила пользы пославшим ее, а, наоборот, поносила большевиков в тѣх международных кругах, в которых за нѣсколько лѣт успѣла сдѣлаться своею.

Но политикой Лара не занималась. Все болѣе и

болѣе овладѣвало ею безразличіе, начавшееся еще в Петроградѣ.

Ее видѣли в обществѣ элегантных мужчин, видѣли всюду, гдѣ шумно. людно. И всегда Лара была со вкусом одѣта, низко подстрижена, с густо накрашенным ртом, с длинным мундштуком вѣчно дымящейся папиросы.

Русских она не то что избѣгала, а не искала встрѣч с ними. Но все же случалось говорить со знакомыми. Они ей сказали, что Юрочка убит на югѣ Россіи, убит в борьбѣ с большевиками. Юрочка. . . в свое время такой близкій, родной, такой друг, безкорыстный и вѣрный ! Бѣдный Юрочка!

Иногда вспоминала Тугарина, думала о нем, но всѣ свѣдѣнія о Тугаринѣ сводились к одному: и он, как и Юрочка, дрался с большевиками, командовал сводным туземным полком, был, как всегда, смѣл, и отважен и дерзок... Но врангелевская эвакуація не прибила его к константинопольским берегам. И вот уже много лѣт о нем ни слуху, ни духу. Жив-ли? Скрывается гдѣ-нибудь, или же тайну его гибели хранит какой-нибудь забрызганный кровью совѣтскій застѣнок?

И вее рѣже и рѣже вспоминала она когда-то любимаго человѣка.

Время, угарная жизнь, кокаин, отдаляли и стирали его образ, и он блѣднѣл и блѣднѣл, превращаясь в подведенных глазах Лары в нѣчто совсѣм отвлеченное. . .

XIX

Близкіе-далекіе

Русскіе мирно завоевывали Париж на всѣх поприщах.

Русскіе мальчики и дѣвочки первыми шли в гимназіях, колледжах и ремесленных школах. Русскіе пѣвцы были первыми. Русскія танцовщицы тоже.

Русскій повар Корнилов, служившій двум императорам, взял первый приз на конкурсѣ всесвѣтных кулинаров. В награду получил один из предметов тонкаго ремесла своего, похожій на фельдмаршалскій жезл. Да и в дѣлѣ своем развѣ не был фельдмаршалом?

Небольшой ресторан его на скромной и тихой улицѣ, на подступах к Монмартру, привлек всѣх, кто любил и умѣл вкусно и с толком поѣсть.

Всегда было полно. Публика терпѣливо ждала, пока освободится столик.

Особенный колорит, и колорит хорошаго тона, вносила фигура самаго шефа в бѣлом колпакѣ, с живыми, ясными глазами под сѣдыми пучками бровей.

Корнилов привѣтливо обходил своих гостей, вспоминая прошлое с тѣми, кто знал его по Россіи на протяженіи многих лѣт.

Иногда, как художник, под наитіем вдохновенія жадно хватающійся за палитру и кисти, спускался Корнилов вниз, на кухню, чтобы самолично приготовить гостю гурману одно из тѣх блюд своих, коим он так славился. Строгій к себѣ Корнилов был строг к своим помощникам. Они у него часто мѣнялись, но кто уживался долго, тот дѣйствительно мог выдержать самый требовательный экзамен.

В числѣ таких поваров был и полковник артиллеріи Николай Владимирович, миніатюрный весь, с маленьким юношеским лицом и с громадными усами. Бѣлый поварской колпак сообщал ему что-то умилительное и веселое.

Вот и сейчас сквозь пріоткрытую дверь он наблюдал публику, и его громадные усы шевелились в дѣтски-добродушной улыбкѣ. Думал ли он пятнадцать лѣт тому назад, что герцог Сандро Лейхтенбергскій, в штатском, такой же эмигрант, как и он, будет сидѣть в нѣскольких шагах за столиком, а он, Николай Владимирович, командир батареи, будет печь кулебяку, варить борщ, жарить шашлыки в маленькой подвальной кухонкѣ?... И видит он знакомый, примелькавшійся здѣсь затылок дамы. Ее прозвали здѣсь „дамою с длинным мундштуком". Сегодня с ней какой то новый господин. Несмотря на дорогой костюм и брилліантовый перстень, вид у него плебейскій и непріятна его громкая, хриплая рѣчь с восточным акцентом Он хлещет шампанское и ѣст с чудовищным аппетитом, особенно же приналег на дѣйствительно очень вкусный пломбир; уничтожив двѣ порціи, потребовал третью:

— Хорошо мороженной! Давай еще!

— Пломбир весь вышел, — отвѣтил ему лакей.

— Как вишел? Почему вишел? Давай, говорят тебѣ!

Лакей, сдерживая бѣшенство, корректно отвѣтил:

— Пломбира нѣт больше!

— Какой чорт нѣт! Давай сюда хозяин! — уже орал лейб медик шаха персидскаго на весь ресторан.

Корнилов был тут как тут. Глаза его под сѣрыми пучками бровей с холодным презрѣніем остановились на безпокойном и шумливом гостѣ:

— Чѣм вы недовольны, сударь?

— Что за порадки? Морожени нѣт!

— Вам сказано, что пломбир вышел... И вообще, кому порядки наши не нравятся, тот может не ходить.

Это было так сказано, что нахал тотчас же присмирѣл.

— Ну что такое, хозяин. Не сердись. Выпьем шампански!

— Нѣт, нѣт, увольте, я занят — молвил, отходя Корнилов.

А дама сидѣла, как автомат, ничего не видя и не замѣчая.

С герцогом Лейхтенбергским было двое. Один жизнерадостный, улыбающійся, с умными глазами на румяном, широком лицѣ — Тапа-Чермоев; другой — темный блондин с бородой.

Перед ними стоял кофейник — тонкій стеклянный шар, наполненный горячей густой жидкостью. Как желто зеленый тигровый глаз переливался в рюмочках маслянистый ароматный ликер.

Темный блондин с бородой продолжал свой разсказ.

— Большая часть ингушей уже пластом лежала от истощенія и голода, уже не было никаких надежд на помощь извнѣ, уже мы не сомнѣвались, что Алексѣенко убит, убит, переползая улицу в нѣскольких шагах от нас. Уже близилась третья ночь нашей осады. Мы не отвѣчали на выстрѣлы. Винтовочныя обоймы всѣ вышли, а в револьверных барабанах осталось по два патрона. Один — для врагов, лицом к лицу, во время штурма, другой для себя... Тапа, ты помнишь Волковскаго? При жизни он был такой маленькій, невзрачный, а труп его раздуло и он лежал громадный, какой-то гороподобный... Страшно было смотрѣть на него!

И вот, когда мы уже совсѣм отчаялись, внезапно пришло избавленіе. Мы услышали топот, по крайней мѣрѣ, двух сотен, услышали нароставшіе крики „Алла!" и выстрѣлы. Ингуши налетѣли конной атакой на терцев и, смяв их, часть порубили, часть прогнали. Вел их ротмистр Бек-Боров. Он, кажется, Тапа, родня тебѣ по женѣ? Он первый ворвался в гущу терцев и погиб, пронзенный пулями...

Собѣсѣдники внимали, затихшіе. Улыбка давно сбѣжала с лица Чермоева. Это минувшее кизалось та-

ким трепещущим, ярким и свѣжим здѣсь, в мирной обстановкѣ парижскаго ресторана.

Но как бы удивились всѣ трое, узнав, что через нѣсколько столиков от них сидит спиною к ним экс-фельдшер Дикой дивизіи, зачинщик и подстрекатель всей этой кровавой авантюры.

Но если Карикозов сидѣл спиною к Тугарину, то лицо его дамы Тугарин видѣл в профиль, и этот профиль напоминал ему что-то знакомое. Но, будто дразня воображеніе и память, образ ускользал, ускользал и только под конец какой-то прямо физическій толчек в грудь подсказал Тугарину:

— Лара!

И он не мог сдержать волненія и это выразилось чисто внѣшне. Безо всякаго желанія он выпил свой ликер, помѣшал ложечкой давно растаявшій сахар остывшаго кофе и откусил зубами кончик сигары. . .

Герцог и Чермоев, рѣшив, что он весь еще во власти воспоминаній, молчали.

Через минуту он уже овладѣл собою. Прошлаго нѣт. Оно умерло так же, как они умерли друг для друга. У нея своя жизнь, у него своя. Ей хорошо, или она дѣлает вид, что ей хорошо. Но не все-ли равно? Их пути разные. Она останется здѣсь, с тѣм, или иным мужчиной, обѣдая, завтракая, ужиная. А он? Через день его не будет в Парижѣ. Он вернется туда, гдѣ все время идет борьба за Россію. На одном из теплых морей он сядет на пароход, с оружіем и сотнею таких же отчаянных голов, как и он сам. Их ждут, ждут, чтобы вмѣстѣ с ними поднять возстаніе против красных насильников и убійц.

Бочка, насыщенная порохом готова, надо лишь поднести зажженный фитиль. . .

КОНЕЦ